

ISSN 0494-7304 0234-7911

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Interlinguistica Tartuensis

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 791 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

**ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО
ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА**

Interlinguistica Tartuensis

5

ТАРТУ 1988

Редакционная коллегия серии:

П. Аристо, В.П. Григорьев, А.Д. Дуличенко, С.Н. Кузнецов, М. Линнамяки, П. Нурмекунд.

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко

Сборник посвящен статистике функционирования международного вспомогательного языка эсперанто.

Освещены социолингвистические условия функционирования эсперанто, его внутренняя структура, типологические и генетические связи с другими языками; опубликованы письма создателя эсперанто Л.Л. Замангофа деятелям русской культуры и науки. В плане общей интерлингвистики рассмотрены основные типы международных языков, впервые приведен полный индекс лингвопроектов (916 ед.), созданных со II в. в более чем 40 странах мира.

Предыдущие выпуски серии "Interlinguistica Tartuensia":

1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия вкад. П.А. Аристо. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 613). Тарту, 1982. - 200 с.

2. Теория и история международного языка. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 644). Тарту, 1983. - 123 с.

3. История и современное состояние интерлингвистики. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 671). Тарту, 1984. - 183 с.

4. Вопросы общей и частной интерлингвистики. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 775). Тарту, 1987. - 160 с.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК В ПРАКТИКЕ:
к столетию функционироваия эсперанто**

А.Д. Дуличенко

Современные толковые словари трактуют слово "искусственный", как "сделанный наподобие настоящего, природного". Отсюда широко распространенные выражения типа "искусственное волокно", "искусственные зубы", "искусственное освещение", "искусственное орошение" и под. Семантически противопоставляющееся ему слово "естественный", по тем же данным, означает "принадлежащий природе (земной поверхности, климату, животному и растительному миру и т.д.), созданный природой, природный", а также "обусловленный законами природы, существующий от природы, приращенный; натуральный". Для нас важно выявить, каково же распределение этих прилагательных по отношению к человеческому языку.

В сознании и за его пределами, в том числе и в области культуры и быта, широко распространено мнение о "естественности" языка, на котором говорит определенный народ. Отсюда и выражение "естественный язык". Возникло это выражение, а в связи с ним и сознание "естественности" происхождения человеческого языка давно. По крайней мере, попытки теоретического обоснования "естественного" происхождения и развития языка были даны еще во второй половине XIX в. в русле так наз. натуралистического (или биологического) направления в языкознании, крупнейшим представителем которого был известный немецкий языковед А. Шлейхер. Отталкиваясь от учения Ч. Дарвина, Шлейхер полагал, что язык формируется как естественный организм, проходя те же самые стадии развития. Не случайно ряд его работ в этом направлении так и называется: "Теория Дарвина и наука о языке" (1863), "Значение языка для естественной истории человека" (1865) и др. Не менее выразительны в этом отношении названия работ последователей Шлейхера: "Физиология языка" (1840) и "Сравнительная грамматика как естественная наука" (1852) М. Раппа, "Жизнь и рост языка" (1875) В.Д. Уитни и др. А. Шлейхер пытался применить точные методы, которые использовались в естественных науках, по отношению к человеческому языку. Отсюда его тре-

бование к установлению строгих законов и закономерностей в фонетической структуре индоевропейского праязыка, реконструкцией которого он занимался всю жизнь. Натуралистическое направление, хотя и просуществовавшее недолго, все же утверждало стереотип о "естественности" человеческого языка, а это делало обычным употребление выражения "естественный язык", которое противопоставлялось выражению и понятию "искусственный язык". В XX в. эта семантическая оппозиция была подкреплена в сфере семиотики как науки о знаковых системах. Сконструированные человеком такие знаковые системы, как математические символы и обозначения, сигнализация флажками, азбука Морзе и под., квалифицируются, как "искусственные языки", автоматически противопоставляясь человеческим языкам как языкам "естественным".

Жизучесть идеи о "естественности" человеческого языка настолько велика, что даже в интерлингвистике, занимающейся преимущественно сознательным конструированием языковых систем, предпринимались попытки создания "естественного языка" международного общения. Это, между прочим, отразилось и в названиях таких языков-проектов (или лингвопроектов). В 1886 г. под влиянием лингвонатуралистических идей А. Шлейхера и его последователей француз Э. Мальдан конструирует априорно-философский язык (умозрительный, не связанный с материалом этнических языков), названный им "естественный язык" - *la langue naturelle* (по-другому также *Chabé-Aban*). Несмотря на то что автор более 10 раз переиздавал учебник этого языка (или же имитировал его переиздание), этот "естественный язык" так и не стал привычным средством общения разноязычных народов. В 30-е гг. нашего века американцы Э.Дж. Элсас и Х.Э. Хувер пытаются распространить свои лингвопроекты под названием "*natural univereal language*" и просто "*natural language*". Вероятно, такими названиями авторы хотели показать, что их изобретения ничем существенным от обычного этнического языка не отличаются.

Между тем человеческий язык возникает не на биологическом, а на социальном уровне; это, по выражению лингвиста В.И. Абаева, "приобретаемая, а не естественная способность" (см. I, 77 и далее). Язык является одной из форм объективации действительности, и в этом смысле он стоит в одном ряду с такими явлениями гуманитарного порядка, как искусство, фольклор, литература. Являясь средством общения, обладая функцией коммуникативной техники, язык изоморфен знакам пись-

ма, другим средствам информации, орудиям труда и т.д. Ни к первому, ни ко второму ряду не применимо определение "естественный". Отсюда вывод: человеческий язык — социальное явление, формирующееся длительное время сознательно-стихийным путем. Не случайно В.И. Абаев относит человеческий язык к символическим языкам, противопоставляя их естественному языку — языку животных.

В свете сказанного становится ясно, что между этническими языками, созданными народным опытом и сознанием, и языками искусственно, сознательно сконструированными, особенно если они копируют наиболее характерные черты первых, а зачастую и базируются на их материале, нет большой пропасти. В первом случае процесс языкотворчества шел сознательно-стихийно на основе обобщения разными поколениями практического опыта и его языкового оформления, при этом постепенно и неуклонно определялась потребность (или, соответственно, ненужность) элементов, диапазон их функционального варьирования вплоть до нивелирования как семантики единиц, так и их употребления. Во втором случае языковая система, или лингвопроект, создается с самого начала сознательно, но, естественно, не так гладко, как в этнических языках (например, не могут быть сразу определены семантические нюансы слов и их компонентов — это вырабатывается в процессе практического функционирования языка), однако всегда отталкиваясь от этих (этнических) языков. Лингвопроект на стадии разработки всегда лишь лингвистический конструкт: в нем есть в целом все, что характеризует этнический язык, — фонологический состав, морфологические и проч. категории, минимум словарного состава и под. Как только такая языковая система "запускается" в социум, как только находятся ее пропагандисты и носители, можно говорить, что лингвопроект приобретает социолингвистические качества и становится (при благоприятных условиях) функциональной системой, средством общения. В истории интерлингвистики за большой промежуток времени, начиная со II века н.э. и до 70-х гг. XX в., было создано более 900 проектов всеобщих (для всего мира) и международных вспомогательных языков (6, 289; см. также нашу работу "Проекты всеобщих и международных языков" в настоящем сборнике). Однако лишь нескольким из них суждено было быть проверенными на практике. Впервые это случилось немногим более ста лет назад, когда немецкий пастор Й.М. Шлейер изобрел в 1879 г. язык волапюк (дословно "всемирный язык"). Это был первый искусственный язык, преодолевший проективную

стадию и приобретший некоторые социолингвистические качества (на волапюке выходили периодические издания, на нем делались первые литературно-художественные опыты, им пользовались при непосредственном, а также письменном контакте разноязычные его пропагандисты и т.д.). Волапюк функционировал недолго: это был хотя и логичный, однако усложненный язык, к тому же его изобретатель не позволял тем, кто пропагандировал волапюк, вносить в него изменения. В результате спустя полтора-два десятка лет волапюкское движение распалось, а вместе с ним ушел в небытие и лозунг Шлейера "Me-made bal - piki bal!" - "Единому человечеству - единый язык!". Однако первый опыт практического функционирования языка, созданного сознательно одним человеком, уже был приобретен. Последующие изобретатели международных языков, пытаясь избежать ошибок прошлого, учли этот опыт. В частности, после волапюка стало совершенно ясно, что международный язык должен быть построен на базе живых распространенных этнических языков, в нем не должно быть ничего такого, что противоречило бы грамматическим качествам этих языков.

Таким языком стал эсперанто, созданный ровно сто лет назад Людвигом Лазарем Заменгофом (1859-1917), которого в России называли также Людовиком Марковичем. Родился он в польском городе Белостоке, жил в многонациональной и многоязычной среде. Мысль создать общий язык для общения разноязычных людей возникла у него еще в детстве, однако осуществил он ее уже будучи специалистом - врачом-окулистом. Интересны признания Заменгофа, мучившегося над вопросом о том, каким должен быть международный язык: "Человеческий язык, с его, как мне казалось, бесконечным нагромождением грамматических форм, с его сотнями тысяч слов, которыми пугали меня толстые словари, представлялся мне такой искусственной и колоссальной машиной, что я не один раз говорил себе: 'Долой химеры! Эта работа не по силам человеку!' И тем не менее я вновь и вновь возвращался к моей мечте... Я заметил тогда, что богатство грамматических форм есть только слепой исторический случай, а не нечто, необходимое для языка... Я начал искать в языке и отбирать необходимые формы и скоро заметил, что грамматика постепенно таит в моих руках, так что я пришел, наконец, к грамматике самой маленькой, которая занимала, без ущерба для языка, не более как несколько страниц. Тогда я еще серьезнее отдался своей мечте". Несмотря на противодействие отца, Заменгоф тайком работал над грам-

матикой и к 1887 г. она была готова и издана на русском языке под названием "Международный язык. Предисловие и полный учебник". Вместо фамилии на титульном листе книги стоял псевдоним: "D-r Esperanto", т.е. "доктор надеющийся". Почему Заменгоф не подписался собственным именем? Ответ на этот вопрос будет однозначным: он не хотел насмешек со стороны скептиков и опасался, что клиенты, узнав о его тайных увлечениях, перестанут обращаться к окулисту-филологу". Вскоре после русского выходят французское, польское, английское и немецкое издания книги.

В чем же особенности этого международного вспомогательного языка? В реализованном принципе "одной фонеме — одна буква", т.е. в последовательно фонологической орфографии (для этого введены были дополнительные буквы с диакритическими знаками). Грамматика, в том виде, в каком ее первоначально дал Заменгоф, состоит из 16 основных правил, не знающих исключений: все существительные оканчиваются на -o, прилагательные на -a, глаголы на -i и т.д. Падежные отношения выражаются предлогами, а винительный от именительного отличается показателем -n. Множественное число существительных и прилагательных образуется прибавлением к основе с частеречным показателем (т.е. соответственно -o и -a) -j : homo "человек" — homoj "люди", bona homo "хороший человек", bonaj homoj "хорошие люди". Для каждого из трех глагольных времен имеется определенный показатель: -as для настоящего, -is для прошедшего, -os для будущего; для всех лиц они едины, а само значение лица передается с помощью личных местоимений, которые имеют краткий вид и финаль -i : mi "я", si "ты" (интимное, употребляется редко), li "он" и т.д. Словарь эсперанто основывается по большей части на латино-итало-французском, англо-немецком и славяно-русском материале. Первоначально задача Заменгофа было уменьшить, насколько это возможно, число слов словаря — в первом учебнике эсперанто 1887 г. он приводит немногим более 900 корней. Однако по мере развития эсперанто это число значительно увеличивается: в 1905 г., например, их было уже около 2600, спустя 20 лет, в 1924 г. — 4300, а вышедший в 1970 г. "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" включает уже почти 16 000 корней. Процесс этот вполне понятен, так как язык, функционируя в различных сферах жизни, развивает свои функциональные стили, особенно публицистический и научно-технический. В эсперантологической литературе можно найти утверждения о том,

что для французов и других романоязычных народов, а также для англичан в эсперанто понятны 75% корней, для германских народов (исключая англоязычные) – около 60%, для славянских – 50%, для неиндоевропейских народов процент резко падает.

Первоначально признание эсперанто шло медленно: еще в расцвете был конкурент – волапюк, к тому же царская цензура в России препятствовала распространению эсперантских изданий, боясь, что вместе с ними в Россию станут проникать и идеи интернационализма. Однако в конце 1888 г. "Нюрнбергское общество всемирного языка", состоявшее из волапюкистов, переходит к эсперанто и начинает выпускать первый на эсперанто ежемесячник "Эсперантист" – "*La Esperantisto*", клуб сторонников языка создается в Швеции. Большой поддержкой была положительная оценка качеств эсперанто, которую дало Американское философское общество, неоднократно занимавшееся разработкой принципов международного языка. В 1893 г. Заменгоф создает "Лигу эсперантистов". На эсперанто обращает внимание великий русский писатель Л.Н. Толстой, полагавший, что этот язык "вполне удовлетворяет требованиям международного языка". В начале века движение за эсперанто набирает силу и становится фактором, который замечен не только в среде сторонников международного языка, но и широких кругах общества. Слово "эсперанто" как обозначающее практикующийся международный искусственный язык входит в языки разных народов, попадает в словари – вплоть до академических и закрепляется там.

В 1906 г. профессор Одесского (тогда – Новороссийского) университета, уроженец Пскова, А.И. Томсон в своих лекциях по общему языкознанию скептически задавал вопрос: "А кто будет на эсперанто говорить или писать через пять лет?" Вопрос, явно предусматривающий отрицательный ответ, был задан 20 лет спустя после возникновения эсперанто. Между тем "говорить и писать" на этом языке было кому и через 5 лет и спустя несколько десятилетий: в 1888 г. существовало всего лишь одно общество сторонников языка, в 1902 г. их стало 44, в 1904 г. – 186, в 1907 – более 750, в следующем году число это перешагнуло тысячу, в 1909 г. – около 1450, а в 1923 г. составило около 2200. Важно, что, в отличие от волапюкского движения, эсперантское носило более демократический характер. Если сторонники волапюка формировались за счет высших и средних слоев общества, то в эсперанто-движении, вначале мелкобуржуазном, стали принимать участие низшие слои, в том

числе и рабочий класс. Так, уже в начале XX в. в таких странах, как Швеция, Германия, Франция и некоторые другие, стали возникать группы и объединения рабочих-эсперантистов — и это знаменовало начало классового расслоения в эсперантском движении. Это шло вразрез с сформулированной Заменгофом так наз. "внутренней идеей" эсперантизма ("*interna ideo*"). В соответствии с этой идеей язык (в данном случае эсперанто) рассматривался как средство, с помощью которого все народы мира, все слои и классы общества объединятся в "единую семью", т.е. язык, в представлении Заменгофа, рассматривался как средство решения социальных проблем. "Внутренняя идея" говорит об идеализме Заменгофа, который не мог понять, что социальные проблемы в состоянии решить лишь передовой класс общества, каковым в то время уже был рабочий класс. С появлением рабочих эсперантских организаций и союзов как национального, так и международного характера "внутренняя идея" Заменгофа заметно сдает позиции. Сформировавшиеся революционные рабочие эсперантские организации, в противовес этому, видели в эсперанто одно из средств укрепления международной солидарности и распространения идей пролетарского интернационализма. Показательно, что число рабочих эсперантских организаций стремительно и неуклонно росло: если в 1909 г. из примерно 1450 обществ рабочих эсперантских организаций было всего 8, то перед первой мировой войной их становится 101, а в 1923 г. — более 600 (при общем числе эсперантских организаций в это время около 2200) (3, с. 234 и далее). Революционизирующее влияние на эсперанто и эсперанто-движение оказала Октябрьская революция. В 1921 г. в Праге, где проходил 13-й Всеобщий конгресс эсперанто, делегаты-рабочие организуют собственный международный рабочий союз. Однако вскоре руководители этого союза взяли на вооружение идею "нейтрализма" и отмежевались от идеологии пролетарского интернационализма, что привело к расколу. В 1936 г. в Берлине организован Интернационал пролетарских эсперантистов. В его деятельности активную роль играли эсперантисты СССР. В нашей стране после победы Октября эсперанто рассматривался как одно из средств осуществления международного сотрудничества, одно из средств контакта с зарубежными революционными и рабочими организациями. В 1921 г. создан единый для страны Союз эсперантистов советских стран, позднее переименованный в Союз эсперантистов советских республик. В 1928 г., как сообщал один из его первых руководителей Э.К. Дрезен, Союз

имел на местах до 500 эсперантских ячеек. В качестве основной задачи Союза было использование международного языка в классовых интересах трудящихся. Посредством международного языка устанавливались контакты между революционными рабочими организациями, трудящиеся-эсперантисты выражали свою солидарность с борьбой рабочего класса в других странах.

Что же стоит за этим с надеждой звучащим словом сейчас? Если отвечать кратко, то:

- 1) первоначально сконструированная грамматическая система, вышедшая из проективной (кабинетной) стадии и превратившаяся в функционирующую и функциональную систему с рядом атрибутов, которые присущи любому этническому языку, а отсюда – возможность на эсперанто говорить, писать, передавать информацию;
- 2) особым образом организованное лингвосоциокультурное движение, ставящее своей целью адаптацию разумом созданного языка в привычной среде между разноязычными (и не только разноязычными) людьми, установление взаимопонимания между народами и культурами, разьединенными государственными рамками.

А теперь раскроем содержание слова "эсперанто" и стоящего за ним лингвосоциокультурного движения, опираясь при этом на авторитетные издания последних лет, среди которых энциклопедия эсперантского движения от его начала до 70-х гг. XX в. "Эсперанто в перспективе", изданная в 1974 г. Всеобщей ассоциацией эсперанто (далее – ВАЭ) (7), "Ежегодник" этой ассоциации за прошлый год (9), изданный недавно "Эсперанто-каталог 1984/85" (8), ежемесячный журнал "Esperanto", издающийся с 1905 г., орган ВАЭ (Роттердам, Нидерланды), и др.

Организации и объединения сторонников эсперанто. Наличие таковых дает возможность не только поддерживать и укреплять функционирование и развитие языка, но и готовить преемственность в поколениях. В настоящее время в мире действует большое число эсперантских объединений и союзов национального и международного значения. В нашей стране на смену довоенного Союза эсперантистов советских республик пришли многочисленные клубы и кружки любителей эсперанто, в 1979 г. объединенные в Ассоциацию советских эсперантистов (далее – АСЭ). В "Положении об АСЭ", помимо прочего, сказано, что эта организация ставит целью, используя эсперанто, укреплять дружбу и культурные связи с народами зарубежных стран в

интересах прочного мира, безопасности и сотрудничества; эсперанто мыслится как средство воспитания патриотизма и интернационализма. АСЭ имеет филиалы в ряде союзных республик, которые на местах координируют работу кружков и клубов эсперанто. В международном плане видной организацией является Всеобщая ассоциация эсперанто — *Universala Esperanto-Asocio* с центром в Роттердаме, основанная еще в 1908 г. В год основания она имела немногим более полутора тысяч членов и подписчиков, после второй мировой войны, в 1948 г., в нее входили 19 национальных ассоциаций, 17 707 членов из 70 стран и 2224 делегата из 58 стран, в 1971 г. национальных ассоциаций было уже 34, число членов — 32 070 из 88 стран, делегатов — 3501 из 66 стран. На 1986 г. ВАЭ включала 44 национальные ассоциации (всего же в мире национальных эсперантских ассоциаций 61) с несколькими десятками тысяч индивидуальных и коллективных членов. В качестве целей эта ассоциация ставит: распространение эсперанто в мире, содействие решению языковой проблемы в международных отношениях, облегчение контактов между народами разных стран. Вопреки заявлениям о своей политической нейтральности, ассоциация не смогла обойти стороной такой кардинальный вопрос современности, как борьба за мир. Потому в рамках ее деятельности в 1986 году, например, был широко отмечен международный год мира, подчеркнута необходимость укрепления солидарности и взаимопонимания между народами.

Помимо ВАЭ, в ряде стран функционирует немало специализированных международных организаций, созданных по принципу одинаковости профессиональных занятий, интересов. Некоторые из таких организаций входят в качестве членов ВАЭ, другие лишь сотрудничают с ней, имеются и такие, которые функционируют независимо от ВАЭ. По данным "Ежегодника" ВАЭ, в 1986 г. таких организаций было 51. Наиболее представительные: Международная железнодорожная эсперанто-федерация, Международная лига сельскохозяйственных специалистов-эсперантистов с центром в Софии, Международная лига слепых (Будапешт), лиги эсперанто-учителей, филологов, юристов, журналистов, математиков, артистов, медиков, музыкантов, существует Международная ассоциация мирового туризма, Всемирная эсперантистская молодежная организация с ее более чем 10 тысячами членов и др. Функционирует Международная научная эсперантская ассоциация, основанная в 1906 г. и ныне насчитывающая 400 членов из 36 стран. Основной задачей этой ас-

социации является внедрение эсперанто в научно-технической сфере, публикация на этом языке научных статей и монографий, периодических изданий, проведение научных конференций по конкретным наукам и ее направлениям и т.д. Особо следует сказать об организации, называющейся Всемирное эсперантское движение за мир. Она включает сторонников мира из многих стран, в том числе и из СССР. Эта организация не только использует эсперанто в качестве средства взаимопонимания между народами, но и призывает своих членов практически участвовать в движении сторонников мира.

ВАЭ имеет ряд учреждений, призванных следить за развитием эсперанто как языка и эсперанто как движения. Первое исполняет Академия эсперанто — *Akademio de Esperanto* ("сохранять и оказывать содействие языку эсперанто в соответствии с заложенными Заменгофом основами и контролировать его развитие", "защищать эсперанто от всех конкурентов", т.е. от других международных искусственных языков и их движений). В Академию входят в качестве ее членов ученые разных стран; членами ее были акад. П. Аристэ, проф. Е.А. Вокарев, другие советские ученые. Центр исследования и документации по международной языковой проблеме занимается изучением языковых проблем в международных отношениях и вопросами языкового планирования в рамках групп стран и всего мира. Международный эсперанто-музей (Институт международного языка) в Вене, состоящий при Австрийской Национальной библиотеке (основан в 1927 г.), — своеобразная "книжная палата" эсперанто, так как собирает все издания на эсперанто и в целом по вопросам международного языка. Сейчас это одно из крупнейших в мире средоточий эсперантской литературы — в нем более полутора десятка тысяч названий. Библиотека ВАЭ насчитывает более 10 тыс. названий, а библиотека Британской эсперантской ассоциации — свыше 30 тысяч.

Практическое изучение и преподавание. В случае с эсперанто речь может идти о его изучении по учебникам или в кружках, классах, на курсах. Естественно, первый способ в начальный период распространения эсперанто преобладал. Создатель эсперанто сразу же поставил задачу составить учебник и для лиц, говорящих на разных языках. Как известно, первый учебник языка вышел в 1887 г. на русском языке. Это было начало эсперанто как языка. Поскольку этот учебник быстро разошелся, автор переиздал его в этом же году. В конце 1887 г. появились также издания учебника на польском, немецком, английс-

ком и французском. В деле распространения языка особое внимание Заменгоф придавал такому жанру учебных пособий, как "ключи" — небольшие книжечки с основами грамматики, словариком корней и минимумом употребительных выражений. Они быстро расходились. После знакомства по "ключу" изучающий мог обратиться к более солидному учебному пособию. П.Е. Стоян в своей знаменитой "Библиографии международного языка" (13) перечисляет 1568 книг на 50 языках, выпущенных в период между 1887 и 1928 гг. для изучения и пропаганды эсперанто. К 70-м гг. учебники и учебные пособия по эсперанто имелись на 56 языках мира — от таких экзотических языков, как африкаанс, хинди, индонезийский, японский, турецкий до наиболее распространенных европейских языков. В настоящее время "Каталог" ВАЭ предлагает учебную литературу на 51 языке. Надо сказать, что большое внимание придается внедрению эсперанто в школу. Такие попытки делаются давно. Достаточно вспомнить, что, например, в 1924 г. во время конгресса ВАЭ в Вене, учителя организовали Всемирную ассоциацию учителей-эсперантистов, которая в качестве одной из задач ставила распространение изучения эсперанто учащимися школ. После второй мировой войны изучение эсперанто в школах прогрессирует, хотя не столь внушительно, как могло бы. Вот некоторые статистические данные: в 1946/47 учебном году в 16 странах было 75 школ, в которых 3603 учащихся изучали эсперанто, в 1955/56 — соответственно 21 страна, 143 школы, 4329 учащихся, а в 1968/69 — 31, 543 и 16 505. При этом отмечается заметный прогресс в этом деле в таких странах, как Болгария, Венгрия, а также Польша, Югославия.

Предпринимаются также попытки ввести эсперанто в университетское обучение и преподавание. В той или иной степени эсперанто присутствует в нескольких десятках университетов преимущественно стран Европы. Речь идет как о возможности здесь практического изучения языка, так и о научном аспекте, т.е. изучении проблем эсперантологии и интерлингвистики. Традиции такого рода имеются в университетах Софии, Загреба, Кракова, Иннсбрука, Амстердама и др. Специальные кафедры эсперанто и эсперантологии существуют в университете в Ла Лагуне на Канарских островах (Испания), а также в Будапештском университете. В некоторых университетах СССР, например, Московском, Дружбы народов им. П. Лумумбы, в Тартуском и др., эсперанто преподается (или преподавался) факультативно, а интерлингвистика читается (или же читалась)

как спецкурс для студентов-филологов. Вопросами преподавания эсперанто специально занимается Международная лига эсперанто-учителей, основанная в 1949 г. и имеющая секции во многих странах мира. Ныне лига размещается в Сан-Марино, ее печатный орган — журнал "Международное педагогическое обозрение" ("*Internacia Pedagogia Revuo*").

Международные конгрессы и др. мероприятия. Эсперанто создавался как средство преодоления языковых барьеров, как средство международного взаимопонимания. Первоначально он выполнял эту функцию весьма ограниченно и, как правило, в письменной форме, в форме переписки. Лишь спустя примерно два десятилетия с момента создания эсперанто наметились первые попытки использовать его как действительное международное средство общения. Для того чтобы организовать эсперанто-движение, в начале века возникла идея созывать ежегодно конгрессы — Всеобщие (т.е. всемирные) конгрессы ВАЭ. Первый конгресс был организован инициативой французских эсперантистов в небольшом городке Франции Вулонь-сюр-Мер в 1905 г. В присутствии создателя эсперанто 688 делегатов впервые общались на одном единственном языке. Успех первого конгресса воодушевил Заменгофа и сторонников его языка. В следующем году на 2-м конгрессе в Женеве участников было почти вдвое больше (1200 чел.), там же был создан постоянный комитет эсперантских конгрессов, а на 3-м конгрессе в Кембридже в 1907 г. был принят устав конгресса. С тех пор конгрессы созываются ежегодно и лишь войны препятствовали их проведению (в 1914, 1940–1946 гг.). В 1959 г. проходивший в Варшаве конгресс собрал 3256 делегатов, 10 лет спустя, в 1968 г., в Будапеште на 51-м конгрессе приняло участие 3975 чел. Вот статистика конгрессов за последние 10 лет:

- 61-й: 1976, Афины (Греция) — 1266 делегатов
- 62-й: 1977, Рейкьявик (Исландия) — 1199
- 63-й: 1978, Варна (Болгария) — 4414
- 64-й: 1979, Люцерн (Швейцария) — 1630
- 65-й: 1980, Стокгольм (Швеция) — 1807
- 66-й: 1981, Бразилиа (Бразилия) — 1749
- 67-й: 1982, Антверпен (Бельгия) — 1899
- 68-й: 1983, Будапешт (Венгрия) — 4834
- 69-й: 1984, Ванкувер (Канада) — 802
- 70-й: 1985, Аугсбург (ФРГ) — 2311.

Последний, 71-й, конгресс был проведен в 1986 г. в Пекине (КНР) — 2482 делегата. Как бы то ни было, но конгрес-

сы ВАЭ – единственное в своем роде международное мероприятие, работающее без единого переводчика. Что касается проблематики конгрессов, то она обычно связывается с крупнейшими социально-политическими процессами, которые происходят в мире. Например, в 1957 г. на конгрессе в Марселе во Франции главной темой было обсуждение вопроса об эсперанто в системе воспитания и обучения молодежи, в науке и технике, а также в содействии международному туризму; на токийском конгрессе 1965 г. обсуждались аспекты международного сотрудничества и в этой связи вопросы языкового средства в международных экономических отношениях, на конгрессе в Аугсбурге в 1985 г. темой было: "Античное и современное: что изменить, что сохранить?". И т.д.

Печать и периодические издания. Значительную роль в поддержании эсперанто как реально функционирующего международного вспомогательного языка играет печать. Эсперантская периодика стала оформляться, можно сказать, с первых шагов социализации творения Заменгофа. Уже в 1889 г., как мы отмечали ранее, в Нюрнберге стал печататься на эсперанто под редакцией Заменгофа журнал "La Esperantisto". Три четверти тиража этого издания шло в Россию. В 1895 г. царская цензура запретила ввоз этого издания в страну, и оно прекратилось. Вторым периодическим изданием на эсперанто был недолговечный журнал "La Mondlingvisto" (1889–1890), что можно перевести примерно как "Сторонник мирового языка". С 1895 г. начинает издаваться журнал "Международный язык" – "Lingvo Internacia", являясь одним из наиболее популярных эсперантских изданий вплоть до первой мировой войны. В 1905 г. появляется журнал "Esperanto", ставший с 1908 г. органом ВАЭ и издающийся до сих пор, т.е. уже 80-й год. Годовой объем журнала в настоящее время – около 220 страниц. Журнал хорошо иллюстрирован. Помещаемые в нем статьи посвящены эсперанто-движению в разных странах мира, вопросам изучения языка, внедрения его в различные сферы жизни. Помещаются рецензии, обзоры книг, изданных на эсперанто. По данным "Каталога" ВАЭ на 1984/85 гг. на эсперанто, а также об эсперанто выходило в мире 136 периодических изданий – преимущественно журналов, бюллетеней, из них лишь одна газета, издающийся с 1920 г. "Вестник эсперанто" (редакция в настоящее время в Мадриде). Приблизительно треть этих изданий составляют органы национальных эсперантских ассоциаций, например, "Svisa Espero" – "Швейцарская надежда" с 1903 г., "The British Esperantist"

с 1905 г., шведский "La Esperanto" – "Надежда" с 1906 г., "Hungara Esperantisto" – "Венгерский эсперантист" с 1909 г. и др. До войны, в 20–30-е гг., в нашей стране выходил ряд периодических изданий, важнейшим из которых был "Международный язык" (в основном на русском языке). Сейчас АСЭ издает на русском и эсперанто "Информационный бюллетень" и планирует издание специального журнала. Кроме периодических изданий, ограниченных рамками эсперанто-движения, существуют журналы, посвященные вопросам культуры, литературы, науки, просто информационные и др. Вопросам международного мира посвящен орган Всемирного эсперантистского движения – за мир журнал "Пасо" – "Мир", новости венгерской жизни сообщает богато иллюстрированный журнал "Hungara vivo" (с 1961 г.) и т.д.

Наука. Известно, какие сложности представляют собой языковые барьеры в науке. Научные тексты, публикуемые на десятках языков, часто становятся недоступными для широкого круга научных работников. Отсюда незнание того, что сделано в одной и той же области, но опубликовано в других странах, дублирование тем и под. Вопрос о международном языке науки ставится давно. Например, в 1880 г. в России для этой цели М.Н. Глубоковский печатает (правда, недостаточно разработанный) проект "всемирно-научного языка". В 80-е гг. прошлого века и в начале XX в. неоднократно ставит вопрос о международном языке науки Французская Академия наук. Для создателя эсперанто и его сторонников внедрение языка в научные сферы является одной из важнейших задач. Уже на 2-м конгрессе ВАЭ в Женеве в 1906 г. состоялось специальное заседание ученых, знающих эсперанто, а в 1908 г. была основана Международная научная эсперантистская ассоциация – Internacia Scienco Asocio Esperantista, имеющая свой печатный орган журнал "Научное обозрение" ("Scienco Revuo"). В нем печатаются статьи по самым различным научным дисциплинам. Ассоциация преследует две основные цели – изучать возможности внедрения эсперанто в сферы науки и формировать научную терминологию языка. Примечательно, что одним из первых результатов работы ассоциации был "Технический и технологический французско-эсперантский словарь". Ассоциация функционирует до настоящего времени. В 1924 г. Французская Академия наук снова проводит дискуссию по вопросу международного языка науки, в том числе и о возможностях эсперанто в этом направлении. Тогдашний президент Академии О. Коттон руководит специальной секцией об эсперанто в науке, которая

работала в рамках проходившей в Париже в 1937 г. научной конференции "Эсперанто в современной жизни". Невадолго до второй мировой войны были сделаны попытки введения эсперанто как своеобразного языка-посредника в исследования и практику Международного электротехнического терминологического центра. В 50-е гг. японские ученые предложили публиковать на эсперанто научные труды, включая и диссертации, а также эсперантские резюме, считая, что это поможет интернационализировать науку и сделает более простым и легким доступ ученых к интересующим их публикациям. Подсчитано, что с 1887 г. до начала 70-х гг. XX в. примерно 205 периодических изданий печатали статьи или резюме на эсперанто. В течение 60-70-х гг. таких изданий было 86, в том числе в Японии 49, в Нидерландах - 12, в Югославии - 5, во Франции - 3 и т.д. Активнее всего эсперанто привлекается в таких науках, как ботаника и зоология - 12 периодических изданий, в медицине - 11, в геофизике и геологии - 6, в физике и химии - 8, в сельскохозяйственной науке - 9, в математике - 4, в астрономии - 2. В 60-е гг. стали появляться даже отдельные диссертации, написанные на эсперанто и посвященные естественным и проч. наукам. Такие прецеденты имели место в Индии, Японии.

На эсперанто переведен некоторый корпус изданий, произведений. Так, переведены некоторые сочинения античной философии, в том числе Платона, а также отдельные работы Декарта и Лейбница. В 20-30-е гг. преимущественно в нашей стране в эсперантских переводах вышел ряд сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Попытки "проверить", "испытать" эсперанто в самых различных науках продолжаются до настоящего времени. На этот язык переведено или не создано на нем в оригинале большое число научных и научно-популярных работ и издано книг и статей по таким общественным наукам, как социология, юриспруденция, языковедение (об этом ниже), история, археология, психология, педагогика; из естественных наук представлены математика и физика, астрономия, биология и ботаника, медицина, география, геофизика и геология. Как правило, ученые, работающие в этих направлениях, объединены в специализированные международные научные общества и ассоциации, о которых речь шла выше. Каждая из этих ассоциаций имеет свой печатный орган, публикующий полностью на эсперанто статьи соответствующего профиля. (Подробно об этом в книге интерлингвиста из ГДР Д. Бланке, см. (5).)

Настоящие попытки внедрить эсперанто в науку встреча-

ли бы непреодолимые препятствия, если бы не велась работа по формированию эсперантской научно-технической терминологии. Создать терминосистему на искусственном языке — дело непростое, еще труднее внедрить ее в практику, закрепить ее там, иными словами, сделать ее функциональной. Мы уже упоминали, что при Международной научной эсперантистской ассоциации и Академии эсперанто работает терминологический центр, который сам, а его многочисленные представители на местах, занят созданием новой эсперантской терминологии. По данным ЮНЕСКО, с 1949 г. до начала 70-х гг. общее число терминологических словарей в мире выражалось цифрой 2491. Они были посвящены 263 темам и включали 75 языков, в том числе 8 словарей включали и эсперанто. До 1964 г. было издано 127 эсперантских терминологических словарей по 50 научным областям — от общенаучных до электротехники и космонавтики.

Особо следует сказать о развивающейся сейчас отрасли интерлингвистики — эсперантологии. В поле ее зрения находятся все вопросы, связанные с эсперанто, — и сам язык, и движение. Создано большое число эсперантских двуязычных словарей, имеются и толковые. Наиболее авторитетными являются: "Полный словарь эсперанто с приложением", переиздающийся (с дополнениями) с 1934 г., "Полный иллюстрированный словарь эсперанто", вышедший в Париже в 1970 г. и переизданный в 1981 г. Из грамматик следует назвать "Полную аналитическую грамматику эсперанто" К. Калочая и Г. Вариньена, четвертый раз изданную в 1980 г. Еще в 30-е гг. была издана "Энциклопедия эсперанто" — "Enciklopedio de Esperanto". К настоящему времени в эсперантологии в той или иной мере разработаны или разрабатываются практически все разделы языка эсперанто — от фонетики до синтаксиса. В 50-60-е гг. выходило специальное научное периодическое издание "Esperantologio", которое в настоящее время пытаются возродить. С 50-х гг. появляются посвященные наиболее общим вопросам эсперантологии и интерлингвистики монографии В.Й.А. Мандерса, П. Неергаарда, Р. Хаупенталя; в 1978 г. известное эсперантологическое издательство "Stafeto" на Канарских островах выпустило "эсперантологические исследования" Э. Вюстера, которому принадлежит сам термин "эсперантология" и первое научное обоснование этого особого раздела интерлингвистики. В нашей стране эсперантологическо-интерлингвистические проблемы активно разрабатываются в 20-30-е гг. особенно Э.К. Дрезеном, после войны — П. Аристе, Е.А. Бокаревым и др. В 1976 г. издательство "Наука" АН СССР выпустило первый пос-

левоевропейский научный сборник "Проблемы интерлингвистики" (4). С 1982 г. Тартуский университет издает ежегодную научную серию под общим названием "Interlinguistica Tartuensia", в которой находят также место и работы по эсперантологии.

Мировая литература на эсперанто и литература эсперантская. Как любой международный искусственный язык, эсперанто создавался для целей международного контакта между разноязычными народами, т.е. для личных контактов, для контактов на международных форумах, для контактов между организациями и учреждениями различных стран. Его эстетическая функция, как видим, первоначально открыто не акцентировалась. Практика, однако, показывает, что развитие любого литературного языка, в том числе и международного искусственного, имеет наиболее благодатную почву в области устного общения и в эстетической сфере. Почему? Видимо, потому, что в этих сферах языковое решение принимают отдельные личности, в то время как для целей научного, административно-политического и проч. общения необходимо согласие на использование того или иного языка соответствующих органов власти, общественности. Есть и еще один аспект, который помогает понять, почему международный искусственный язык устремляется в эстетическую сферу. Дело в том, что реализовать искусственный язык в устном общении и в художественном творчестве — это значит показать его внутренние структурные достоинства, не уступающие (по крайней мере, так считают сторонники международных искусственных языков) таковым в этнических языках. Именно по этой причине оригинальная и переводная литература на эсперанто появляется в год создания самого языка: в первом учебнике его создатель поместил и образцы литературного творчества на эсперанто.

Относительно эстетических возможностей эсперанто, как и любого другого международного искусственного языка, уже давно ведутся споры. Имеется немало скептиков, задающих вопрос: следует ли развивать на искусственном языке литературу? Может ли такая литература обладать теми же эстетическими качествами и ценностью, что и национальные литературы? Пока идут споры, эсперантская литература, являясь фактом, пишет свою историю, пишет, несмотря на открытый скептицизм со стороны "большого литературоведения".

Первоначально на языке эсперанто появляются переводы мировой литературы. Уже в 1888 г., т.е. на второй год появления языка, А. Грабовский издает по-эсперантски "Метель"

А.С. Пушкина, затем появляются перевод "Гамлета" В. Шекспира (он сделан самим Заменгофом), "Ревизор" Н.В. Гоголя, произведения Мольера, Гете, Шиллера и др. Вплоть до второй мировой войны в эсперантской литературе главенствующее положение занимала так наз. "русская школа", в которую входили такие писатели и переводчики, кроме самого создателя языка, как А. Грабовский, Д.Н. Девятнин (издан четырехтомник его эсперантских произведений), Г.Ф. Демкин, а между двумя войнами - Н. Хохлов, Е. Михальский, затем В.Я. Ерошенко, А. Догвин и др. Кроме создания оригинальных произведений, эти писатели и поэты перевели на эсперанто многочисленные произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М. Горького и др. В русле "русской школы" развивалась также эсперантская литература Эстонии. Международное признание получило эсперантское творчество Хендрика Адамсона и Хильды Дрезен. Х. Дрезен была крупнейшей переводчицей национальных литератур на эсперанто. Ей принадлежат переводы произведений многих эстонских писателей - только в одной антологии "Эстонской советской поэзии" (1977) она представила миру 36 эстонских поэтов разных поколений, перевела также эстонский народный эпос "Калевипоэг" (1975) и многое другое. Х. Дрезен переводила также русскую и украинскую литературу. После первой мировой войны формируется так наз. "будапештская школа" эсперантской литературы, выдающимися представителями которой были К. Калочай и Д. Баги. После второй мировой войны создается "британско-шотландская школа", которую представляют У. Олд, Ш. Бултон, англо-швейцарец Р. Россетти и др. В вышедшей в 1958 г. "Эсперантской антологии" представлено 90 поэтов из разных стран мира. Национальные и международные антологии эсперантокой оригинальной и переводной поэзии и прозы, издаваемые в последние годы, свидетельствуют о поступательном развитии эстетической функции языка эсперанто. Рамки настоящей статьи ограничивают нас в подробном изложении литературно-художественного процесса на эсперанто. Обратимся лишь к статистике. В 1961-1969 гг. на эсперанто было выпущено 416 книг, в том числе 80 романов объемом в 11 324 страницы - из них 23 оригинальных романа, 42 поэтических сборника - из них 19 сборников оригинальной поэзии, драма-

тических произведений 4 - оригинальное одно, детской литературы 36 - оригинальных произведений 5. В "Каталоге" ВАЭ на 1984/85 гг. только перечисление прозаических и поэтических книг, которые в настоящее время можно приобрести, занимает около 70 страниц (с. 139-208). На эсперанто есть драматургические произведения и имеются любительские театры, которые ставят спектакли на этом языке; созданы также кинофильмы. Ноябрьский номер журнала "Эсперанто" за 1986 год полностью посвящен эсперантской литературе и литературе на эсперанто. Подводя итоги столетия развития этой литературы, многие авторы, не отрицая существующих трудностей, в целом оптимистично смотрят на ее перспективы. Показательно в этой связи, что несколько лет назад, в 1983 г., была основана Эсперантская писательская ассоциация - Esperanta Verkista Asocio, насчитывающая пока 80 членов в 28 странах. В качестве цели эта ассоциация выставляет объединение эсперантских писателей и переводчиков, а также распространение эсперантской литературы. Ассоциация планирует серию "Эсперантские классики" (именя некоторых из них мы уже называли, когда говорили о "школах" в эсперантской литературе), проводит литературные конкурсы и проч. мероприятия. Все это свидетельствует о том, что языку, нашедшему практическое приложение в человеческом обществе, трудно или даже невозможно отказать в эстетической функции. В этой связи можно согласиться с мнением советского лингвиста Е.А. Бокарева, который не так давно писал: "Резкой границы между областью язычного и областью общенного в жизни провести нельзя. Если эсперанто - очень хорошее средство передачи мысли, то оно невольно становится и средством передачи чувств, эстетических переживаний" (2, 15).

+ + +
+

Мы попытались показать, что стоит за языком эсперанто в настоящее время. Кроме активного использования в международных и национальных эсперантских организациях и учреждениях, на конгрессах и форумах, в печати и периодике, в преподавании в школах и в университетах, в области науки и художественной литературы, язык эсперанто применяется также в ряде других сфер жизни. Особенно важно для функционального совершенствования эсперанто его использование на радио. В СССР впервые передачи на нем были организованы еще в 20-е гг. По

данным журнала "Эсперанто", в 1986 г. II радиостанций мира вели эсперантские передачи, среди них наиболее популярные радиостанции Варшавы, Будапешта, Загреба. В "Каталоге" книг ВАЭ дается список 164 эсперантских издательств, располагающихся в разных странах мира (помимо собственно издательств, в это число включены также общества и организации, занимающиеся изданием литературы на эсперанто). Эти издательства способствуют печатному распространению эсперанто.

Таким образом, за столетие функционирования эсперанто, выйдя из кабинетного состояния и опираясь (посредством своих носителей) на опыт реальных этнических языков, показал свою жизнеспособность. Не случайно в ханун столетия языка, в 1986 г., ДНЕСКО, с которой ВАЭ находится в консультативных отношениях, приняла специальную резолюцию 23 C/Res. 11. 11., в которой признает "успехи, достигнутые при помощи международного языка эсперанто в области международного интеллектуального обмена и взаимопонимания народов мира, а также признает, что эти результаты согласуются с целями и идеалами ДНЕСКО", что "эсперанто достиг значительного прогресса в качестве средства развития взаимопонимания народов и культур различных стран, проникая в большинство регионов мира и в большую часть человеческой деятельности", что этот язык имеет "огромные потенциальные возможности для международного взаимопонимания и общения между людьми различных национальностей". В резолюции предлагается государствам-членам ДНЕСКО отметить столетие эсперанто различными мероприятиями и, что важно, рассмотреть возможность его использования в качестве средства распространения всех видов информации среди своих членов, включая информацию о деятельности ДНЕСКО. (Резолюция напечатана в изд.: Информационный бюллетень АСЭ, Москва, 1986, № 3 (57), с. 7-8). Это звучит как признание смелому социолингвистическому эксперименту, имя которому - эсперанто.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- I. Абаев В.И. О термине "естественный язык". - Вопросы языкознания, Москва, 1976, № 1.
2. Бокарев Е.А. Состояние вопроса о международном вспомогательном языке. - В сб.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. - М.: Наука, 1976.
3. Дрезен Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). - М.-Л.: Госиздат, 1928.
4. Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. - М.: Наука, 1976. - 159 с.
5. Blanke D. Esperanto und Wissenschaft. (Zur Plansprachenproblematik). - Berlin, 1982. - 88 S.
6. Dulitschenko A.D. Interlingvistik minevikust ja tänapäevast. - In: Keel ja kirjandus, Tallinn, 1982, N 6, lk. 289.
7. Esperanto en perspektivo. Faktoj kaj analisoj pri la Internacia lingvo. - London-Rotterdam: UEA, 1974. - XXXI, 844 p.
8. Esperanto katalogo 1984/85. Libroservo de UEA. - Rotterdam: UEA, 1984. - 352 p.
9. Jarlibro 1986 (de Universala Esperanto-Asocio). - Rotterdam: UEA, 1986. - 362 p.
10. Kaloosay K., Waringhien G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. - Rotterdam: UEA, 1980. - 599 p.
11. Plena ilustrita vortaro de Esperanto. 2a eld. - Paris: SAT, 1981. - XXXVII, 1303 p.
12. Plena vortaro de Esperanto kun suplemento. - Paris: SAT, 1971. - 511, 63 p.
13. Stejam P.E. Bibliografio de internacia lingvo. - Genève: UEA, 1929.

**INTERNACIA KONSTRUITA LINGVO EN PRAKTIKO:
OKAZE DE LA CENTJARA FUNKCIADO DE ESPERANTO**

Alekeendr D. Duliĝenko

En la artikolo estas traktata la vaste en interlingvistikon konata opozicio "konstruita (artefarita)" - "natura" lingvo. La aŭtoro konkludas, ke konstruita lingvo, strukture kaj materiala simila al ĉefaj trajtoj de la "naturaj" lingvoj, havas ŝanceon atingi socia kaj sociolingvistika femmano. Esperanto estas modelo de tiu proceso.

Okaze de la centjara funkciado de Esperanto la aŭtoro priakribas ĉefajn etapojn de ĝia evoluo pasinta kaj nuntempa. Detala li varkas pri socia bazo de la lingvo kaj karakterizas aferojn, an kiuj la Lingvo Internacia uziĝas kaj estas akceptita. Esperanto estas uzata kiel ĉiu atna (literatura) lingvo en esperantistaj societoj, societoj kaj organizaĵoj, dum kongresoj kaj renkontiĝoj internaciaj kaj naciaj, en periodaĵoj (laŭ "Katalogo 1984/85" de UEA - 136 titoloj), en lernejoj kaj universitatoj, en radio kaj teatro, en sciencoj kaj, fine, en arta literaturo, originala kaj traduka. Per detala analizo kaj karakterizado de funkciaj aferoj de la Lingvo Internacia la aŭtoro demonstras, kion signifas la vorto "Esperanto" post cent jaroj de ĝia apero.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЭСПЕРАНТО
(ФРАГМЕНТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ПЛАНОВОГО ЯЗЫКА)

С.Н. Кузнецов

I. О понятии "плановый язык" (ПЯ). Термин "плановый язык" (Planepprache) был предложен в 1931 г. австрийским ин-терлингвистом Э. Востром в качестве немецкого аналога к ранее утвердившимся терминам "международный язык" (internationale lingua у Дж. Пеано) и "искусственный язык" (artificial language, constructed language у О. Есперсена). Все названные термины первоначально применялись как равнозначные применительно к таким искусственно созданным языковым системам, как волапюк, эсперанто, окциденталь и т.п. В дальнейшем произошла дифференциация терминов: эпитет "международный" стал прилагаться ко всем языкам, употребительным в международном общении, — не только искусственным типа эсперанто, но и естественным (английский, французский, русский и т.п.); эпитет "искусственный" стали относить не только к языкам, созданным для международного употребления, но и к языкам-посредникам автоматического перевода, информационным языкам и пр. Таким образом, термины "международный язык", "искусственный язык" закрепились в родовом значении — своем собственном у каждого из этих терминов. Что же касается "планового языка", то этот термин получил видовое значение: ныне под ПЯ понимается языковая система, к которой одновременно приложимы определения "международный" и "искусственный". Следовательно, ПЯ образуют подкласс внутри международных языков (будучи противопоставлены международным естественным языкам) и подкласс внутри искусственных языков (будучи противопоставлены формализованным языковым системам поиска информации, автоматического перевода и пр.) [подробнее о приведенных терминах см.: I].

Следует, однако, оговорить объем понятий, вкладываемых в определения "международный" и "искусственный" применительно к языкам типа эсперанто. Подобные языки могут называться международными лишь в том смысле, что они составляют достояние международного языкового коллектива (эсперанто, например, представлен в той или иной степени более чем в ста странах мира), но их роль в опосредовании международного общения пока еще весьма незначительна по сравнению с международными ет-

ническими языками. Таким образом, если понимать под международным языком какую-либо языковую систему, фактически выполняющую функцию языка-посредника в международных сношениях, то эта функция для языков типа эсперанто остается пока не реализованной (или минимально реализованной).

С другой стороны, если вполне справедливо то, что языки типа эсперанто являются по своему происхождению искусственными, то эта характеристика их ослабляется или вообще сводится на нет, как только такие языки получают реальное коммуникативное употребление. В условиях фактического общения вступают в действие объективные законы человеческой коммуникации, равно справедливые как для искусственных (по происхождению), так и естественных языков. В этих условиях происходит перерождение искусственного языка в "естественный", о чем свидетельствуют стихийные процессы, имеющие место в таких языках (эволюционные изменения в фонологической и грамматической системах, возникновение и последующая дифференциация функциональных стилей, автономизация от родных этнических языков и т.п.). Для языков, имеющих значительную социальную базу (например, эсперанто, а в прошлом волапюк или идо), процессы перерастания искусственного языка в "естественный" особенно ускоряются, так что изначальная искусственность для некоторых языковых систем (эсперанто) оказывается в значительной мере преодоленной.

Своеобразие ПЯ состоит, таким образом, в том, что их качества "международности" и "искусственности" оказываются в диалектически обратном соотношении друг с другом: на примере эсперанто мы видим, что такой язык уже не является в полной мере международным, но уже не является в полной мере искусственным.

Для лингвиста ПЯ интересны в первую очередь как фактическая языковая данность, как особый класс языков человеческого общения, существующий в реальном употреблении уже более ста лет (после 1879 г. — года создания первого коммуникативно реализованного языка — волапюка). При анализе таких языков в новом аспекте предстают ряд классических проблем языковедения (знаковость, системность, эволюция языка), а кроме того возникает принципиально новые проблемы, специфичные для ПЯ. Безусловно, вполне назревшей является задача построения теоретической грамматики ПЯ, долженствующей обобщить накопленные в этой области наблюдения и представить ПЯ в их действительном бытовании. Пионерская попытка построе-

ния "Теоретической грамматики эсперанто" была предпринята еще в 1909-1910 гг. двумя выдающимися российскими интерлингвистами - П.Е. Стояном и В.К. Нетрашевичем [см. 2, 58] , однако выполнение этой задачи в полном объеме становится возможным только сейчас, после издания полного толкового словаря эсперанто [20] и полной нормативной грамматики [16] , явившихся обобщением многолетнего опыта практического использования языка. Принципы теоретического описания планового языка, с опорой на эсперанто, были рассмотрены нами ранее в статье [2] .

2. Теория ПЯ. Соотношение между теорией и ее объектом (языком) меняется в зависимости от того, какой именно язык выступает в качестве объекта исследования - этнический или искусственный.

При анализе этнического языка теория строится как отражение объекта, т.е. является по отношению к нему вторичной. При анализе же ПЯ теория может быть как первичной, так и вторичной: первичная теория представляет собой проект языка, созданный автором или авторами и генетически всегда предшествующий коммуникативной реализации этого языка. Однако как только ПЯ получает использование в реальном общении, он может уже изучаться принципиально иным образом - в его фактической реализации (как изучаются и этнические языки); создаваемая при этом теория явится вторичной по отношению к языку.

Первичная теория дает идеализированное представление ПЯ, то, каким он должен быть с точки зрения его создателей. Вторичная теория показывает ПЯ таким, каков этот язык в реальном функционировании. Априори можно полагать, что ожидаемое и реальное воплощения языка не будут полностью совпадать. Сравнивая проект языка с его фактическим осуществлением, можно установить, какие особенности языка, предписанные проектом, реализовались, какие не реализовались, а какие вообще не могут получить реализации. С другой стороны, может быть выяснено, какими существенными чертами, не предусмотренными в авторском проекте, обладает реально функционирующий язык. Выполнению этой двуединой задачи и должна служить теоретическая грамматика планового языка. Ниже дается фрагмент этой теоретической грамматики, выполненной на материале эсперанто. Мы ставим перед собой цель показать, какая фонологическая система предписывается первичной теорией эсперанто и насколько эта система совпадает с реально установившейся фонологической системой, которая подлежит описанию в рамках вторичной

теории.

3. Фундаментальная фонетическая норма эсперанто. Как известно, эсперанто появился в 1887 г. в Польше, тогда входившей в состав Российской империи. Первыми эсперантистами были русские и поляки, так что исходные нормы эсперанто формировались в славянской среде, наложившей отпечаток на все последующее развитие эсперанто.

Первичная теория эсперанто сформулирована в виде закрытого списка правил, образцовых текстов и базового словаря. Грамматические правила опубликованы в 1887 г. в первом учебнике эсперанто, вышедшем четырьмя отдельными брошюрами на русском, польском, французском и немецком языках; в 1889 г. появился перевод того же учебника на английский язык. Образцовые тексты, представленные в "Собрании упражнений" (Ekszercaĉo), впервые опубликованы в 1894 г. Тогда же вышел и "Всеобщий словарь" (Universala vortaro). В 1905 г. "Грамматика", "Собрание упражнений" и "Всеобщий словарь" были объединены в единое целое под наименованием "Fundamento de Esperanto" ("Основы эсперанто") и первым международным конгрессом эсперантистов провозглашены неприкосновенной базой языка эсперанто и эсперантской литературы. Так первичная теория эсперанто приобрела свою каноническую форму.

В фундаментальной грамматике фонетический строй эсперанто задается путем указания звуковых соответствий 28 буквам эсперантского алфавита в 5 этнических языках - французском, английском, немецком, польском и русском (см. табл. на стр. 29). Кроме того, в немецком и русском текстах фундаментальной грамматики имеются следующие примечания, отсутствующие в других текстах:

(Нем. текст) "ĝ произносится как английское "g" в "gentleman"; ĵ - как французское "j" в "journal"; ŭ - как краткое "u" в "glauben" (употребляется только после гласного)";

(Рус. текст) "Буква h произносится как h в языках немецком, латинском и других; буква ŭ (которая употребляется только после гласной), произносится как короткое u в немецком слове kaufen или в латинском laudo. Лица, не знающие никакой другой азбуки кроме русской, могут на первых порах произносить h как русское х, а ŭ как русское у."

Общие правила чтения и ударения формулируются в девятом и десятом пунктах фундаментальной грамматики: "9. Каждое слово читается так, как оно написано. 10. Ударение всегда нахо-

	франц.	англ.	нем.	польск.	рус.
A	â	a as in "last"	a	a	а
B	b	b as in "be"	b	b	б
C	ts (tsar)	ts as in "wits"	c, z	c	ц
Ĉ	tch (tche- que)	ch as in "church"	tsch	cz	ч
D	d	d as in "do"	d	d	д
E	é	e as in "make"	e	e	э
F	f	f as in "fly"	f	f	ф
G	g dur (gant)	g as in "gun"	g	g	г
Ĝ	dj (adjutant)	j as in "join"	dsch	dż	дж
H	h légèrement aspire	h as in "half"	h	h	(г, х)
Ĥ	h fortement aspire	strongly aspirated h, "ch" as in "loch" (scotch)	ch	ch	х
I	i	i as in "marine"	i	i	и
J	y (yeux)	y as in "yoke"	j	j	й
Ĵ	j	z as in "azure"	sh, j	ż	ж
K	k	k as in "key"	k	k	к
L	l	l as in "line"	l	l	л
M	m	m as in "make"	m	m	м
N	n	n as in "now"	n	n	н
O	ô	o as in "not"	o	o	о
P	p	p as in "pair"	p	p	п
R	r	r as in "rare"	r	r	р
S	ss, ç	s as in "see"	ss	s	с
Ŝ	ch (chat)	sh as in "show"	sch	sz	ш
T	t	t as in "tea"	t	t	т
U	ou	u as in "bull"	u	u	у
Ŭ	ou bref (dans l'alle- mand "laut")	u as in "mount" (used in diph- tongs)	kurzes u	u (krót- kie)	у (крат- кое)
V	v	v as in "very"	w	w	в
Z	z	z as in "zeal"	s (wie in "le- sen")	z	э

дится на предпоследнем слоге".

Фундаментальная грамматика не содержит сведений о сло-годелении в эсперанто, но в "Ekzercaro" (§§ 2 и 3) приводят-ся списки слов, разделенных на слоги. Если на материале этих примеров сформулировать определенные правила, то они могли бы звучать следующим образом: гласные а, о, е, и, у всегда яв-ляются слогообразующими, тогда как j и ŭ слога не образуют (ср.: i-am /jam, tra-ŭ-lo / fraŭ-lo, pe-ré-i / véj-no); груп-па из двух и более согласных в интервокальной позиции обычно членится между двумя слогами таким образом, что первый со-гласный отходит к предыдущему слогу, а другие - к последую-щему (cen-to, prin-tem-po, im-pli-ki) ^I.

Таким образом, "Фундамент" устанавливает состав эспе-рантских букв и их звуковые соответствия, а также фикси-рует правила ударения (эксплицитно) и слогоделения (импли-цитно). Что касается приведенного девятого правила фундамен-тальной грамматики, то оно обычно интерпретируется как тре-бование взаимнооднозначного соответствия между буквами и зву-ками (принцип "I буква = I звук"). При условии выполнения дан-ного правила в эсперанто должно было бы быть столько же зву-ков, сколько букв, а именно 28.

Следствием девятого правила является запрещение пози-ционного звукового варьирования: каждая буква должна во всех положениях читаться единообразно. Вместе с тем "Фундамент" допускает, по-видимому, непозиционное варьирование. Это экс-плицитно выражено в указанном выше примечании к русскому тек-сту фундаментальной грамматики: здесь допускается варьиро-вание на начальном этапе изучения языка, поскольку "на пер-вых порах" можно произносить h как х, а ŭ как у. Тем самым признается, что в фонетическом строе эсперанто могут быть частные звуковые подсистемы, зависящие от степени овладения языком. Другим источником непозиционного варьирования звуков является влияние родного языка на эсперантское произношение. В "Фундамент" нигде не оговорено, какая из произносительных норм, свойственных тому или иному этническому языку, являет-ся предпочтительной. Все пять этнических языков, примерами из которых иллюстрируется эсперантское произношение, призна-

^I Впрочем, членимость групп согласных проведена непоследова-тельно, иногда вся группа в целом отнесена к последующему сло-гу, ср. pát-ro, но ci-tró-no; ák-vo, но li-kvó-ro.

ются тем самым равноправными в определении эсперантской фонетической нормы. "Фундамент" не устанавливает унифицированного произношения, так что, например, буква R может произноситься с равным основанием как русский переднеязычный вибрانت [p], как переднеязычное фрикативное [r] английского языка или как французское увулярное [ʀ]. Аналогичные проблемы возникают при выборе между зубным [n] в русском языке, альвеолярным [n] в английском или гингивальным [n] в немецком.

Можно заключить, что фонетическая норма эсперанто, зафиксированная в "Фундаменте", исключает позиционное варьирование, но допускает (или по крайней мере не запрещает) непозиционное варьирование, обусловленное различными степенями овладения языком или усвоением произносительной модели одного из эталонных этнических языков.

4. Заменгофская фонетическая норма. Фонетические положения, сформулированные в "Фундаменте", являются основным, но не единственным источником эсперантской нормы. Вторым по важности источник — нормативные указания автора языка, Л.Л. Заменгофа, не входящие в состав "Фундаamenta" и потому не являющиеся обязательными для эсперантистов, но пользующиеся традиционным престижем. Эти указания представляют собой ответы Заменгофа на различные вопросы, с которыми к нему обращались практикующие эсперантисты и которые тем самым отражают различные аспекты реального бытования языка. Ответы Заменгофа, датируемые периодом 1889–1912 гг., выявляют определенную эволюцию в лингвистических воззрениях автора эсперанто — эволюцию, которая была обусловлена наблюдениями над функционирующим языком. Рассмотрим принципиальные положения заменгофской фонетической нормы [номера и даты языковых рекомендаций Заменгофа приводятся по работе 25].

Своеобразное положение международного языка состоит в том, что ему постоянно приходится иметь дело со звуковой стихией тех этнических языков, посредником между которыми он призван стать. Но международный язык не может включать в себя все звуки, имеющиеся в этнических языках. Он стоит перед проблемой рационального отбора звуков, и Заменгоф считает достоинством созданного им языка, что звуки, выражаемые 28-значным алфавитом эсперанто, являются "общими всем наиболее зна-

чительным языкам" ¹. "Все эти 28 звуков не существуют где-либо отдельно [от других] в определенной и строго ограниченной форме; они отобраны после долгого обдумывания и испытаний из громадного количества различных звуков, имеющих в различных человеческих языках", пишет Заменгоф [№ 62, 1891]. Этого набора из 28 букв и соответствующего числа звуков достаточно для собственных нужд эсперанто, т.е. для оформления всех имеющих в нем слов. Однако международный язык в своей роли связующего звена (ligilo) между этническими языками часто стоит перед необходимостью выразить не только передаваемое значение, но и точно передать звучание слов этнических языков, например, имен собственных. Для этой специальной цели Заменгоф предусматривает создание "запасного алфавита" (proviza alfabeto), который служил бы дополнением к нормальному алфавиту эсперанто. В первую очередь в нем должны были бы получить обозначение такие звуки, как нем. ä, ö, ü, носовые гласные французского и польского языков, мягкие и твердые согласные (как в славянских языках), английские межзубные согласные, обозначаемые посредством th в словах think и father, и др. "Запасной алфавит" был бы открыт и для передачи других звуков, а также таких их характеристик, как, например, долгота (там же). В развитие этой идеи Заменгофа (не вполне, впрочем, оригинальной, так как подобный дополнительный алфавит предлагался ранее и автором волапука - Й.М. Шлейером) неоднократно делались попытки разработать особую систему записи звуков для собственных имен, однако все эти попытки оказались практически бесплодными. Нас, тем не менее, не может не интересовать идея органически соединить в структуре международного языка два различных начала - конечного инвентаря звуков для передачи нарицательных слов и бесконечного, принципиально открытого инвентаря звуков для выражения собственных имен. Впрочем, другие предложения Заменгофа по проблемам эсперантской фонетики представляют в контексте рассматриваемой здесь проблематики большой интерес.

¹ На самом деле это не так. В эсперанто есть звуки, отнюдь не являющиеся общими для ряда мировых языков, и именно эти звуки оказались уязвимым звеном эсперантской фонетической системы, что вызвало в ней определенные эволюционные изменения. Так, звук ĥ (= рус. {х}) оказался весьма затруднительным для англо- и франкофонов и в ряде слов был вытеснен звуком k: ĥemio → kemio. Академия эсперанто еще в 1921 г. санкционировала такую замену в группе rh: monarĥo → monarko [20, xii].

К 1901 г. относится имеющая принципиальное значение рекомендация Заменгофа: "Произношение эсперанто полностью соответствует (понятно, за исключением букв с надстрочными знаками) латинскому произношению, принимаемому в моей стране" (т.е. Польше и России) [№ 67]. Это высказывание имело целью установить тот произносительный стандарт, который, как мы видели, отсутствует в первых учебниках эсперанто и в основанном на них "Фундаменто". Данный стандарт отдает явное преимущество русско-польскому произношению перед произношением остальных эталонных языков (французского, английского и немецкого), но, и это показательно для общей теории Заменгофа, во внимание принимается не вся совокупность звуков русского или польского языков, а лишь те звуки, которые используются при передаче слов латинского языка. Тем самым происходит усреднение произносительного эталона, выработка своего рода славяно-романской нормы для произношения эсперанто.

Однако каковы особенности того латинского произношения, принятого в России и Польше, на которые рекомендует ориентироваться Заменгоф? По этому поводу можно сослаться на следующую цитату из Н.В. Юманова: "Чтение латыни в России можно определить как немецко-славянское, т.е. введенное немцами к католическим славянам (полякам, чехам, хорватам) и пересаженное на русскую почву преподавателями поляками или чехами; разница между немецким и славянским чтением сводится лишь к оттенкам" [5, 63]. Таким образом, постулируемая Заменгофом славяно-романская норма включает в себя и германский (немецкий) компонент, приобретая тем самым достаточно широкий надязыковой характер – при основной опоре на русское и польское произношение.

Итак, для того чтобы установить рекомендуемую Заменгофом офроэпическую норму, следует для начала выделить те буквы эсперанто, к которым подходят принятые в отечественной латинистике русские соответствия. Таких букв насчитывается 21: А [а], В [б], С [ц], D [д], Е [э], F [ф], G [г], I [и], J [й], К [к], М [м], N [н], О [о], Р [р], S [с], Т [т], U [у], V [в], Z [э]. Буква Ĥ (= лат. CN) соответствует рус. [х].

Дополнительно через латинский эталон могут быть определены три буквы, правда, не имеющие точных соответствий среди звуков русского литературного языка, но получившие устойчивую традицию передачи в отечественной латинистике. Букве L придается звуковое значение "полумягкого" [л], т.е. звука, лишенного палатальности русского "мягкого" [л'] или велляр-

ности "твердого" [л]. С таким звуковым значением Л воспринято и эсперантской традицией. Буква Ŭ читается как неслоговое u в латинских дифтонгах au, eu. Как мы видели выше, русский текст фундаментальной грамматики рекомендует произносить Ŭ как краткое u в латинском laudo. Ŭ вместе с J коррелятивны U и I: Ŭ, J обозначают полугласные или согласные, а u, i — гласные. По поводу этих четырех букв и их звуковых значений Заменгоф сделал в 1893 г. следующее разъяснение: "...произношение ŭ и j сходно с произношением u и i, но первые являются более краткими и не образуют слога (как согласные); если они стоят после гласного, они составляют с ним один слог и таким образом производят впечатление двойного гласного". Но, настаивает Заменгоф, в эсперанто "не существует двойных гласных" (т.е. дифтонгов). "Буквы ŭ и j всегда произносятся отдельно, они всегда являются согласными, все равно, стоят ли они перед или после гласного" [№ 70]. Чтение буквы H также может быть определено через произношение соответствующей латинской буквы в русской традиции. Однако здесь дело обстоит сложнее. Н.В. Юшманов указывает: "Знакомство русского общества с латынью произошло через юг, где h заменяет г севера; отсюда прочно установившаяся передача h посредством г, применяемая ко всем языкам, где есть звук или знак h' (например, лат. humus — рус. гумус) [6, I435-I436]. Действительно, латинская буква H в традиции русской школы читалась либо как заднеязычный фрикативный [ɣ], составляющий звонкую пару к [x] и имеющийся в южнорусских диалектах, либо как звонкий фарингальный [ɦ], характерный для украинского языка. Именно таково установившееся чтение H в произношении русских эсперантистов, сохраняющееся, надо думать, с первых лет применения эсперанто в России. Однако Заменгоф дал основание и для иной фонетической интерпретации H. Выше мы приводили примечание из русского текста фундаментальной грамматики, в котором рекомендуется произносить H как в латинском или немецком языках. В немецком H произносится как глухой фарингальный согласный [ɰ], отличающийся как от южнорусского [ɣ], так и от украинского [ɦ], которые оба являются звонкими. Вопрос о глухости или звонкости H окажется, как мы увидим ниже, небезразличным к определению системных отношений в фонетическом строе эсперанто.

Итак, 24 из 28 знаков эсперантского алфавита получают свое фонетическое значение на базе вышеуказанного эталона — русского (и польского) чтения латыни. Остаются четыре знака,

не имеющие звукового соответствия в латыни, но с бесспорными русскими коррелятами: \hat{s} [ш], \hat{j} [ж], \hat{c} [ч], \hat{g} [дж]. Указанные звуки составляют две пары, члены которых противопоставлены по признаку глухости/звонкости: [ш] / [ж], [ч] / [дж]. Из этого видно, что [дж] представляет собой звонкую параллель к [ч] и, следовательно, разделяет его фонемный статус (о чем ниже).

Орфоэпическая норма, предлагаемая Заменгофом, носит более узкий характер, чем рекомендации "Фундаменто". Если "Фундаменто" не отдает предпочтения ни одному из пяти эталонных национальных языков, то заменгофская норма выдвигает на первый план славянское произношение латыни. Следовательно, в рамках этой нормы эсперантское [r] должно определяться как переднеязычное дрожащее, а не как переднеязычное фрикативное или увулярное, а [n] или [t], [d] как дентальные, а не альвеолярные или гингивальные.

Таким образом, можно констатировать известное расхождение между "Фундаменто" и заменгофской орфоэпической нормой. Это расхождение со временем становится еще более значительным. К 1911 г. относится следующее высказывание Заменгофа, различающее произношение эсперанто, как оно сформулировано в теории и как оно существует на практике: теория требует, чтобы каждый звук произносился строго отдельно от других, но на практике соседние звуки обычно влияют друг на друга. "Как во всех языках, так и в эсперанто, звук j обычно смягчает согласный, который стоит перед ним; следовательно, не нужно удивляться, что, например, в слове *panjo* (мама) большинство эсперантистов произносят nj как один мягкий звук (подобно французскому *gn*"); перед g или k звук n может превращаться в заднеязычный [ŋ], а i перед гласным может выговариваться как ij. Заменгоф считает бессмысленным и ненужным бороться против этой "естественной", как он говорит, тенденции, поскольку она не приводит к "нарушению понимания или практическим неудобствам". Он находит такое произношение даже более "элегантным", чем то, которое предписывается "чистой теорией", но не считает возможным рекомендовать его в качестве "единственно верного", так как правила эсперанто предусматривают раздельное произношение: *par-jo* 'мама', *san-go* 'кровь', *mi-a* 'мой' [№ 71].

Приведенный тезис входит в число наиболее поздних лингвистических рекомендаций Заменгофа. Большинство его высказываний по произношению в эсперанто датируются 1889-1906 гг., т.е. совпадают с первым периодом развития эсперанто (от его появления в 1887 г. до I всеобщего конгресса в 1905 г.), ког-

да язык развивался преимущественно как письменный. Языковая рекомендация под № 71 составляет в этом смысле исключение, ибо она относится к 1911 г., когда язык уже несколько лет широко употреблялся в устном общении. В противоположность более ранним высказываниям по фонетическим проблемам данная рекомендация не столько постулирует определенную произносительную норму, сколько отмечает расхождение между реальным произношением у "большинства эсперантистов" и тем, которое диктуется теорией эсперанто (т.е. "Фундаменто"), а именно категорическим предписанием девятого правила об одинаковом чтении букв во всех позициях. Так в заменгофской норме происходит сдвиг от первичной, предписывающей, теории ко вторичной, описывающей реальное языковое употребление¹.

Сказанное позволяет заключить, что фонетическая норма, выраженная в "Фундаменто", и заменгофская норма, сформировавшаяся отчасти в более поздний период, имеют существенные различия между собой. "Фундаменто" не определяет произносительного стандарта эсперанто и тем самым допускает непозиционное варьирование звуков в зависимости от воздействия того или иного эталонного языка; заменгофская норма, наоборот, ориентируется на определенный произносительный стандарт (чтение латыни в русской и польской традициях) и потому существенно снижает уровень непозиционного варьирования. С другой стороны, "Фундаменто" в своем девятом правиле запрещает позиционное варьирование звуков, тогда как в заменгофской (достаточно поздней) норме оно признается допустимым, хотя и не рекомендуемым официально.

5. Звуки, фонемы и фонетическое варьирование. Описывая фундаментальный и заменгофский варианты фонетической нормы эсперанто, мы намеренно избегали пользоваться термином "фонема", чтобы остаться в границах терминологии, используемой в источниках. Теперь предстоит определить вышесказанное в фонологических терминах.

Уже подчеркивалось, что девятое правило фундаментальной грамматики не исключает полностью фонетического варьирования. "Фундаменто" допускает спонтанное варьирование

¹ За несколько лет до Л.Л. Заменгофа ассимилятивные явления в группах согласных типа *subteni* → [supteni] отмечал французский эсперантолог П. Бертело [8].

(звуков *h* и *ŭ*) на начальном этапе овладения языком, тогда как заменгофская норма легализует позиционное варьирование. Как первое, так и в особенности второе свидетельствуют о несовпадении звукового и фонемного состава эсперанто. Так, в зависимости от комбинаторных условий [n] может превращаться в [n'] перед *j* или в [ŋ] перед *g*, *k*; все три звука [n], [n'], [ŋ] составляют варианты (аллофоны) единой фонемы *N*. Отсюда следует, что принцип "I буква = I звук" фонетически нереален, если под звуком понимать конкретную реализацию фонемы. Реально произносимых аллофонов в эсперанто значительно больше, чем букв. Однако термин "звук" может быть интерпретирован и как "фонема", тогда указанный принцип следует понимать не в фонетическом, а фонематическом смысле: "I буква = I фонемы".

Какое из двух пониманий данного принципа заложено в "Фундамент" и заменгофской норме? Нет сомнения, что первоначальное толкование принципа было именно фонетическим: создатель языка явным образом стремился к тому, чтобы каждая буква произносилась во всех положениях и всеми людьми одинаково и, следовательно, чтобы эсперанто был языком без фонетического варьирования.

Практическая невозможность добиться стабильности звука в реальной речи привела Заменгофа, как мы видели, к необходимости легализовать вариантность в постулируемой им норме, что в терминах фонологии означает переход к фонематическому осмыслению указанного принципа. В итоге оказывается, что девятое правило по-разному расшифровывается на уровнях "Фундамент" и заменгофской нормы: на уровне "Фундамент" оно означает следование принципу "I буква = I аллофон" (буква реализуется в постоянном звуковом варианте), тогда как на уровне заменгофской нормы данное правило означает принцип "I буква = I фонема" (буква реализуется в звуковом инварианте, за которым скрывается класс вариантов-аллофонов).

Можно ли, однако, считать, что одно и то же правило допускает различную интерпретацию в отдельных подсистемах эсперантской нормы? Да, можно, потому что "Фундамент" обращено к идеальному, предписываемому языку, в котором нет места варьированию, тогда как заменгофская норма имеет в виду реальный, описываемый язык, во всем многообразии его вариантов.

Можно констатировать, что в эсперанто одновременно реализуются две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, "Фундамент" предписывает отсутствие вариативности; с другой стороны, именно тот факт, что эсперанто является языком

лингвистически гетерогенного коллектива обуславливает его практически безграничную фонетическую дивергентность, значительно превышающую дивергентность любого этнического языка. В этих условиях между полюсом нулевой вариативности ("Фундамент") и антагонистическим ему полюсом бесконечной вариативности (реальная речевая стихия) не может не существовать среднее звено, в котором фонетическое варьирование приводится к некоторому упорядочению, хотя и не достигает постулируемой идеальной стабильности звука. Это среднее звено и является принятой эсперантской нормой, вырастающей из рассмотренных фонетических рекомендаций Заменгофа.

Однако поскольку идеалом остаются требования "Фундамента", эсперантская норма лежит не по середине между двумя названными полюсами, а постоянно стремится занять возможно более близкое место к идеализированной схеме "Фундамента". Таким образом, ведущим для нее является принцип минимальной вариативности, который может быть положен в основу оценки конкурирующих между собой нормативных рекомендаций: если из двух одинаково приемлемых рекомендаций одна предполагает меньшую вариативность, чем другая, то первая должна быть предпочтена второй как наиболее удовлетворяющая фундаментальным требованиям. Одно из следствий указанного принципа будет рассмотрено ниже.

6. Фонемный состав эсперанто. Из принципа "I буква = I фонема" естественно должно было бы вытекать, что фонемный состав эсперанто в числовом отношении соответствует эсперантскому алфавиту, т.е. включает 28 фонем. Однако возможно и иное решение. В эсперанто помимо простых фонем существуют и сложные (например, аффрикаты), относительно которых можно было бы предполагать, что они являются бифонемными сочетаниями. В этом случае состав фонем оказался бы меньшим, чем состав букв. С другой стороны, есть основания и для обратного предположения: имеются такие сочетания букв, которые предположительно могли бы обозначать одну фонему (см. ниже). В этом случае число фонем оказалось бы превышающим число букв. Кроме того, возможны различные теоретические подходы к определению количества аллофонов у каждой фонемы. Рассмотрим данные вопросы применительно к каждому отдельному классу фонем — гласным, согласным и шумным согласным.

7. Гласные. В эсперанто насчитывается 5 гласных монофтонгов, образующих хорошо известную систему с пересекающимися признаками ряда и подъема:

Указанные 5 фонем могут варьироваться по долготе, открытости/закрытости и способности к слогообразованию. Таким образом, возникает, помимо системы фонем, также и система аллофонов, которые подлежат специальной нормативной кодификации. Наиболее авторитетное руководство по нормативной грамматике эсперанто – "Полная аналитическая грамматика" К. Калочая и Г. Вариньена [16] – предлагает руководствоваться следующими правилами.

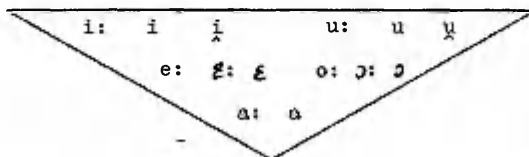
Долгота гласных. Ударные гласные в открытых слогах произносятся с большей долготой, чем ударные гласные в закрытых слогах или неударные гласные (долгота обозначена двоеточием): *ami* [á:-mí] 'любить', *granda* [grán-da] 'большой'.

Открытость/закрытость. По этому признаку варьируются гласные среднего подъема *e*, *o*, различающие более закрытые (узкие) варианты и более открытые (широкие). Первые используются в открытых ударных слогах, где они сопровождаются удлинением гласного (транскрипционно [e:], [o:]): *peti* [pé:-tí] 'просить', *bona* [bó:-ná] 'хороший'. Вторые употребляются во всех остальных случаях, причем они также могут сопровождаться удлинением, если на них падает второстепенное ударение в сложных словах (транскрипционно [ɛ:], [ɔ:], [ɔ:]): *sendi* [sɛn-di] 'посылать', *porti* [pɔr-tí] 'нести', *libertempo* [libɛ:r-tɛmpɔ] 'свободное время', *orĝeno* [ɔ:rtʃɛnɔ] 'золотая цепь'.

I Мы несколько изменяем транскрипцию, применяемую Калочаем и Вариньеном: последние предлагают пользоваться знаками *é*, *ó* для закрытых вариантов и *ê*, *ô* для открытых. Мы считаем более целесообразным использовать знак *˘* для обозначения главного ударения, а *˙* – для второстепенного.

Способность к слогообразованию. По этому признаку варьируются гласные верхнего подъема *i*, *u*, которые в положении между согласным и гласным могут терять слогообразующий характер и образуют восходящий дифтонг с последующим гласным: *miliono* [i^o] 'миллион', *buduario* [ua] 'будуар'. Впрочем, превращение [i], [u] в неслоговые [i̯], [u̯] Калочай и Вариньендопускают лишь в языке поэзии (для создания требуемого ритма). По нашим наблюдениям, однако, это явление широко распространено в разговорном эсперанто.

При учете указанного варьирования систему аллофонов для гласных фонем эсперанто можно изобразить следующим образом:

Однако постулирование системы 14 гласных аллофонов идет в разрез с требованием простоты, предъявляемым к структуре планового языка вообще и в частности эсперанто. Напомним, что в свое время одной из причин неуспеха волапюка считалась усложненность грамматики и, в частности, наличие чрезмерно дифференцированной системы 8 гласных – все же требовавших для своей кодификации менее сложных правил, чем система 14 гласных аллофонов в эсперанто. Поэтому для того, чтобы дать правильную оценку вышеизложенной концепции Калочая и Вариньена, необходимо остановиться на истории сложения данной системы аллофонов.

Точка зрения Заменгофа по поводу варьирования гласных была вполне однозначна: он полагал, что гласные должны всегда произноситься в некоторой усредненной форме, исключающей варьирование. "Произношение гласных должно быть ни слишком долгим, ни слишком кратким; например, "i" должно произноситься несколько длиннее, чем в немецком *Sinn* и несколько короче, чем в *Riese*" [25, № 68, 1906]. Точно так же он полагал, что гласные должны быть "ни слишком закрытыми, ни слишком открытыми, а всегда средними" [16, 43]. И, наконец, он, как мы видели выше, отрицал наличие в эсперанто дифтонгов. Следовательно, заменгофская норма исключает варьирование гласных по всем трем признакам, которые принимаются во внимание при исчислении аллофонов гласных в системе Калочая-Вариньена.

Орфоэпическая норма Заменгофа оказалась вполне приемле-

мой для русских эсперантистов, в родном языке которых нет фонемных различий ни по долготе, ни по степени открытости гласных, а кроме того отсутствуют и дифтонги. Однако сохранить эту норму при опоре на иносистемные этнические языки оказалось значительно труднее.

Основатель эсперантского движения во Франции Л. де Бофрон пытался провести ту же систему невариативных гласных, основываясь на указаниях "Фундаменто" (см. табл. на стр. 29) о том, что эсперантским *e*, *o* соответствуют французские *é*, *ô*, т.е. закрытые гласные. Однако такое решение оказалось неприемлемым для носителей французского языка, в котором различаются две серии фонем среднего подъема: закрытые [ɛ], [ɔ] и открытые [ɛ̃], [ɔ̃]. Употребление во всех случаях одних закрытых гласных давало выигрыш в единообразии, но противоречило языковым привычкам франкофонов и казалось им монотонным. Ср. произношение слова "эсперанто" во французском языке [ɛspɛrɑ̃to] и в эсперантском произношении, рекомендованном де Бофроном [ɛspɛranto]. Уже на первом конгрессе эсперантистов в Булони (1905 г.) подобное произношение, хотя и распространившееся благодаря авторитету де Бофрона также в странах английского языка, было признано ошибочным [21, 67], и в 1907 г. появились новые системы Г. Мока во Франции [18] и Г. Хевелера в Англии [11], согласно которым в эсперанто следует принять обе серии гласных среднего подъема, как варианты фонем [e] и [o]. Предложения Мока и Хевелера сводились в общем к тому, чтобы в открытых слогах произносились более узкие варианты гласных [e] и [o], а в закрытых слогах — более широкие [ɛ̃] и [ɔ̃].

Если для франкофонов на первое место выдвигалась проблема варьирования гласных по открытости/закрытости, но была в общем безразлична вариативность гласных по признаку долготы (фонологически не релевантному для французского языка), то для носителей немецкого и венгерского языков оказалась важной именно проблема кодифицирования краткого и долгого варианта гласных, поскольку признак долготы здесь фонологически существен. Австриец Э. Вюстер в 1923 г. и венгр К. Калочай в 1931 г. [14] предложили в целом близкие друг другу системы различения вариантов гласных по долготе, в которых длительность звучания гласного связывалась с наличием ударения и открытым или закрытым характером слога.

Интересно, что в названной работе 1931 г. Калочай, постулируя количественное варьирование гласных, еще не приходит к необходимости качественного варьирования их по открытости/

закрытости: он считает, что все гласные должны быть "полу-закрытыми" (фактически солидаризируясь с точкой зрения де Бофрона) [14]. И лишь с появлением в 1935 г. совместной работы Калочая и Вариньена (француза по национальности) [4 изд.: 16] получила нормативную кодификацию вышеописанная орфоэпическая норма, допускающая вариативность гласных одновременно по признакам долготы и открытости/закрытости¹. Тем самым влияния, исходившие от французского языка, с одной стороны, и немецкого и венгерского, с другой, объединились в одно целое на почве эсперантской орфоэпической нормы.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, имеющее немалый теоретический интерес, что носители тех или иных этнических языков переносили в эсперанто звуковые различия, которые фонологически релевантны в их родных языках, но при таком переносе указанные звуковые различия как бы понижались в фонологическом ранге: если в этнических языках они различали фонемы, то в эсперанто они стали различителями вариантов фонем, т.е. аллофонов.

Какая из двух конкурентных орфоэпических норм — Заменгофа и Калочая-Вариньена — является предпочтительной? Основываясь на сформулированном выше принципе минимальной вариативности, следует отдать предпочтение системе Заменгофа, но вместе с тем можно допустить и факультативное принятие системы Калочая-Вариньена как своего рода переходного звена (фонетического транслятора) от тех этнических языков, для которых релевантны различия гласных по долготе и открытости/закрытости, к эсперанто, для которого эти признаки безразличны. Однако носители русского, чешского, сербско-хорватского, греческого, японского и многих других языков не испытывают никакой необходимости в подобном трансляторе, так что система Калочая-Вариньена не может рассматриваться в качестве общеэсперантской обязательной нормы; аналогичное мнение высказывает Дж. Уэллс [24, 23].

¹ Историю становления этой нормы не обошло следующее курьезное обстоятельство: в 1933 г. в весьма престижной тогда "Энциклопедии эсперанто" Калочай помещает статью "Произношение эсперанто", где дает первый эскиз варьирования гласных по количеству и качеству. Но его рекомендации прямо противоположны тем, которые через два года появятся в "Полной грамматике эсперанто": здесь он советует придавать долгим ударным гласным не закрытый, а открытый характер [см. 15, 119].

8. Сонорные согласные. В эсперанто 6 сонорных согласных: М, N, R, L, J, Ŭ.

Относительно первых четырех фонем сомнений не возникает: заменгофская норма однозначно определяет их произношение через указанный выше русско-латинский эталон. Однако фонологический статус J и Ŭ представляется значительно менее ясным. Заменгоф, как мы видели, определял j и ŭ как звуки, фонетически сходные с гласными i и u, но по отсутствию у них слогообразующей функции являющиеся согласными. При этом, по его мнению, j и ŭ не могут образовывать дифтонга ни с последующими, ни с предыдущими гласными¹. Своеобразие положения j и ŭ в звуковом строе эсперанто (сходство, по разным признакам, одновременно с гласным и согласным) заставляет многих исследователей квалифицировать j и ŭ как "полугласные" или "гласно-согласные" [18]. В настоящее время наибольшее распространение получила точка зрения, по которой j и ŭ реализуют свои вокалические или консонантные признаки в зависимости от позиции по отношению к слогообразующему гласному: перед гласным j и ŭ выступают как согласные (в транскрипции изображаемые с помощью [y] и [w]), а после гласного как неслоговые [j], [ɥ] : jaro [yaro] – fajro [fairo]; ŭato [wato] – paŭzo [paɥzo]. Следует сказать, впрочем, что положение ŭ перед гласной нельзя считать вполне стабилизировавшимся в эсперанто: в фундаментальной грамматике специально оговаривается, что ŭ встречается только после гласной, однако уже у Заменгофа появляется междометие ŭа 'ya', а в работах других авторов и иные неологизмы типа ŭato 'ватт'. Кроме того ŭ встречается в интервокальном положении в производных словах типа hieraŭa 'вчерашний' (от hieraŭ 'вчера').

Как бы то ни было, [y] / [j] и [w] / [ɥ] являются аллофонами фонем j, ŭ, которые частично совпадают с неслововыми вариантами гласных фонем i и u, а именно [i] и [u] (см. выше). Отсюда возможная нейтрализация фонем: j [y] в buljono произносится почти так же, как i [i] в miliono. Проблемам фонетической интерпретации j и ŭ посвящена статья А. Альбо [7].

¹ Отметим расхождение этого тезиса Заменгофа с английским текстом фундаментальной грамматики, где относительно ŭ прямо утверждается, что этот звук используется лишь в дифтонгах (см. табл. на стр.29).

9. Шумные согласные. 17 букв эсперантского алфавита обозначают шумные согласные: В, с [ts], ĉ [tʃ], D, F, G, Ĝ [aʒ], H (глухое фарингальное h или звонкие [ɦ], [ɣ]), Ĥ (заднеязычное фрикативное глухое [x]), Ĵ [ʒ], K, P, S,Ŝ [ʃ], T, V, Z. Рассмотрим существующие классификации этих согласных, в которых, как мы увидим, отразились разные традиции в определении произносительной нормы. Русскую традицию лучше всего отражает классификация В. Варанкина [22, 24], воспроизводимая с несущественными коррекциями:

		Губные	Губно-зубные	Переднеязычные	Заднеязычные
Смычные	Глухие	p		t	k
	Звонкие	b		d	g
Щелевые	Глухие		f	s, ŝ	ĥ
	Звонкие		v	z, ĵ	h
Смычно-щелевые (аффрикаты)	Глухие			c, ĉ	
	Звонкие			ĝ	

Иную, западноевропейскую, традицию отражает классификация П. Жантона [13, 56]:

		Лабials	Лабiodентальные	Дентальные	Постальвеолярные	Веллярные	Глоттальные
Взрывные	Глухие	p		t		k	
	Звонкие	b		d		g	
Фрикативные	Глухие		f	s	ʃ	ħ	h
	Звонкие		v	z	ʒ		
Аффрикаты	Глухие			c	ĉ		
	Звонкие				ĝ		

Мы воспроизвели эту классификацию с ее терминологическими особенностями, но дело, конечно, не в терминологии. Суть в том, что западноевропейская традиция усматривает в фонетическом строе эсперанто "лишний" класс шумных согласных, отсутствующий в восточноевропейской (русской) традиции, а именно класс фарингальных согласных (у Жантона – глоттальных), представленный глухим звуком [h]. В русской традиции

h помещается в класс заднеязычных (велярных) согласных, фонетически истолковываясь при этом в качестве звонкого [ɣ]. В восточноевропейской традиции существует, как мы видели, еще одно истолкование h – как фарингального звонкого гласного [ɦ], соответствующего украинскому г. При этом соотношение заднеязычных и фарингальных получит следующий вид:

	Заднеязыч- ные	Фарингаль- ные
Глухие	k	
Звонкие	g	
Глухие	h	
Звонкие		ɦ [ɦ]

Рассмотрим приведенные классификации с фонологической точки зрения. Очевидно, не все приводимые в них ряды согласных выделены на равных основаниях. Так, различия губно-губных (собственно лабиальных) и губно-зубных (лабио-дентальных) согласных фонологически не релевантно: эти два ряда, как показывает таблица, находятся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу и могут быть объединены в общий ряд губных (лабиальных) фонем. Признак лабио-дентальности у губных имеет фонетическую, а не фонологическую значимость. Точно так же можно объединить в один ряд заднеязычные и фарингальные, если трактовать h как звонкий фарингальный [ɦ] (наподобие украинского г): поскольку позиция заднеязычного щелевого звонкого вакантна, можно заполнить ее фонемой h, считая фарингальность фонологически несущественным признаком. Таким образом, фонетические истолкования h как южнорусского [ɣ] (см. схему В. Варанкина) или как украинского г [ɦ] с фонологической точки зрения не противоречат друг другу, обобщаясь в виде общей системы фонем (которая выше была названа восточноевропейской). Западноевропейская схема не допускает обобщения заднеязычных и фарингальных, так как глухой фарингальный h не может претендовать на место звонкого заднеязычного щелевого согласного.

Какая из двух систем – восточно- или западноевропейская – является предпочтительной? С фонологической точки зрения следует, очевидно, предпочесть ту схему, в которой имеется меньше незаполненных клеток. Для эсперанто характерно систематически проводимое противопоставление глухих и звонких согласных (что, как мы увидим ниже, побуждает некоторых эс-

перантологов постулировать наличие особой аффрикаты, заполняющей соответствующую пустую клетку в системе). При интерпретации как глухого фарингального схема будет иметь две незаполненные позиции (звонкие корреляты к \tilde{h} и h). Но обе пустые клетки исчезнут, если h и \tilde{h} рассматривать как пару "глухой - звонкий", что и имеет место в восточноевропейской традиции. Следовательно, подчиняясь давлению фонологической системы эсперанто, мы должны постулировать наличие в нем указанной пары согласных фонем, с тем чтобы фонетическое истолкование h как $[x]$ считать каноническим. Разумеется, ничто не препятствует одновременно признавать допустимым произношение h как глухого фарингального, но эту норму следует считать фонологически периферийной (подобно тому как является периферийным, хотя и допустимым, увулярное произношение r).

Другая пустая клетка в системе оппозиций "глухие - звонкие согласные" возникает в связи с отсутствием звонкого коррелята к фонеме c $[ts]$, хотя фонема \tilde{c} $[tʃ]$ имеет звонкое соответствие в виде \tilde{g} $[dʒ]$. П. Жантон констатирует здесь "неполноту" серии звонких согласных [13, 55], тогда как К. Калочай и Г. Вариньен восполняют эту неполноту, предлагая включить в число отдельных согласных эсперанто звук $[dz]$ (передаваемый двухбуквенным сочетанием dz как в слове *edzo* 'муж') [16, 48]¹. Если принять это предложение, придется констатировать, что букв в эсперанто меньше, чем фонем, так как постулируемая фонема $[dz]$ не имеет для своего выражения отдельной буквы.

Однако при этом возникает альтернативный вопрос, не следует ли вообще все аффрикаты эсперанто (c , \tilde{c} , dz , \tilde{g}) считать бифонемными сочетаниями? При положительном ответе на этот вопрос число букв окажется превышающим число фонем, так что принцип "1 буква = 1 фонема" в любом случае, видимо, не будет полностью выдерживаться.

Решение вопроса о фонологическом статусе аффрикат в эсперанто зависит от предварительного выяснения ряда частных

¹ Принцип заполнения пустых клеток применительно к искусственному (плановому) языку впервые разработал Я.И. Линцбах, назвавший его "принципом упрощения" и положивший его в основу конструирования "рациональной фонетики". Так, симметричное отношение ш: ж требует наличия такого же отношения ч: (дж), т.е. искусственного создания (дж) в дополнение к ч, см. [3, 36], а также рецензию на эту работу с точки зрения современной лингвистики [4, 342].

проблем:

1) Определение слоговой границы в случаях интервокального положения аффрикаты. Как говорилось выше, интервокальная группа из двух согласных обычно разделяется между двумя слогами, например, *pas-to* 'паста'. Если слоговая граница проходит внутри аффрикаты (*расо* [pat-so] 'мир'), то аффриката имеет бифонемный характер, если перед аффрикатой [pa-tso], то последняя фонологически не членима.

2) Дистрибуция аллофонов гласных перед аффрикатой. По указанному выше мнению К. Калочая и Г. Вариньена, в открытом ударном слоге гласные произносятся как долгие, а в закрытых и неударных слогах — как краткие. Если ударный гласный [a] в *расо* долг, то аффриката как целое относится к последующему слогу, если же гласный краток, то, значит, элемент [t] закрывает предшествующий слог и является фонологически отдельным от [s]: [pat-so]. По наблюдениям Калочая и Вариньена, гласный обычно является кратким перед dz (что свидетельствует о бифонемном характере этого сочетания), но также и перед с, ġ; зато перед ê гласные будто бы всегда произносятся как долгие. Если принять эти наблюдения за истинные, то придется признать, что в эсперанто (по крайней мере в той разновидности эсперантской нормы, где противопоставление долгих и кратких аллофонов установилось окончательно) существует лишь одна смычно-целевая фонема ê [tʃ]. Правда, в целях унификации произношения К. Калочай и Г. Вариньен считают предпочтительным длительное произношение гласного перед всеми аффрикатами, в том числе и перед dz [16, 41].

3) Место аффрикат в слове. Существует мнение, что dz не может быть признано фонемой, так как в противоположность другим аффрикатам не имеет позиции в начале слова [12, 86]. Это мнение, однако, фактически не верно, так как полный словарь эсперанто регистрирует слово *dzeta* (в качестве параллельной формы к слову *zeta* 'дзета' — название греческой буквы). Таким образом, положение dz в начале слова возможно, хотя встречается реже, чем у других аффрикат.

Итак, мы приходим к выводу, что вопрос об аффрикатах еще не имеет удовлетворительного решения и нуждается в дальнейших исследованиях (в том числе экспериментальных). Представляется вместе с тем, что включение dz в систему аффрикат в качестве потенциальной фонемы вполне возможно и, учитывая упоминавшееся давление системы, полностью закономерно. Однако не следует ли пойти еще дальше и принять в качестве потенци-

альных фонем любое сочетание смычного и щелевого (одного и того же места образования), не ограничиваясь традиционными переднеязычными аффрикатами? Действительно, последовательное проведение принципа заполнения пустых клеток требует распространения его на всю систему шумных согласных, ибо ничто не мешает постулировать возможность губных аффрикат типа pf (например, в слове *pfenigo* 'пфенниг') или заднеязычных аффрикат наподобие gh (в слове *ghetto* 'гетто', употреблявшемся Заменгофом).

При учете этих потенциальных возможностей система шумных согласных в эсперанто может быть представлена следующим образом:

		Губные	Переднеязычные	Заднеязычные
Смычные	Глухие	p	t	k
	Звонкие	b	d	g
Щелевые	Глухие	f	s, \hat{s}	\hat{h}
	Звонкие	v	z, \hat{z}	\hat{n}
Смычно-щелевые (аффрикаты)	Глухие	(pf)	c, \hat{c}	(k \hat{h})
	Звонкие	(bv)	(dz), \hat{g}	(gh)

Ряд факторов заставляет утверждать, что пустые клетки в системе шумных согласных действительно заполняются вышеуказанными потенциальными аффрикатами. Выше уже говорилось о наличии слова *dzeta* (как параллельной формы к *zeta*). В журнале "Horizonto de Soveta Litovio" (Vilnius, 9-a kajero, 1985, p. 46) нам встретилось слово *khmera* 'кхмерский' (в параллель к отмеченному в [20] \hat{h} mero).

10. Типы аллофонического варьирования, специфичные для планового языка. Причины, вызывающие аллофоническое варьирование в плановом языке, можно свести в следующие группы.

К первой группе относится несовпадение фонетических (не фонологических!) систем этнических языков, выбранных в качестве эталонов для нормирования планового языка. Так возникает варьирование, например, фонемы R, реализуемой в виде переднеязычного дрожащего [r] как в русском языке, переднеязычного фрикативного [r] как в английском или увулярного [ʀ] как во французском. Различение этих вариантов фонологически не-

релевантно, но поскольку они осознаются носителями эсперанто как противоречащие единству языка, возникает потребность в унифицирующей норме, что и пытался провести Заменгоф, взяв в основу унификации русское (и польское) чтение латыни.

Другая группа причин связана с несовпадением фонологических (не фонетических!) систем планового и этнических языков. При переходе от этнического (родного) языка к плановому может происходить либо увеличение, либо сокращение фонологических значимостей, имеющих силу для родного языка говорящего.

При увеличении фонологических значимостей (т.е. при переходе к более дифференцированным отношениям фонем, чем это имеет место в родном языке) варьирование фонем обязано разным степеням овладения плановым языком. Мы уже видели, что Заменгоф допускал "на первых порах" произношение эсперантского неслогового *ŭ* как русского [y], таким образом возникало варьирование фонемы *ŭ*. Варьирование, связанное с овладением более дифференцированной фонологической системой планового языка, всегда имеет национальную специфику: японские и китайские эсперантисты варьируют произношение *г* и *л*, так как в японском отсутствует *л*, а в китайском — *г*; немцы, датчане и эстонцы зачастую оглушают звонкие согласные, скандинавы ослабляют различительные признаки аффрикат, французы и итальянцы склонны к нейтрализации *h* и *ħ* и т.п. [9].

При уменьшении фонологических значимостей (т.е. в ситуации, когда фонемы планового языка менее дифференцированы, чем фонемы родного этнического языка) характеристики фонем этнического языка начинают распространяться на аллофоны планового языка и возникает система аллофонического варьирования, как своеобразный переходный мост, или фонетический транслятор, обеспечивающий "плавное" переключение с этнического языка на плановый. Система аллофонов планового языка, поскольку она возникла, также подлежит нормативной кодификации.

Наконец, третья (и последняя) группа причин фонетического варьирования связана с процессами внутрисистемной регуляции языка, аналогических воздействий одной части его системы на другую: в силу этих причин варьирование неслогового *ĉ* может строиться по образцу другого неслогового звука, а именно *j;dz* в фонологическом отношении выравнивается с *с* [tʰ] и т.п.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. - М., 1982.
2. Кузнецов С.Н. Принципы теоретического описания планового языка. - In: Interlinguistica Tartuensia 2. Теория и история международного языка (Ученые записки Тарту ГУ. Вып. 644). Тарту, 1982.
3. Линцбах Я. Принципы философского языка. Опыт точного языкознания. - Пг., 1916.
4. Ревзин И.И. О книге Я. Линцбаха "Принципы философского языка..." - Труды по знаковым системам. П. (Ученые записки Тарту ГУ. Вып. 181). Тарту, 1965.
5. Юшманов Н.В. Проблема оформления европейских собственных имен и научно-технических терминов в латинизованных языках СССР. - Революция и письменность, М., 1932, кн. 1-2.
6. Юшманов Н.В. Грамматика иностранных слов. - В кн.: Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. М., 1933.
7. Albault A. Du literoj - multaj problemoj. Pri la esperantaj j kaj ŭ.-In: Scienca revuo, Beograd, 1973, vol. 24, N 2-3.
8. [Berthelot P.] Verema M. Fonetiko litera. Skizo pri kelkaj konsonantoy. - Cérét, 1904 (2 eld. 1906).
9. Bokarev E.A. Fonemo kaj sono en Esperanto. - In: Nuntempa Bulgario, Sofia, 1966, N 11 (переизд. в: Росо. Eld. de GDR. 1974).
10. Gužev S. Enkonduko en la fonologion de Esperanto. - In: Bulgara Esperantisto, 1974, NN 3-6.
11. [Höveler H.F.] Cefec E. Pri la elparolado de la vokaloj en Esperanto. - London, [1907].
12. Hukaya S., Talos E. Fonologia sistemo de Esperanto. - In: Esperantologiaj kajeroj, Budapest, vol. 2, 1977.
13. Janton P. L'esperanto. - Paris, 1973.

14. Kalocsay K. Esperanta alparolo. - En: Kalocsay K. Lingvo Stile Formo. Budapest, 1931 (represo: 1963).
15. Kalocsay K. Alparolo de E[esperanto]. - In: Enciklopedio de Esperanto. Budapest, 1933 (represo: 1979).
16. Kalocsay K., Varinghian G. Plena analiza gramatiko de Esperanto. 4a eld. - Rotterdam, 1980.
17. Lienhardt A. Modela pronenco de la interlingvo Esperanto. - In: Science revuo, Beograd, 1973, vol. 24, N 2-3.
18. Wach G. Pri la alparolado de Esperanto. - Paris, 1907.
19. Nylén P. Sonoj kaj vortoj de Esperanto. - Stockholm, 1930.
20. Plena ilustrita vortaro de Esperanto. - Paris, 1970.
21. Privat E. Historio de Esperanto. Devano kaj komenco. - Leipzig, 1923.
22. Varankin V. Teorio de Esperanto. - Moskvo, 1929.
23. Vaskó T. Ĉu ideala aĉelstemo? - In: Esperantologiaj karesoj, Budapest, vol. 1, 1976.
24. Wells J.C. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam, 1978.
25. Zamenhof L.L. Lingvaj respondoj. - Marmande, 1962.
26. Zamenhof L.L. Fundamento de Esperanto. 9a eld. - Marmande, 1963.

FONOLOGIA SISTEMO DE ESPERANTO

(Fragmento de teoria gramatiko de la planlingvo)

Sergej N. Kuznetsov

Ĉiu planlingvo povas havi du diversajn teoriojn - primaran (formulitan antaŭ ties socia akcepto) kaj sekundaran (formulitan surbaze de ties efektiva uzado en la socio). La primara teorio de Esperanto-fonetiko estas skizita en la "Unua libro" kaj poste en la "Fundamento"; ĝi malpermesas pozician variadon de fonemoj, sed allasas variadon sub la influo de naciaj lingvoj. Kompromiso inter la primara kaj sekundara teorioj estas Zamenhofa fonetika normo: ĝi permesas pozician variadon, sed samtempe fiksas modelan prononcon (kontraŭ la influo de naciaj lingvoj). La sekundara teorio analizas la faktan situacion: la vokaloj varias laŭ longeco, fermiteco kaj silabeco; la sistemo de konsonantoj enhavas malplenajn lokojn por potencialaj fonemoj (pf, bv, dz, kh, gh), kaj tiaj fonemoj vere ekaperas en la lingvouzo. Fine de la artikolo estas montrataj kaŭzoj de la alofona variado: malkongruo inter naciaj lingvoj, kiuj servas modeloj por Esperanto; malkongruo inter naciaj lingvoj kaj la planlingvo; interna memregulado de la planlingvo.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ И ЭСПЕРАНТО

П. Алвре

Однокоренные с эсперанто слова возникали в финно-угорских языках одновременно; более древние из них — несколько тысячелетий назад из индоевропейского языка или языков [3 — 6, 8, 17, 25]. Не исключено, что часть заимствований появилась уже ранее из индоевропейского праязыка. Предполагаем родство и этой языковой группы с финно-угорскими языками (гевр. уральскими) [12 — 15]. Позднейшие контакты с другими индоевропейскими народами дали балтийские, германские и славянские заимствования; особенно надо отметить в этом отношении прибалтийско-финские языки [2; 19 — 24]. Относительно позднего происхождения здесь многие заимствования, относящиеся к области культурного и научного словарного состава.

Сравнение их с лексикой эсперанто дало бы более ясную картину того, что общего в словарном составе финно-угорских языков и эсперанто. Эта кропотливая работа будет ждать своей очереди, так как задача данного исследования дать общий обзор изучаемого вопроса и привести примеры из разных аспектов изучения.

Более подробно остановимся только на древних уральских и индоевропейских контактах, которым посвящён хороший обзор финского исследователя Аулиса Й. Йоки "Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und Indogermanischen Sprachen" [17]. Попытаемся найти в этом анализе наиболее устойчивые лексические параллели с языком эсперанто, не повторяя того, что было приведено в работе "Типологические параллели финно-угорских языков и эсперанто" об именах существительных и местоимениях [1]. Как принято в лексикологических исследованиях, представим сравнительный материал, располагая словарные статьи в алфавитном порядке. Словарная статья начинается примером из финно-угорских языков (по возможности на первом месте подаются примеры из прибалтийско-финских языков, далее следуют ближайшие соответствия из индоевропейских языков), далее после тире — параллель из

эсперанто, в скобках наиболее фонетически соответствующие формы из латинского, романских или германских языков. В целях экономии все названия сокращены (см. в конце статьи "Сокращения языков").

фин. ajaa 'ехать, гнать', эстон. ajama, 'гнать', удмурт. uj- 'гнаться' < ф.-у. (или урал.) jaia-; ? < или = и.е. jaǵo: jaǵ- 'гнать', ср. др.-инд. ajati 'гонит', лат. ago: agere 'гнать, приносить' - эсп. agi 'действовать, поступать' (ср. также ит. agire 'торговать').

удмурт. ana (постпозитивное) 'без' < иран., ср. авест. ana-, осет. an 'без' и т.д. - эсп. an(-alfabeto) 'безграмотный'.

фин. ase-, asu-: asettaa, эстон. asetama 'класть', эрзян. ežem 'место; стенная скамейка' < урал. jaše- = или < и.-е. jas-, jes-, ср. др.-инд. as-, авест., др.-перс. ah- 'быть' - эсп. esti 'быть' (ср. также ит. essere 'быть' и лат. esse: est 'есть').

венгер. kert 'сад' < др.-осет., ср. осет. kert 'хутор'; ? гот. gards - эсп. gardeno 'сад' (ср. также ит. giardino, франц. jardin 'то же').

Мар. kine и т.д. 'конопля' < kān-; др.-перс. kanab 'конопля' - эсп. kanabo 'конопля'.

фин. lukea, саам. lokkât, эрзян. lovoms 'читать; считать' = и.-е. leg-/log- - эсп. legi 'читать' (ср. также лат. lego 'читать', пересчитывать)).

фин. marras (основа: marta-) 'умирающий; смерть', эстон. marras 'слабый' и др. < арийск., ср. др.-инд. martah 'человек, смертный' - эсп. morti 'умирать', morto 'смерть', (ср. также лат. mors: mortis 'смерть').

фин. muurain, эстон. murakas 'морозка' = и.-е. mor- 'полевая морозка', ср. армян. mor, mori 'то же' (> лат. mōrum) - эсп. (kame)moro 'морозка'.

фин. märehtiä 'жевать' - см. коми remis 'то же'.

фин., эстон. nimi (основа: nime-), саам. namma 'то же' < урал. nim(e) = и.-е. nim- ~ nom-, ср. др.-инд. nama- - эсп. nomo 'имя' (ср. также лат. nōmen 'имя').

фин. nitoa 'связать', эстон. niduma 'то же', эрзян. ned'a-, näd'a- 'подвешивать' < ф.-волж. (или ? ф.-у.) ni-da или niđä ? = и.-е. ned-, ср. др.-инд. naḥyati 'связывает', лат. nodus 'узел' и т.д. - эсп. node 'узел', (ср. также ит. node 'то же').

фин. orpo, эстон. orb 'сирота', саам. oarbes 'одинок-

кий', эрзян. uros, urus 'сирота' и т.д. < ф.-у. uorpa(-s) ~ uorva(-s) < арийск. uorbho(-s), ср. др.-инд. arbhah, arb-hakah 'маленький, молодой, слабый; ребёнок', армян. orb, -o, -ov 'сирота' - эсп. orfo 'сирота'.

венг. özvegy и т.д. 'вдова' < др.-осет. vidvāz, ср. осет. idvāz 'вдова' = авест. vidava, лат. vidua, гот. widuwō 'то же' - эсп. vidvo 'вдова' (ср. также нем. Witwe).

коми pad: pad-vež 'перекрёсток' < иран. (или арийск. ?), ср. авест. pantā 'тропинка, дорога' и т.д. - эсп. ponto (ср. также лат. pontus 'то же').

эрзян. paŋgo, мокшан. paŋga 'гриб' и т.д. < урал. paŋ- ka - эсп. fungo 'гриб' (ср. лат. fungus 'то же').

фин. pata, эстон. pada 'горшок, котёл', мар. pat, pot 'горшок, миска' и т.д. < ф.-у. prata = и.-е., ср. англосакс. pott и др. - эсп. poto 'горшок' (ср. также англ. pot 'котёл; горшок', нем. Pott 'глиняный сосуд').

удмурт. pid 'нога', puden 'пешком', коми pod 'нога' < др.-перм. prōd иран. или арийск., ср. арийск. prad-, др.-инд. prād-, и.-е. prēd-, prōd- 'нога' - эсп. piedo 'нога', pie- de 'пешком' (ср. лат. pēs: ped-is 'нога').

фин. porsas, эстон. põrsas 'поросёнок', эрзян. purtsos и др., коми pors 'то же' и др. < ф.-перм. или ф.-у. prorsas или prorcas < предарийск. prorsos (или и.-е. prorkos и т.д. - эсп. porko 'свинья' (ср. также лат. porcus 'свинья', англ. pork 'свинина'; архаич. 'свинья')).

мар. põrs, põrõs 'иной' < иран.; ср. курд. pursā 'трад', др.-инд. prusvā 'иной; лёд' и др. - эсп. pruino 'иной' и fros- to 'холод, мороз' (ср. также нем. Frost 'то же').

мар. pūndaks, pēndas и др. 'дно, основа', удмурт. pides 'то же' < prunta(-ks) < арийск. или праиран., ср. др.-инд. budnah - эсп. fundo 'дно' (ср. также лат. fundus 'то же').

эрзян. rav, ravo 'река Волга; наводнение, паводок; море' < арийск. grava или ср.-иран. ? grava-, ср. др.-инд. grava- 'течение' и др. - эсп. rivero 'река' (ср. также англ. river 'то же').

коми remis 'жевачка', remisti 'жевать' < праперм. grōm-: из-за метатезы grām- < grar- относится сюда и фин. märehtiä, из-за r > l и эстон. mäletsema 'жевать' < иран. - эсп. re- mači 'жевать' (ср. также лат. rumare 'то же').

фин. suola, эстон. sool, мордов. sal 'соль' < и.-е. sale - эсп. saló 'соль' (ср. также лат. sal: salis и ит. sale 'то же').

мар. kuṭuza 'король, император, царь' (< kuṭu 'великий' + za 'король, князь') ? < иран., ср. н.-перс. šāh 'король, правитель, князь, шах' - эсп. saḥo 'шах'.

удмурт. ṣuna - 'греться, согревать', коми sonid 'тёплый; тепло' sondi 'солнце' < праперм. *son3 ?? < ср.-иран., ср. вахан. sundr - эсп. suno 'солнце' (ср. также англ. sun 'то же').

мар. šüder, šäḍer 'звезда' ?? < иран., ср. н.-перс. se-täre и др. 'звезда', вахан. istōra 'то же' и т.д. - эсп. astro 'звезда, небесное тело' (ср. также лат. aster 'то же').

фин. taivas, эстон. taevas, ливск. tōvaž 'небо' < арийск. или балт., ср. др.-инд. deva-, dēva- 'небесный, божественный; бог; чорт', лат. deus 'бог', dīvus 'божественный', др.-прус. deiwas 'бог' < прабалт. ? *daivas < и.е. *doipos 'небо' - эсп. dio 'бог' (ср. также ит. Dio 'бог').

фин. teke-, эстон. tegeme 'делать', венгер. tenni 'делать, начать' и т.д. < ф.-у. или урал. *teke- = или < и.-е., ср. и.-е. *dhē-, авест. dā-, лат. faciō 'я делаю' (< и.-е. *dhēkiō) - эсп. fari 'делать' (ср. также ит. fare 'делать').

фин. tuoda, эстон. tooma 'приносить' эрзян. tuje-, tuvo- 'то же' и т.д. = или < и.-е. *dow-, *dō-, др.-инд. и др.-перс. da- 'давать', лат. (dare:) dō 'даю' - эсп. doni 'давать' (ср. также ит. dare 'давать').

фин. tuumen 'молочная железа коровы', tummeli 'вымя' ?? < и.-е. или герм., ср. др.-инд. tumra- 'сильный, толстый, большой' - эсп. tumoro 'опухоль' (ср. также лат. tumor 'опухоль', англ. tumour 'то же').

венгер. vasár 'базар; торговля, товар', vasár-nap 'воскресенье' (nap 'день') < иран., ср. н.-перс. bāzār и т.д. 'базар' - эсп. bazaro 'базар' (ср. также франц. bazar и рус. базар 'базар').

Часть представленного словарного запаса при сравнении с индоевропейскими языками дана со знаком "=", которым подчёркивается возможное их этимологическое родство, тогда как стрелка (<) указывает на заимствование. Число старых индоевропейских заимствований в финно-угорских языках равно 222 (по данным Аулис Й. Йоки); соответствия с эсперанто достигают только 45, т.е. примерно 20 %. Возможно, что более старых общих слов с индоевропейскими языками и с эсперанто несколько больше. Автор хочет обратить особое внимание на возможную связь фин. peukalo 'большой палец' и эсп. polekso.

Ни Аулис Й. Йохи в указанной выше работе, ни "Suomen kielten etymologinen sanakirja" не находят этому слову соответствия ни в одном из индоевропейских языков, считая его, вероятно, более поздним производным словом от основы peuka-; ср. фин. peukalo, востон. püial, лясск. pēkal, вепе. peigol, саам. pelgi и др. 'большой палец'. Если -i в этом слове древнего происхождения, то можно противопоставить эстон. püial и др. индоевропейскому слову лат. ? pollex, являющемуся основой для эсп. polekno (ср. также ит. pollice 'большой палец').

Далее наблюдаем лексические параллели эсперанто в прибалтийско-финских языках, учитывая в основном как материал для сравнения старые балтийские, германские и славянские заимствования.

Прибалтийско-финские народы заимствовали у древних балтийских племен прежде всего земледельческие и скотоводческие термины, которые в эсперанто преобладающе романского происхождения, и поэтому совпадений в словарном составе мало. Их можно найти в пределах двух десятков, в том числе и некоторые сомнительные. Последующий материал прибалтийско-финских и балтийских языков взят нами в основном из исследования Й. Калима "Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat" [19] ('Балтийские заимствования в прибалтийско-финских языках').

фин. ankerias, эстон. angerjas 'угорь' < балт., ср. литов. unguriš (род. п. uigurio) 'то же', др.-прус. angurgis 'то же' - эсп. angilo (ср. также ит. anguilla 'то же').

фин. ansa, эстон. aas 'петля' < балт., ср. литов. asė (< ansa-) 'ручка котла', др.-прус. ansis 'крюк для котла' - эсп. anso 'ручка, душка' (ср. также лат. и ит. ansa 'то же').

фин. hanhi, эстон. hani 'гусь' < балт., ср. др.-литов. žansis, др.-прус. sansy 'то же' - эсп. ansero 'гусь' (ср. также лат. anser 'то же').

фин. hirvi, эстон. hirv 'олень' < балт., ср. др.-прус. sirwis 'косуля', которому этимологически соответствует лат. cervus 'олень' - эсп. cervo 'олень'.

фин. karvas (род. п. karpaan) 'корзина; маленькая лодка' ? < балт., ср. литов. kėrbas 'корзина' - эсп. korbo 'корзина' (ср. также нем. Korb 'то же').

фин. karva, эстон. karv 'волос' < балт., ср. литов. gaūras (мн. ч. gaūrai) 'волосинка, ворсинка' - эсп. haro

'волосинка, волос' (ср. также нем. Haar 'волос').

фин. kinna (род. п. kintaan), эстон. kinnas (род. п. kinda) 'перчатка, рукавица' ? < балт., ср. латыш. cīmds (< *kindas) 'перчатка, рукавица' - эсп. ganto 'перчатка, рукавица' (ср. также ит. quanto 'то же').

фин., эстон. meri (род. п. mere) 'море' < балт., ср. литов. mārė 'море', др.-прус mary 'озеро-бухта' (< *marė) - эсп. maro 'море' (ср. также лат. и ит. mare 'то же').

эстон. диал. pahr (род. п. pahru) 'боров, хряк' < балт., ср. литов. pašas (мн. ч. pašai) 'поросёнок, боров', др.-прус. parstian 'поросёнок' - эсп. porko 'свинья' (ср. также лат. porcus 'то же'). Из индоиранского языка заимствовано фин. porvas, эстон. põrsas 'поросёнок' (см. выше).

фин. pelu (мн. ч. pelut) 'солома, сечка', вод. pelitti 'мякина' < балт., ср. литов. pėlius 'мякина' - эсп. pajlo 'солома'.

фин. rako, эстон. pragu 'щель' < балт., ср. литов. praga 'дыра' - ? эсп. brecho 'щель'.

фин. ratas (род. п. rattaan), эстон. ratas (род. п. rat) 'колесо' < балт., ср. литов. rātas 'колесо, круг', латыш. rata 'колесо' - эсп. rado 'колесо'.

фин. rieska, эстон. rõõsk 'свежий' < балт., ср. литов. prėskas. -а 'хлеб (без закваски)' - эсп. freña 'свежий' (ср. также нем. frisch 'то же').

фин. rihma 'верёвка, нитка', эстон. rihm 'ремень' < балт., ср. литов. rišimas 'завязывание' - эсп. rimeno 'ремень' (ср. также нем. Riemen 'то же').

фин. salo 'лесной участок', карел. šalo 'лесок' < балт., ср. литов. sala 'остров', латыш. sala 'остров, остров в болоте, холм' - эсп. insulo 'остров' (ср. также лат. insula 'то же').

фин. siemen, эстон. seeme 'семя' < балт., ср. литов. sėmens (мн. ч. sėmenys) 'пахота', др.-прус. semen 'семя' - эсп. semo 'семя' (ср. также лат. semen 'то же').

фин. taivas, эстон. taevas 'небо' выше отнесены в число старейших индоевропейских заимствований (эсп. dio 'бог'), потому что в индоиранских языках известно и значение 'небо', которое в балтийских отсутствует, ср. все же литов. dievas 'бог', латыш. dievs, др.-прус. deiwa, devwis 'то же' (< балт. праязык *deivas). [22, 1202].

фин. teiri, tetri, эстон. teder 'тетерев' < балт., ср. литов. tetervas, латыш. teteris 'тетерев' - эсп. tetro 'те-

терев'.

фин. terva, эстон. tõrv 'смола' < балт., ср. литов. dervà 'смола', латыш. darva 'жидкая смола'. Эстонское tõrvik 'факе́л' производно от слова tõrv 'смола', ср. с этим эсп. torço 'факе́л'.

эстон. uba, вод. upa 'боб' < балт., ср. литов. pupa, латыш. pupe 'боб' - эсп. fabo 'боб' (ср. также лат. faba 'то же').

фин. varsahainen, эстон. varsik 'оса' < балт., ср. литов. varsa, др.-прус. wobse 'оса' - эсп. vespro 'оса' (ср. также нем. Wespe 'то же').

Количество старых германских заимствований в прибалтийско-финских языках велико, например, в финском языке их более 250 [16, 282-288]. Лексические параллели с эсперанто приведены в ограниченном количестве на основе словаря Х. Сепамая "Малый эсперанто-эстонский и эстонско-эсперантский словарь" (Таллин, 1957). Материал германских языков, который является мостом к эсперанто, представлен в традиционной транскрипции [22]. Критически настроенный читатель сам может решить, насколько верны приведенные и предлагаемые лексические параллели прибалтийско-финских языков и эсперанто. Некоторые примеры автор пометил знаком "?".

фин. jo 'уже', эстон. juba 'то же' < герм., ср. гот. ju 'уже, теперь'; менее вероятно < балт., ср. литов., латыш. jau 'уже' - эсп. ja-m 'уже'; ср. также эсп. ja и эстон. ju (< jo) 'ведь, те'.

фин. kammio 'комната' < прасканд. *skammjōn. kamari 'то же' < др.-швед. kam(m)ar(e), др.-лат. camboer 'то же', эстон. kamber 'комната', - эсп. cambro 'комната' (ср. также франц. chambre 'комната').

фин. kampa 'расчёска' < сканд., ср. др.-норв. kambr, норв. kam, диал. kamba 'то же', эстон. kamm 'расчёска', на-верное, < нем. Kamm, др.-н.-нем. Kamb 'то же' - эсп. komb-ilo (-ilo - суффикс, обозначающий орудие, средство) 'расчёска'.

фин. kauris 'косуля', карел. kabris, вепс. kabrō 'козёл' < герм., ср. др.-норв. hafr, англосакс. hefer 'то же' - эсп. kapro 'коза', kapreolo 'косуля' (ср. также лат. и ит. capra 'коза').

По мнению П. Аристэ, прибалтийские финны переняли слова kauris, kabris от индоевропейских языков satəm-группы субстратным явлением [3, 9 - 10]. Такие же, по его мнению, и

выше указанные фин. taivas, marras и др.

фин. kiila, эстон. kiil 'клин' < герм. *kīla-z, ср. др.-в.-нем., ср.-и.нем. kīl 'то же' - эсп. kilo 'клин' (ср. также нем. Keil 'то же').

фин. kunnia 'честь', глагол kunnioittaa 'уважать' < ? герм. *kunja, ср. гот. kunl 'род' и т.д. - ?эсп. honoro 'честь' (ср. также лат. honor, архаич. honōs 'то же').

фин. kupari 'медь', эстон. архаич. kubar (vask) 'то же' < др.-швед. korpar, kopar, kupar 'то же' (< ср.-лат. cuprum, aes cyprium 'металл из Кипра', ср. Кипр, откуда в античные времена добывали медь) - эсп. kupro 'медь'.

фин. kynntilä, эстон. küünal 'свеча' < др.-норв. kyn-dill, др.-швед. kyndil (< *kundila-) - эсп. kandelo 'свеча' (ср. также лат. и ит. candela 'то же').

фин. liina 'лён, платок; конопля', вепс. lin 'конопля' < герм., ср. др.-норв. līn 'лён, платок, льняная ткань', гот. lein 'лён, холст' - эсп. lino 'лён' (ср. также нем. Lein 'лён', Leinen 'льняная ткань', лат. linum 'лён, холст' и ит. lino 'лён').

фин. mallas (мн. ч. maltaat) 'солод', эстон. диал. mal-lad (мн.ч.) 'то же' < герм., ср. др.-швед., др.-норв. malt, англосакс. mealt, др.-в.-нем. malz, нем. Malz 'то же' - эсп. malto 'солод'.

фин. muoto, эстон. mood 'мода', обычай, образ' < ? сканд., ср. др.-норв. mót 'картина; внешность; образ, обычай' - эсп. modo 'мода' (ср. также нем. Mode 'мода', лат. modus 'мера, умеренность и т.д.' и ит. modo 'образ, обычай' и т.д.).

фин. murha 'убийство', глагол murhata 'убивать' < герм., ср. др.-норв. morð, швед. morþ, англосакс. morð и т.д. 'убийство'. И эстонское слово mõrv 'убийство' создано Й. Аавиком по образцу германских языков - эсп. murdo 'убийство'.

фин. naula, диал. nakla 'гвоздь'. эстон. nael, 'гвоздь', диал. nagl, nagla 'то же' < герм., ср. др.-норв. nagl, др.-швед. naghle, др.-в.-нем. nagal 'гвоздь' - эсп. najlo 'гвоздь' (ср. также нем. Nagel 'то же').

фин. nuora, эстон. nõör 'верёвка' < сканд., ср. ср.-сканд. *snōrā-: др.-швед., норв. диал. snōr, др.-в.-герм. snuor - эсп. snuro 'верёвка, шнур' (ср. и нем. Schnur 'то же').

фин. punta, эстон. pund (род.п. punna) 'полпуда', лив. pūnda 'полпуда' < сканд., ср. др.-норв. pund 'полпуда' =

англ. pund 'полупуда', pound 'фунт' (< лат. pondo (аблатив): pondus 'вес'). Эстонское puud 'пуд' взято из русского языка (пуд = 16,3 кг), где, как и в финском punta, заимствование из скандинавских языков [7, 373] - эсп. pudo 'пуд'.

фин. ranta, эстон. rand 'берег, побережье' < герм., ср. с.-герм. *stranda, англ. strand, ср.-н.-герм. strant 'то же' - эсп. strando 'берег' (ср. также нем. Strand 'морской берег').

фин. rengas, эстон. rõngas 'кольцо, круг' < герм., ср. ср.-герм. (или ср.-сканд. *hrengaz: др.-норв. hringr 'кольцо, круг и т.д.' - эсп. ringo 'кольцо' (ср. также нем. Ring 'кольцо; кольцо; круг').

фин. rikas, эстон. rikas 'богатый' < герм., ср. норв. rik 'богатый, обильный', др.-швед. riker 'величественный, могучий; богатый; обильный; драгоценный' - эсп. rica 'богатый' (ср. также англ. rich и нем. reich 'то же').

фин. ruoste, эстон. rooste 'ржавчина' < герм., ср. швед. rost, ср.-н.-нем. rost, rust 'ржавчина' - эсп. rusto 'ржавчина', глагол rusti 'ржаветь' (ср. также нем. Rost 'то же', глагол rosten 'то же').

фин. saha 'пила', глагол sahata 'пилить', эстон. saag 'то же', глагол saagima 'то же' < герм., ср. др.-швед. *saw (мн.ч. *sawar), ср.-н.-нем. säge, saghe 'пила', sāgen 'пилить' - эсп. seg-ilo (-ilo - суффикс эсперанто) 'пила', глагол seg-i 'пилить' (ср. также нем. Säge 'то же', глагол sāgen 'то же').

фин. saippua 'мыло' < герм. (з.-герм. или ср.-сканд.) *saipō(n), ср. англосакс. sāpe (> англ. soap, др.-норв. sāpa и т.д.), ср.-н.-нем. seepa, эстон. seep 'мыло' - эсп. sapo 'мыло' (ср. также нем. Seife и лат. sāpo 'то же').

фин., эстон., вод. и др. sama 'такой же' < герм., ср. др.-норв. samr, (inn) sami 'такой же', гот. sama, др.-в.-нем. samo 'то же' - эсп. sama 'такой же' (ср. также рус. сам, который принадлежит к тому же лексическому семейству индоевропейских языков [7, 400]).

фин. satula, эстон. sadul 'седло' < герм. или сканд. *sadula-, ср. др.-норв. soðull, ср.-н.-нем. sadel - эсп. selo 'седло' (ср. также англ. saddle, нем. Sattel 'то же'). Фонетическая связь selo эсперанто с прибалтийско-финскими и германскими противопоставлениями может показаться на первый взгляд сомнительной. На этимологическую связь этих форм указывает лат. sella 'стул, сидение' < *sedula, производное от

глагола sedeo 'сидеть'. На основе латинского sella (ср. также ит. sella 'седло') и сформировано эсп. selo.

фин. siunata 'благословить', эстон. siunama 'проклинать' < герм., ср. швед. sihna 'перекреститься, 'благословить', др.-в.-нем. sēganon, нем. segnen 'благословить' (< лат. signare 'отмечать' и т.д.) - эсп. signo 'знак', глагол signi 'отметить' (ср. также ит. segno 'то же', глагол segnare 'то же').

фин. teuras 'убойный скот', эстон. tõbras 'стадный животный (коровка, бык)', вод. tõbraž 'лось' < ?герм. *tebraz, ср. др.-в.-нем. zēbar (zēbar) 'жертвенный скот' < герм. *tibraz. Возможно, что форма *tebras прибалтийско-финского языка-основы возникла контаминационным путем *tibraz + *teuras - эсп. tauro 'бык' (ср. также лат. taurus и ит. toro, поэтич. tauro 'то же').

фин. turve, эстон. turvas 'торф' < герм. (сканд.), др.-норв. torf 'торф, бутор', норв. torva 'торф' (< герм. turces, -as) - эсп. torfo 'торф' (ср. также нем. Torf 'то же').

фин. valas (kala), эстон. vaal, vaalaskala 'кит' < герм. (ср.-нем.) *hwalaz, ср. др.-норв. hvalr (мн.ч. hvalar), норв. val, нем. Walfisch 'то же' - эсп. baleno 'кит' (ср. также ит. balena и лат. balaena, ballaena, ballēna 'то же').

фин., карел., вод. viina, эстон. viin, вепс. vin < ср.-нем. (ср.-герм.) *wīna 'вино', ср. др.-швед., норв. vin, нем. Wein < лат. vīnum - эсп. vino 'вино'.

В прибалтийско-финских языках в числе старых заимствований из германских языков есть слова, которые сначала перешли от романцев к германцам и только потом попали в прибалтийские земли (фин. kupari, liina punta, siunata): В эсперанто эти слова введены непосредственно из латинского и романских языков (в основном из итальянского). Основную часть германских заимствований составляют слова, у которых отсутствуют соответствия в латинских и романских языках, и поэтому необходимо видеть источник параллелей в эсперанто из германских языков. Германские заимствования в прибалтийско-финских языках указывают, насколько ниже был культурный уровень древних финно-угорских племен по сравнению с германцами, которые благодаря своему выгодному местоположению оказались под влиянием культурных центров Средиземного моря.

Контакт со с л а в я н а м и (сначала с западными славянами) возник у прибалтийско-финских народов только после соприкосновения с древними балтийскими и германскими племенами. Именно поэтому связи здесь оказались наиболее прочными,

и приток русских заимствований, особенно в восточные прибалтийско-финские языки, продолжается до наших дней. В дальнейшем будем опираться на исследование Й. Калима "Slaavilaisperäinen sanastomme" ("Наш славянский словарный состав") [20], в котором рядом со старыми заимствованиями даны и новые (напр., фин. koreekka, tupla, remeli и т.д.). Представим к ним лексические параллели из эсперанто:

карел. (липиковский диал.) iataž, d'ataž. (ливвиковский диал.) jatuasu 'этаж дома' < рус. этаж (этаж) 'то же' - эсп. etažo 'этаж'.

фин. диал. kaasu, vaassa и т.д. 'квас', карел. voasa, voassa, вепс. kvaš, vaš 'то же' < рус. kvas (квас) - эсп. kvaso 'квас'.

фин. kalsu 'портянки', кар. kalžu, вепс. kaužud 'то же' kalžud 'короткие брюки (шорты)' < рус. колоша (колоша) - эсп. kalsono 'кальсоны'.

фин. koreekka, карел. koreikka, эстон. kopikas 'копейка' < рус. копейка (копейка) - эсп. kopeko 'копейка'.

эстон., ливск., вод. lina 'лён' ? < рус. лён (лён), др.-рус. лѣнѣ или < балт., ср. литов. linai, латыш. lini 'лён'. С длинным гласным фин. liina считается германским заимствованием (см. выше) - эсп. lino 'лён' (ср. также лат. linum, ит. lino 'то же').

вепс. luna: lunad vātas 'сплохои сияния' < рус. луна (луна) - эсп. luno 'луна' (ср. также лат. luna 'то же').

фин. pakana, карел. pagana, эстон. pagap 'язычник, дьявол', вод. pakana 'сатана, чёрт' < рус. поганы́ (поганы) 'языческий; непригодный к еде' - эсп. pagano 'язычник' (ср. также лат. paganus 'сельчанин', ит. pagano 'язычник').

фин., карел., вод. parpi, эстон. parp, ливск. pār 'поп, пастор' < рус. поп (поп) - эсп. poro 'пастор'.

фин. paru, вепс. babu 'боб' < рус. боб (боб) - эсп. fabo 'боб' (ср. также лат. faba 'то же'). Лексическими параллелями с эсперанто можно считать и эстон. uba, вод. upa 'бобы', но они заимствования не славянские, а балтийские.

фин. parta, карел. parda, вепс. bard, эстон. pard 'борода' ? < рус. борода (борода) или < балт., ср. литов. barada, латыш. barda, др.-прус. bordus 'борода' - эсп. barbo 'борода' (ср. также лат., ит. barba 'то же').

фин., эстон. putka 'будка' < рус. будка (будка), производное с суффиксом -ка от слова buda [7, 60] - эсп. bude 'будка' (ср. также нем. Bude 'будка, рыночный киоск'). Зато

фин. puoti, эстон. puod 'магазин' заимствованы из германских языков, ср. др.-норв. būð, ср.-в.-нем. buode, ср.-н.-нем. būde 'то же'.

эстон. puud 'пуд' < рус. пуд (пуд) - исп. pudo 'пуд'. См. и выше фин. punta и др.

фин. raamattu 'библия', эстон. raamat 'книга' < др.-рус. gramata (грамата), рус. grámota (грамота) 'документ, письмо' - исп. gramatiko 'грамматика' (ср. лат. grammatica < греч. grammatikē).

фин. remeli, remeni 'ремень' < рус. remén (ремень) 'то же' - исп. rimeno 'ремень'. Ср. выше фин. rihma и др., которые балтийского происхождения.

фин. диал. rento, renta 'отношение, связь' ? < слав., ср. рус. ряд (ряд) 'ряд; порядок' - ? исп. rando 'край' (ср. также нем. Rand 'то же').

карел. reädi 'ряд' < рус. ряд (ряд). См. вышеназванное. карел. riepo 'напиток из репы', вепс. repoi 'квас из репы' < рус. репа (репа) - исп. rapo 'репа' (ср. также лат. Brassica rapa и ит. rapa 'то же').

фин. risti, эстон. rist 'крест' < др.-рус. krístъ (кръсть), рус. krest (крест) - исп. krucó 'крест' (ср. также лат. crux; crucis, нем. Kreuz 'то же').

фин. rupla, эстон. rubla < рус. rubl (рубль), уже в грамотах XII века, производное от глагола др.-рус. рубити (рус. рубить) [7, 394] - исп. rublo 'рубль'.

фин. диал. saarukka, карел. šoarpa, вепс. sapag, вод. šarka 'шапка' < рус. šarka (шапка) - исп. šapo 'шапка'; русский суффикс -ка не используется; так образовался šapo фонетически ближе слову kapo 'голова'.

карел. soahari, soahkara, вод. sāhari 'сахар' рус. sacnar (сахар) - исп. sukero 'сахар' (ср. также лат. saccharum, нем. Zucker 'то же').

фин. диал. sulkku, карел. sulkku, вепс. sūk < sulk, вод. šolkka 'шёлк' < рус. šolk (шёлк) - исп. silko 'шёлк'.

карел. šuovatta, suobatte, вепс. sobat 'суббота' < рус. subbóta (суббота) - исп. sabato 'суббота' (ср. также нем. Gabbat и евр. schabbes 'шабат' < др.-евр. sabbāth).

фин. virsta, эстон. verst 'верста' < рус. versta (верста), происходит от глагола вертеть [7, 75] - исп. versto.

Следует отметить, что такие церковные термины, как фин. pakana, parpi, raamattu и risti, для которых существуют лексические параллели в эсперанто, получены от славян до того,

как немецкие рыцари вторглись в пределы прибалтийско-финских земель (XIII век).

В ряду перечисленных балтийских, германских и славянских заимствований есть такие, которые первоначально не принадлежали этим языкам, а в свою очередь, получены извне. Выше мы упомянули латинские заимствования типа фин. kupari, liina, puuta, siunata, которые попали в прибалтийско-финские языки посредством германцев. У германцев заимствовали их и славяне; последние, в свою очередь, поменялись несколькими словами с прибалтийско-финскими народами; с параллелями в эсперанто это такие, например, слова, как фин. putka и эстон. puud. Все данные слова являются культурными терминами международного значения, поэтому поиск параллелей в эсперанто со старыми заимствованиями из финно-угорских языков оправдан.

Число заимствований из русского языка увеличивается в восточных финно-угорских языках (волжские, пермские и обско-угорские языки), и поэтому, очевидно, что при детальном рассмотрении словарного состава можно найти параллели к словам из эсперанто, которые непосредственно созданы по образцу русского языка и там. Назовём некоторые: banejo 'баня' и bani 'купать в ванне' - ср. баня, boto 'сапог' - ср. ботинки, braceleto - ср. браслет, brava - ср. бравый, ĉero - ср. цепь, ĝvardio - ср. гвардия, kaĉo - ср. каша, krom - ср. кроме, leva - ср. левый, nepre - ср. непременно, palto - ср. пальто, pasporto - ср. паспорт, peruko - ср. парик, ср. нем. Perücke, po - ср. по, prava 'правильный' - право, preni 'брать' - ср. принять, pri 'о' - ср. при, roso - ср. роса, roto - ср. рота, samovaro - ср. самовар, stuki - ср. штукатурить, svati 'свататься' - ср. сват, vosto - ср. хвост.

Данное утверждение при проверке материалом коми языка дает несколько параллелей в эсперанто:

коми baŋa 'баня' - эсп. banejo, kaŝa 'каша' - kaĉo, tser 'цель' - ĉero, pasport 'паспорт' - pasporto, pravo 'право' - prava 'прав', primitny 'брать' - preni, rosa 'роса' - roso, rota 'рота' - roto, stukaturitny 'штукатурить' - stuki, svat 'сват' - svati. Но также в прибалтийско-финских языках имеются свои соответствия: фин. paltto, эстон. palitu 'пальто' - palto, фин. perukki, эстон. parukas - peruko, вепс. svad'ib (ср. рус. свадьба) 'свадьба' - svati 'сватать'.

Намного большим источником, чем русский язык, для литературных прибалтийско-финских языков (эстонского и финс-

кого) были германские языки (немецкий и шведский), в меньшей степени, судя по письменным источникам, другие западноевропейские языки (французский, итальянский), посредством которых попали в употребление корни слов из аитичных языков. Количество последних в эсперанто велико. Отсюда простой вывод: чем научнее текст, к примеру, на эстонском или на финском языке, тем больше общего в словарном составе этих языков с эсперанто. Приведём сопоставления с эстонским языком из области лингвистики [26]: эсп. lingvistiko - эстон. lingvistika, fonetiko - foneetika, fonologio - fonoloogia, fonemo - foneem, alofono - allofoon, artikulado - artikulatsioon, segmento - segment, vokalo - vokaal, konsonanto - konsonant, kombino - kombinatsioon, speciala - spetsiaalne, diferenco - diferents, akcento - aktsent, labialo - labiaal, frikativo - frikativ, nazalo - nasaal, ortografio - ortograafia, simbolo - sümbol, fleksio - fleksioon, tendenco - tendents, absoluta - absoluutne, aglutinado - aglutinatsioon, pronomo - pronomoen, morfemo - morfeem, variante - variant, afikso - afiks, sintakso - süntaks, tipologio - tüpoloogia, subjekto - subjekt, predikato - predikaat, verbo - verb, kopulo - koopula, ergativa - ergativne, kazo - kaasus, nominativo - nominatiiv, genitivo - genitiiv, akuzativo - akusatiiv, prepozicio - prepositsioon, postpozicio - postpositsioon, sintagmo - süntagma, frazo - fraas, frazstrukturo - fraasisstruktuur, leksiko - leksika, semantiko - semantika, sinonimo - sünonüüm, slango - släng и т.д. Такое же положение и в других областях науки, которые в наиболее развитых языках мира (и в эсперанто) полны интернациональных слов. Финно-угорские языки не составляют исключения, хотя наряду с иностранными терминами имеется и терминология, созданная на базе своих (эстонского и финского) языков, которую используют по необходимости (в популярных изданиях).

Большая часть словарного состава эсперанто такова, что искать параллели в финно-угорских языках было бы пустой тратой времени. Между выше упомянутыми старыми заимствованиями и модным международным научным языком помещаются некоторые слова, у которых в эстонском и других прибалтийско-финских языках есть параллели с эсперанто. Мы имеем в виду сравнительно поздние, в основном пришедшие с запада, заимствования или слова международного распространения. В отличие от старых заимствований, их написание близко эсперанто, а иногда, если отбросить показатель -o (присущий именам существитель-

ным), и совпадает. Абсолютные совпадения встречаются, крайне редко, например: эстон. konto 'конто' - эсп. konto, эстон. silo 'силос' - эсп. silo, фин., эстон. sama 'тот же самый' - эсп. sama.

Сгруппируем примеры эстонского языка и эсперанто по письменному различию:

1) Различие по показателю -о эсперанто или по другому суффиксу: эстон. bambus 'бамбук' - эсп. bambuco, bankett 'банк' - bankedo, piibel 'библия' - biblio, biison 'бизон' - bizono, briljant 'бриллиант' - brilianto, bukett 'букет' - bukedo, bulvar 'бульвар' - bulvardo, daatum 'дата' - dato, departemang 'департамент' - departemento, detail 'деталь' - detalo, detsember 'декабрь' - decembro, deviis 'девиз' - devizo, diagnoos 'диагноз' - diagnozo, diktor 'диктор' - diktero, diviis 'дивизия' - divizo, faas 'фаза' - fazo, faasan 'фазан' - fazano, fabrikaat 'фабрикат' - fabrikaĵo, fantaasia 'фантазия' - fantazio, farmer 'фермер' - farmisto, fassong 'фасон' - fasono, freesima 'фрезеровать' - frezi, friseerima 'фризурить' - frizi, garaaz 'гараж' - garaĝo, garanteerima 'гарантировать' - garanti, generatsioon 'генерация' - generacio, glasuur 'глазурь' - glazurd, grimass 'гримасса' - grimaco, honorar 'гонорар' - honorario, kahhel 'кафель' - kahelo, kai 'кай' - kajo, kassa 'касса' - kaso, kastreerima 'кастрировать' - kastri, katarakt 'катаракта' - katarakto, kavern 'каверна' - kaverno, klaar 'ясно' - klara, kollekteerima 'собирать' - kolekti, konserveerima 'консервировать' - konservi, konstantne 'константный' - konstanta, konstrueerima 'конструировать' - konstrui, korrespondeerima 'корреспондировать' - korespondi, korpulentne 'корпулентный' - korpulent, kraan 'кран' - krano, krabi 'краб' - krabo, kramp 'дверной крюк' - krampo, kreem 'крем' - krema, kriis 'кризис' - krizo, kringel 'крендель' - kringo, kroon 'корона' - krono, kupong 'купон' - kupono, kursus 'курс' - kurso, (kuul)laager 'подшипник' - lagro, lakei 'лакей, слуга' - lakeo, latt 'лест, ~~лест~~' - lato, laube 'беседка' - laubo, minister 'министр' - ministro, onkel 'дядя' - onklo, park 'парк' - parko, partii 'партия' - partio, partisan 'партизан' - partizano, pasta 'паста' - pasto, pastor 'пастор' - pastoro, paus 'пауза' - paŭzo, pension 'пенсия' - pensio, piip 'трубка' - pipo, praam 'паром' - pramo, prints 'принц' - princo, rass 'раса' - raso, renessanss 'ренессанс' - renesanco, reserv 'резерв' - rezervo, revolutsionäär 'революционер' - revoluciulo, riis 'рис' - rizo.

sokkel 'цокол' - soklo, supp 'суп' - supo, talje 'талия' - talio, tass 'чашка' - taso, teater 'театр' - teatro, tees 'теза' - tezo и т.п.

2) Различие и в самой основе слова: а) в согласном, б) в гласном или в) в обоих; гласные ä, ë, ü в эсперанто отсутствуют; им соответствует какой-либо другой звук:

а) Различие в согласном: dissertatsioön 'диссертация' - disertacio, jaht 'яхта' - jakto, kaless 'коляска' - kalešo, kapriis 'каприз' - kaprico, kapuuts 'капюшон' - kapuŝo, kutajon 'залог' - kaŭcio, kelder 'подвал' - kelo, korv 'корзина' - korbo, kurv 'поворот' - kurbo, kruus 'кружка' - kruŝo, kuul 'пуля' - kuglo, kurss 'денежный курс' - kurzo, lava 'сцена' - lafo, loovima 'лавировать (на воде)' - lofi, muhv 'муфта' - mufo, ohver 'жертва' - ofero, paabu(lind) 'павлин' - pavo, parkett 'паркет' - pargeto, pastell 'пастель' - paŝtelo, rant 'край' - rando, ribi 'ребро' - ripo, rood 'рота' - roto, sohva 'софа' - sofo и др.

б) Различие в гласном: defekt 'дефект' - difekto, definierima 'определять' - difini, džungel 'джунгли' - ĝangalo, dünamilit 'динамит' - dinamito, dünamo 'динама' - dinamo, flööt 'флейта' - fluto, följeton 'фельетон' - feliĉetono, fiziika 'физика' - fiziko, glütseriin 'глицерин' - glicerino, gondel 'гандола' - gondolo, gravüür 'гравюра' - gravuraĵo, gümnaasium 'гимназия' - gimnazio, karabiin 'карабин' - kara-beno, kavaler 'кавалер' - kavaliro, koks 'кокс' - koakso, kook 'пирожное' - kuko, kriit 'мел' - kreto, kukk 'петух' - koko, kummut 'комод' - komado, kuppel 'купол' - kupolo, lakuma 'лизать' - leki, leitnant 'лейтенант' - leutenanto, maestro 'маэстро' - majstro, möbel 'мебель' - meblo, münt 'монета' - mento, rappel 'тополь' - poplo, number 'номер' - nombro, nüans 'нюанс' - nuanco, parun 'барон' - barono, patrull 'патруль' - patrolo, pendel 'маятник' - pendolo, püistol 'пистолет' - pistolo, poleerima 'полировать' - poluri, resümee 'резюме' - rezumo, režissör 'режиссёр' - reĝisoro, rott 'крыса' - rato, streik 'забастовка' - striko, vagun 'вагон' - vagono, värnits 'олифа' - vernizo, värss 'строфа' - verso, värbama 'вербовать' - varbi и т.д.

в) Различие в согласном и гласном: kammima 'расчёсывать' - kombi, kardin 'штора, гардины' - kurteno, karniis 'карниз' - kornico, kasarm 'казарма' - kazerno, liköör 'ликёр' - likvoro, ohvitser 'офицер' - oficiro, pigi 'вар, смола' - peŝo (см. нем. Pech, ит. pece) и т.д.

3) В начале слова какой-либо другой согласный или сочетание согласных: kool 'школа' - skolo, kraad 'градус' - grado, kraapima 'скрести' - skravi, krahv 'граф' - grafo, lima 'слизь' - slimo, link 'ручка' - klinko, luis 'шлиз' - kluzo, matsutama 'чаквать' - smaci, minkima 'подкрашивать' - sminki, palkon 'балкон' - balkono, banderoll 'бандероль' - banderolo, pomm 'бомба' - pombo, puur 'сверло, буров' - boro, sall 'шарф' - salc, sarm 'шарм' - sarmo, sebra 'зебра' - zebro, seeder 'кедр' - cedro, silt 'вывеска' - sildo, sindel 'тесина, гонт' - sindc, sinel 'шинель' - sinelo, sink 'вечина' - sinko, sirkel 'циркуль' - cirkelo, vabrik 'фабрика' - fabriko и т.д.

Перечисленные буквенно-звуковые различия присущи лексике и других прибалтийско-финских языков и эсперанто. В более ранних заимствованиях избегается два согласных в начале слова (lima, minkima), звонкие g, b, d заменены глухими k, p, t (palkon), несоответствующие фонетической системе ä, z, z заменены на g, также f на v (sall, vabrik). В эсперанто отражаются формы исходного языка лучше (ср. salc - нем. Schal, fabriko - нем. Fabrik). Известная закономерность проявляется и в эстонских (resp. прибалтийско-финских) ä, õ, ü параллелях с эсперанто, где в большей степени ориентация на русский язык. Ср. для первого слога соотношение ü - i - и: füüsika - fiziko - физика, gümnaasium - gimnazio - гимназия (но в последующих слогах соотношение ü - u - у: gravüür - gravurajo - гравюра, resümee - resumo - резюме). Сходное с русским языком и соотношение öö - e, o - е, ө, напр. mööbel - meblo - мебель и režissöör - reĝisoro - режиссёр и др.

Более глубокое изучение параллелей словарного состава финно-угорских языков и эсперанто предполагает выяснение и других фонетических признаков в пределах всего словарного состава, желательно это делать для каждой языковой группы отдельно. Семантические сравнения должны опираться на большой словарь эсперанто "Plena ilustrita vortaro", материал которого для настоящей статьи использовать не было возможности. Это могло бы стать основой для выяснения других параллелей, число которых в древних финно-угорских языках велико (в финском, эстонском, венгерском). Объектом детального изучения уже была полисемия эсперанто и немецкого языка, соответствие суффиксов и префиксов или их различие и т.д. [II, 380 - 399], но исследования такого типа были бы необходимы и для финно-угорских языков. От них несомненная польза и самому исследователю, потому что эсперанто, безусловно, является свое-

образным мостом для расширения кругозора не только в проблемах интерлингвистики, но и в различных областях общего языкознания.

СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

авест. = авестийский, англ. = английский, англосакс. = англосаксонский, арийск. = арийский, армян. = армянский, балт. = балтийский, вахан. = ваханский, венгер. = венгерский, вепс. = вепсский, вод. = водский, герм. = германский, гот. = готский, греч. = греческий, др.-в.-нем. = древневерхненемецкий, др.-дат. = древнедатский, др.-евр. = древнееврейский, др.-инд. = древнеиндийский, др.-литов. = древнелитовский, др.-н. нем. = древненижненемецкий, др.-норв. = древненорвежский, др.-осет. = древнеосетинский, др.-перм. = древнепермский, др.-перс. = древнеперсидский, др.-прус. = древнепруссский, др.-рус. = древнерусский, др.-швед. = древнешведский, евр. = еврейский, з.-герм. = западногерманский, и.-е. = индоевропейский, иран. = иранский, ит. = итальянский, карел. = карельский, курд. = курдский, лат. = латинский, латыш. = латышский, ливск. = ливский, литов. = литовский, мар. = марийский, мокшан. = мокшанский, мордов. = мордовский, нем. = немецкий, н.-нем. = нижненемецкий, норв. = норвежский, н.-перс. = новоперсидский, осет. = осетинский, прабалт. = прабалтийский, праиран. = праиранский, праперм. = прапермский, предарийск. = предарийский, рус. = русский, саам. = саамский, с.-герм. = северогерманский, сканд. = скандинавский, слав. = славянский, ср.-в.-нем. = средневерхненемецкий, ср.-герм. = среднегерманский, ср.-иран. = среднеиранский, ср.-лат. = среднелатинский, ср.-нем. = средненемецкий, ср.-н.-нем. = средненижненемецкий, ср.-сканд. = среднескандинавский, удмурт. = удмуртский, ур. = уральский, ф.-волж. = финноволжский, фин. = финский, франц. = французский, ф.-у. = финно-угорский, швед. = шведский, эрз-язн. = эрзянский, эсп. = эсперанто, эстон. = эстонский.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Алвре П.Ю. Типологические параллели финно-угорских языков и эсперанто. - In: Interlinguistica Tartuensisa 4. Вопросы общей и частной интерлингвистики (УЗ Тарту ГУ. Вып. 775). Тарту, 1987.
2. Аристе П.А. О балтийских заимствованиях в финно-угорских языках. - В кн.: Вопросы марийского языкознания, вып. 3. Йошкар-Ола, 1973.
3. Аристе П.А. Прибалтийско-финские и иранские контакты. - In: Fenno-ugristica 5. Грамматический строй уральских языков. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 456). Тарту, 1978.
4. Гордеев Ф.И. Историческое развитие лексики марийского языка. - Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1985.
5. Лексикология современных мордовских языков. Учебное пособие. Под ред. проф. Д.В. Цыганкина. - Саранск, 1983.
6. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. - М.: Наука, 1970.
7. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Просвещение, 1971.
8. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I - III. - Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967 - 1976.
9. Ariste P. Keelekontaktid. Eesti keele kontakte teiste keeltega. - Tln.: Valgus, 1981.
10. Ariste P. Slaavlaste ja läänemeresoomlaste vanimaist keeltest kokkupuuteist. - In: Looming, Tln., 1952.
11. Blanke D. Konfronta lingvistika komparo de etnolingvo. Kel kaj problemoj de la vortfarado de la germana lingvo kaj de Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest, 1980.
12. Collinder B. Die indouralische Sprachvergleichung und die Laryngaltheorie. - In: Die Sprache, Bd. XIII, Wien, 1967, H. 42.
13. Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. - In: Acta Universitatis Upsaliensis. Nova series 1 : 4. Uppsala, 1965.

14. Collinder B. Indo-uralisches Sprachgut. - In: Uppsala Universitets Årsskrift 1934. Filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper I. Uppsala, 1934.
15. Collinder B. Zur indo-uralischen Frage. - In: Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala Förhandlingar 1952-1954. Uppsala, 1954.
16. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. - Keuruu, 1968.
17. Joki A.J. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 151). - Helsinki, 1973.
18. Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXIX). - Helsingfors, 1911.
19. Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 202). - Helsinki, 1936.
20. Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 213). Helsinki, 1952.
21. Mikkola J.J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXXV). - Helsinki, 1938.
22. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I - VII. - Helsinki, 1955-1981.
23. Thomsen V. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) sprog. - København, 1890.
24. Thomsen V. Den gotiske sprogklasses indflydelse på den finske. En sproghistorisk undersøgelse. - København, 1869.
25. Thomsen V. Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. - Halle, 1870.
26. Wells J.C. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam; UEA, Centro de esploro kaj dokumentado, 1978.

EINIGE LEXIKALISCHE PARALLELEN DER FINNISCH- UGRISCHEN SPRACHEN UND DES ESPERANTO

Paul A l v r e

Die mit dem Esperanto gleichstämmigen Wörter sind zu verschiedenen Zeiten als Entlehnungen in die finnisch-ugrischen Sprachen gekommen. Die Älteste Schicht bilden indo-iranische Entlehnungen (finnisch orpo, estnisch orb 'Waise' - Esperanto orfo, ungarisch vásár 'Markt' - Esperanto bazaro u.a.). Der Älteste mit dem Esperanto gemeinsame Wortschatz der finnisch-ugrischen Sprachen gehört zu baltischen (finnisch hirvi, estnisch hirm 'Hirsch' - Esperanto cervo, finnisch siemen, estnisch seeme 'Samen' - Esperanto semo u.a.), germanischen (finnisch liina 'Lein' - Esperanto lino, finnisch naula, estnisch nael 'Nagel' - Esperanto najlo u.a.) oder slawischen (finnisch papu 'Bohne' - Esperanto fabo, finnisch risti, estnisch rist 'Kreuz' - Esperanto kruco u.a.) Entlehnungen. Spätere, aus verschiedenen Sprachen gekommene Entlehnungen und auch internationale Termini stehen lautlich dem Esperanto nahe, manchmal decken sie sich sogar (estnisch konto 'Konto' - Esperanto konto, estnisch vabrik 'Fabrik' - Esperanto fabriko, estnisch poleerima 'polieren' - Esperanto poluri u.a.).

LEKSIKAJ PARALELOJ DE FINNOUGRAJ LINGVOJ KAJ ESPERANTO

Paul A l v r e

En la kvara volumo de "Interlinguistica Tartuensis" (1987) estis publikigita la unua artikolo de la aŭtoro "Tipologiaj paraleloj de finnougraj lingvoj kaj Esperanto", en kiu estis analizitaj fonetikaj, fonologiaj kaj gramatikaj aspektoj. La muna artikolo daŭrigas la temon. Surbaze de la indoeŭropa kaj fimougra komuna vortaro evidentiĝas leksikaj paraleloj en Esperanto. Estas esploritaj ne nur indoeŭropaj prunteprenoj en finnougraj lingvoj, sed ankaŭ internaciaj vortoj karakteraj por nia moderna vivo kun precipa atento al situacio en la estona lingvo. Laŭ la aŭtoro, tipologiaj esploroj de la vortaro de Esperanto estas necesaj kaj havas teorian signifon por lingvoscienco kaj interlingvistiko precipe.

ВКЛАД РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКУ ЭСПЕРАНТО

Б.Г. Колкер

1. ФОРМИРОВАНИЕ И ОБОГАЩЕНИЕ ЭСПЕРАНТСКОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. Особенности эсперантской лексики

Будучи плановым языком апостериорного автономного типа, эсперанто заимствует из своих языков-источников не слова, а морфемы. Таким образом, словарь языка сводится к морфемному лексикону. Минимизация словаря компенсируется разветвленностью автономного словообразования, которое позволяет за счет комбинаторики образовывать большое число производных слов, в том числе не имеющих аналогов в национальных языках. Например, на открытии конгресса Всемирной молодежной организации эсперантистов (TEJO) в Бельгии в 1982 г. президент этой организации во вступительной речи на эсперанто среди важных проблем упомянул *tutmondiĝo* (de TEJO). Переводчик, переводивший на фламандский язык, запнулся и, немного подумав, перевел перифразой. На русский язык это слово можно перевести ближе всего перифразой "становление всемирности" "TEJO" ибо слова "всемирнизация" в русском языке нет, а "интернационализация" имеет другое значение.

Особенностью эсперантских морфем является их формальная и семантическая стандартность. Ниже мы будем рассматривать только корневые морфемы и непроеводные слова.

Эсперантская лексика базируется либо на принадлежности к индоевропейскому корнеслову (*vidi, eidi, pova*), либо на заимствовании из одного источника (*brava, bazago*). Основными языками-источниками эсперанто является французский, английский, немецкий и русский, поскольку они являются источниками интернационального фонда. Неосновные языки-источники - латинский, итальянский, древнегреческий и польский. Образцом эсперантского слова будем считать слово языка-источника, близкое ему по форме и семантике. В большинстве случаев образцами являются интернациональные слова, общие всем основным языкам-источникам, причем при формировании эсперантской

лексики первоначально отдавалось предпочтение форме, наиболее близкой к форме русского слова. Последнее обстоятельство используется в методике обучения языку эсперанто носителей русского языка [8]. Иными словами, эсперантское слово является инвариантом образцов, варьирующих по форме и семантике. В ряде случаев принцип интернациональности не соблюдался либо из-за отсутствия полного интернационализма для какого-либо понятия, либо по другим причинам. Тогда образцами являются либо формы, существующие в нескольких языках, либо формы, существующие лишь в одном языке.

Образец, максимально близкий по форме и семантике к эсперантской морфеме, назовем прямым, а имеющий отклонения по сравнению с прямым образцом, назовем опорным. Образец в виде свободного корня, полностью оовпадающий с эсперантской морфемой по форме и семантике, назовем идеальным. Так, для эсперантского слова *klarneto* прямым образцом является русское слово "кларнет", т.к. франц. *clarinette*, англ. *clarinet* и немец. *Klarinette* стоят дальше от прямого образца по форме. Они являются опорными образцами. Прямым образцом слова *domo* "дом, здание" является рус. "дом", ибо латин. *domus* означает "дом, жилище, семейный очаг" и соответствует эсперантскому *hejao*, а немец. *Dom* означает "собор". Латинское и немецкое слова являются прямыми образцами с семантическим сдвигом. Идеальным прямым образцом слова *tri* является рус. "три", потому что соответствующее сочетание встречается в романских и германских языках лишь как связанный элемент, а не как свободный корень.

Форма эсперантского корня иногда не совпадает ни с одной из форм языков-источников. Такие небольшие модификации производились по разным причинам:

- для приспособления к графической и/или фонетической форме образца или к системе эсперанто: *etaĝo* "этаж", *alkoholo* "алкоголь", *kirurgo* "хирург", *avenue* "авеню", *muziko* "музыка", *ŝanco* "шанс", *ŝoforo* "шофер", *vi* "вы";

- при использовании одного образца для создания нескольких слов с различной семантикой: *pezi* "весить", *pezi* "взвешивать";

- для исключения деглитинации, возможной при совпадении формы эсперантского аффикса с частью формы корня: *cigareto* "сигарета", т.к. *ciger-eto* означает "маленькая сигара";

- для медиализации, т.е. создания усредненной формы, когда формы в языках-источниках разнятся: *etablo* от франц.

établi и рус. "станок".

- для создания априористических форм по аналогии со словами языков-источников, например, коррелятивных местоимений и местоименных наречий по модели русских и др.;

- для укорочения формы корня: *perpe* от "непреренно"; сюда же относится усечение слов на *-tion* по образцу русского языка: *nacio* вм. *naciono*, *funkcio* вм. *funkciono* (как в идо), *administracio* вм. *adminiatration* (как в натуралистических плановых языках).

Единственной попыткой создать этимологический словарь эсперанто является "Девятиязычный этимологический лексикон" Л.Бастьена [11]. Но это не столько этимологический словарь, сколько сопоставительный многоязычный словарь. О.Бак ставит вопрос о создании этимологического словаря эсперанто, который был бы аналогичен той части этимологических словарей этнических языков, в которой трактуется этимология слов заимствованных или изобретенных [10, 267].

В связи с кодификационной деятельностью эсперантская лексика делится на официальную и неофициальную. К официальной лексике относятся морфемы и слова, находящиеся в "Универсальном словаре" [29] (это т.н. "фундаментальная лексика") и в восьми "Официальных прибавлениях" Академии эсперанто. Официальная лексика аналогична исконным словам этнических языков. Некодифицированная лексика называется неофициальной. В настоящее время, однако, словоупотребление ориентируется не столько на "Универсальный словарь" и на пометки о кодификации в словарях, сколько на современные авторитетные словари, напр. [1; 9; 22б; 23]. В "Полном иллюстрированном словаре эсперанто" [22а] около двух третей зарегистрированных слов являются неофициальными.

1.2. Русская лексика в первых основных словарях эсперанто

Первый морфемный лексикон эсперанто появился в 1887 г. в виде вкладного листа с эсперанто-русским словариком в т.н. "Первой книге" [5]. Он состоял из 918 морфем, из них 868 корневых. Уже в нем автор эсперанто Л. Заменгоф заложил идею эволюции языка: "Я, опубликовав мою первую книгу об эсперанто, решил отказаться от слишком большого словаря и слишком обильного набора аффиксов, которые я подготовил теоретически, и решил опубликовать словарик только очень маленький и только самый необходимый для повседневной жизни,

оставив все остальное свободной постепенной выработке" [27, kaj. 9, 261]. В этом словаре очень мало полностью интернациональных морфем, ибо они подразумевались потенциальными морфемами эсперанто. Количество морфем, взятых непосредственно из русского языка, составляет 9, т.е. 1 %; *ban-, cel-, ĉar-, dom-, po, prav-, pri, tri, vost-*.

В начале 1889 г. Заменгоф выпустил т.н. "Полный русско-эсперантский словарь" [6]. Это было значительным прогрессом в обогащении лексики: для перевода 10500 русских заглавных словозлементов в нем использованы 3097 морфем (морфемный лексикон увеличился более чем в три раза). Словарь содержит очень много интернациональных слов, а также ряд слов, обозначающих реалии России: *arĝino, baranko, barĉo, desatino, gubernio, hajduko, hetmano, ĵeeaulo, kalaĉo, kopeko, kozako, kremlo, kumieo, murzo, pudo, rublo, ruseo, saĵko, ŝamovaro, ŝarafano, ŝevrugo, urjadrniko, vojevodo, verŝoko, ŝolotniko*. Кроме того, в словаре содержится много производных и сложных слов, при создании которых Заменгоф применил на практике принципы эсперантского словообразования. Большинство производных слов были кальками с русских. Часть из них не привидась. Большинство корневых слов было в дальнейшем постепенно кодифицировано, но довольно многие остаются неофициальными до сих пор. Первый большой эсперантский словарь был издан именно для русских, поскольку в то время большинство adeptов нового языка проживало в России. За рубежом этот словарь оставался почти неизвестным вплоть до последних лет, когда по нему были опубликованы исследования [17; 19; 20; 24, 127-131].

В 1889 г. Заменгоф выпустил "Средний эсперанто-немецкий словарь" [28], который содержит 2616 морфем. Заменгоф подготовил к изданию такой же эсперанто-русский словарь [27, kaj. 3, 64-65, 262]. Но вместо него он издал в 1893 г. "Универсальный словарь" с переводами на французский, английский, немецкий, русский и польский языки [29], за основу которого был взят "Средний эсперанто-немецкий словарь". Этому словарю было уготовлена особая судьба, поскольку он вошел составной частью в "Основы эсперанто", вышедшие в 1905 г. и в том же году кодифицированные 1-ым Всемирным конгрессом эсперантистов [26, 139-232]. "Универсальный словарь" содержит также 2616 морфем, из них 2566 корневых (произведены небольшие изменения по сравнению со "Средним словарем"). В него вошло большинство морфем из "Полного русско-эсперантского слова-

ря". Исключено около 500 морфем; почти все они интернациональные, а некоторые обозначают реалии России (см. выше). Словарь был задуман как собрание общеупотребительной лексики. Но этой задаче он удовлетворял не полностью. Во-первых, среди исключенных интернациональных морфем было немало общеупотребительных. Во-вторых, в нем содержатся морфемы, не имеющие общеупотребительного характера, напр.: *pipa*- "ти-пун", *salpetr*- "селитра", *eelakt*- "сыворотка", *eilvi*- "малиновка", *šind*- "гонт, дранка", *etip*- "ковыль", *taban*- "слепень".

Д.Грегор провел статистическое обследование вклада каждого языка-источника и каждой группы языков в "Универсальный словарь". К сожалению, во многих случаях он не учел русские образцы эсперантских морфем, напр.: *frukt*-, *lun*-, *kokluš*-, *gov*-, *šar*-, *fortepian*-. Поэтому мы не можем привести его данные. Страдают неполнотой и его списки морфем, восходящих непосредственно к русскому и польскому языкам. Эти же неполные списки повторяет М. Дюк Гониная [16].

Приведем наш список корневых морфем "Универсального словаря", восходящих непосредственно к русскому (и частично к польскому, что специально не оговаривается) языку. Некоторые из слов, послуживших образцами, русский язык сам заимствовал из других языков. Принцип отбора пояснен выше. В список входит 41 морфема: *ban*- "купаться" (от "баня"), *bant*-, *barakt*- "барахтаться", *barč* "борщ", *brov*-, *bulk*-, *eel*- "цель", *šar*- "шапка", *šerp*- "черпать", *deŝor*- "дежурить", *dom*-, *funt*-, *glad*- "гладить (утюгом)", *groš*-, *kaš*- "каша", *kartav*-, *klar-net*-, *klorod*- "хлопотать", *kolbas*-, *kran*-, *kren*- "хрен", *krom* "кроме", *krut*- "крутой", *lod*- "лот (мера веса)", *мас*- "маца", *nepr*- "непременно", *nu*, *palet*- "палитра", *pašt*- "пасти", *plot*- "плотва", *plug*-, *po* "по", *prav*- "прав(ый)", *pri* "о" (медиализация форм "при" и "про"), *step*-, *sterled*- "стерлядь", *etof*- "штоф", *svat*-, *tri*, *verst*-, *vost*- "хвост". Поскольку словарь содержит 2566 корневых морфем, непосредственно вклад русского языка составляет 1,6%. Кроме того, русский язык является одним из источников многих других морфем.

1.3. Обогащение лексики

Первые эсперантские авторы располагали очень ограниченным морфемным лексиконом. Они проявили большую изобретатель-

ность в образовании производных и сложных слов, не только копируя слова из этнических языков, но и создавая собственные модели, используя морфемы в качестве семантических множителей.

Постепенно, следуя потребностям общества и литературы, производные и сложные слова стали получать корневые дублиеты, что привело к дискуссии между пуристами ("фундаменталистами") и неологистами, какая время от времени вспыхивает и по поводу этнических литературных языков. Дискуссия началась в связи с включением многих новых корневых слов в эсперанто-немецкий словарь [27, kaj. 6, 171-174, 361-374] и не прекращается до сих пор. Первым неологистом был сам Заменгоф, который не сковывал свое словоупотребление рамками кодифицированной лексики. Так, в 1908 г. появился словарь, перечисляющий 2126 корневых морфем, употребленных Заменгофом, но не зарегистрированных в "Универсальном словаре" [14]. Самый авторитетный словарь последнего времени, "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" [22a], содержит 15395 заглавных слов. За вычетом собственных имен и некорневых морфем, остается около 13200 корневых морфем.

Значительное влияние на обогащение эсперантской лексики оказали Октябрьская революция в России и научно-техническая революция. Они явились толчком к появлению большого числа новых слов и к переосмыслению многих старых слов.

После смерти Заменгофа в 1917 г. и в связи с ослаблением эсперанто-движения в России вклад русского языка в лексику эсперанто стал уменьшаться, и наметилась тенденция к окцидентализации эсперантской лексики [3, 97]. Вклад русского языка продолжает ощущаться в форме большинства новых интернациональных слов, но симптоматично появление слов, не имеющих образцов в русском языке, наряду с дублиетами, имеющими такие образцы, напр., *atrando* наряду с *plago* "пляж", *gazono* наряду с *gazono* "газон". "Большой русско-эсперантский словарь" 1933 г. [7] регистрирует слово *velveto* "вельвет". Но "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" [22a] регистрирует в этом значении лишь неуклюжий англицизм *kordurojo*. Его примеру следует последний эсперанто-русский словарь [1].

В первые годы существования эсперанто некоторые слова, еще не получившие установившейся формы, испытывали сильное влияние русских форм: *oficero*, *ĵandarmo*, *epoko*, *eksemplaro*. Но затем они получили форму, более близкую к западноевропейским: *oficiro*, *ĝendarmo*, *epoko*, *eksemplero*.

В новой некодифицированной лексике почти все корневые слова, взятые непосредственно из русского языка, обозначают специфические реалии: *balalajko, bekeŝo, blino, bojaro, burko, caro, ĉernozemo, ĉervonco, dekabrieto, droŝko, duĥoboro, dumo, guzlo, ĥalato, ĥano, ĥutore, jufto, jurto, kefiro, kizelo, knuto, kobsaro, kuĉero, kvaĉo, medo, muĝiko, pelmenoj, pogromo, serpo, ŝvabri, tajg(a)o, toporo, tundro, ujezo, ukazo, vodko*.

Среди зарегистрированных словарями советизмов русскоязычного происхождения отметим: *bolŝeviko, kolĥozo, kombinato, komsoĉolo, kulake, leninismo, presidio, rajono, soveto, sovĥozo, sputniko, etaĥanovismo*.

При устном применении эсперанто в русскоязычной среде окказионально используются и другие безэквивалентные слова-вкрапления: *pravko, daĉo, unlvermag* и др., но при международном общении их избегают.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭСПЕРАНТСКОЙ ЛЕКСИКИ ПО ЕЕ СВЯЗИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Вклад русского языка в современную лексику эсперанто до сих пор не изучался. Под вкладом здесь понимается генетическая общность лексики обоих языков, причем каждое слово современного русского языка считается словом русского языка, независимо от его происхождения и сферы употребления.

Эсперантская лексика, как и лексика любого живого языка, очень разнообразна по своей употребительности. Поэтому мы ограничились учетом вклада русского языка в лексическое ядро эсперанто. Подсчет производился по "Базовому официальному корнеслову" [12], который кодифицирован Академией эсперанто. Он содержит около половины кодифицированных корневых морфем, отобранных по принципу наибольшей употребительности, т.е. выборка репрезентативна.

Сопоставление эсперантских слов проводилось с русским, латинским, французским, итальянским, испанским, португальским, английским и немецким языками. Польский язык не учитывался, т.к. большинство эсперантских слов, имеющих образцы в русском языке, имеют подобные образцы и в польском. Поэтому русское происхождение многих слов одновременно подразумевает и польское происхождение. Не следует также забывать, что русский язык, будучи мировым языком, является одним из основных источников эсперанто, чего нельзя сказать о

польском. Сопоставляемые языки рассматриваются в их современном состоянии.

Следует отметить, что интернациональная форма, принятая в эсперанто, чаще совпадает не с исконным словом, а с родственным заимствованным словом, которое в конечном счете восходит к производной форме соответствующего латинского слова. Так, к эсперантскому слову *patro* "отец" близки не исконное французское слово *pere* "отец", а заимствованное *paternel* "отеческий", не исконные русские слова "отец" и "отчество", а заимствованное "патриот"; срав. также "гриб" и "фунгицид". Такие ряды исконных слов, семантическими производными которых служат заимствованные слова, являются характерной чертой лексики русского языка. Этим широко воспользовался эсперанто для формирования своей лексики.

По характеру связи с русским языком эсперантские корневые слова разделены на 8 групп. В группы I-8 входят слова, имеющие прямые или опорные образцы в русском языке (некоторые с семантическим сдвигом). В группы I-6 входят слова, русские образцы которых являются свободными корнями. В группы 7 и 8 входят слова, русские образцы которых являются связанными корнями или морфологически невчленимыми частями заимствованных слов.

Слова, входящие в группы I, 2, 3, 5, 7, считаются имеющими прямые образцы в русском языке. Слова, входящие в группы 4, 6, 8, считаются имеющими опорные образцы в русском языке. Слова, входящие в группы I-8, считаются имеющими генетическую связь с русским языком.

Группа 1. Слова, взятые непосредственно из русского языка (некоторые из них имеют одновременно образцы в польском языке) (28 слов или 1,2%): *bani*, *banto*, *barakti*, *brovo*, *bulko*, *celo*, *ĉapo*, *ĉerpi*, *deĵori*, *domo*, *funto*, *gladi*, *kaĉo*, *klarneto*, *klopodi*, *kranio*, *krom*, *kruta*, *nepre*, *nu*, *paŝti*, *plugi*, *po*, *prava*, *pri*, *evati*, *tri*, *vosto*.

Группа 2. Слова, корень которых полностью совпадает с русским корнем или с его большей начальной частью (всего 622 единицы или 26,9%): *aboni*, *absoluta*, *absurda...*, *viziti*, *voli*, *vualo*, *vulkano*, *zono*, *zoologio*; с семантическим сдвигом (41 слово) типа *afero*, *aperturo*, *arbitra...*, *tempo*, *turo*, *vero*.

Группа 3. Слова с минимальными различиями корней, причем формы в других языках не ближе, чем в русском языке (30 единиц или 1,3%): *alkoholo*, *arangi*, *avenue...*; с семантическим

сдвигом log1.

Группа 4. Слова с минимальными различиями корней, причем форма в каком-либо языке ближе, чем форма в русском языке (59 единиц или 2,5%): *abrikoto*, *aktoro*, *albumo*, *manovri*, *pronci*, *serloza*...

Группа 5. Слова с незначительными изменениями корней, причем форма ни в одном языке не стоит ближе к эсперантской форме, чем русская (30 единиц или 1,3%): *agordo*, *aviado*, *bukedo*...; с семантическим сдвигом: *maestro*, *teruro*.

Группа 6. Слова с незначительными различиями корней, причем форма в каком-либо языке ближе, чем форма в русском языке (139 единиц или 6%): *alfabeto*, *ampolo*, *artikolo*..., *vidvo*, *slanko*; с семантическим сдвигом (16 ед.): *brako*, *cirklo*, *honoro* и др.

Группа 7. Слова с полным совпадением (или с минимальными различиями) со связанными элементами русских слов (359 единиц или 15,5%): *abrúpta*, *abetini*, *acida*..., *volumo*, *volvi*, *zumi*; с семантическим сдвигом (21 ед.): *alia*, *beni*, *briko* и под.

Группа 8. Слова с небольшими различиями по сравнению со связанными элементами русских слов (97 единиц или 4,2%): *aludi*, *argento*, *bendo*..., *vojo*, *volumeno*, *vorto*; с семантическим сдвигом 9 ед.

Всего "Базовый официальный корнеслов" содержит 2389 разных словоэлементов. Из подсчета исключены 69 элементов: 54 аффикса, 8 собственных имен и 7 дублетных форм. В итоге остается 2320 корневых слов.

Прямые образцы имеют в русском языке слова, входящие в группы 1, 2, 3, 5, 7, всего 1069 слов, или 46,1%. Опорные образцы в русском языке имеют слова, входящие в группы 4, 6, 8, всего 295 слов, или 12,7%. Всего слов, имеющих образцы в русском языке, 1364, или 58,8%. Следует подчеркнуть, что этот вклад отражает не генетическое родство, как его понимает сравнительно-историческое языкознание, а общность элементов в результате заимствования из одного или нескольких источников.

3. СЕМАНТИКА

Вопрос о семантике заимствованных слов представляет большую сложность, ибо слово обычно заимствуется не во всех значениях; адаптируясь в заимствовавшем языке, оно получает новый семантический фон, обрастает ассоциациями и побочными значениями. Чаще всего при заимствовании происходит сужение семантики слова. То же имеет место и в эсперанто. Так, при заимствовании франц. *répertoire* русский язык, а по его модели и эсперанто, сохранили лишь побочное "театральное" значение: *repertuero* – "репертуар".

Идеал планового языка (как и терминологии) – лексика с однозначными словами. Французский логик и интерлингвист Л.Кутюра считал, что в плановом языке следует избегать сопутствующих значений. На это И.А. Бодуэн де Куртенэ справедливо заметил: "Ассоциаций не избежать и международному языку, так как на ассоциациях покоится вся жизнь психических явлений, в том числе и речи человеческой, как "искусственная" она бы ни была" [4, 74]. Действительно, объемистый "Полный иллюстрированный словарь эсперанто" [22а] регистрирует много значений и употреблений слов, почерпнутых в результате анализа функционирующего языка.

Носители планового языка, живущие в разных странах, вносят свою долю в интерференцию. Это одна из причин неустойчивости семантики эсперанто [2, 12–13]. Она компенсируется ориентацией на высокоавторитетные словари (которые тоже не едины в описании семантических полей) и на признанные образцы литературы, а также сознанием необходимости быть понятным при общении с эсперантистами разных стран. Из совокупности этих факторов постепенно формируется международная семантическая норма.

Эсперантологи заметили вклад русского и польского языков в семантику многих эсперантских слов: "Для определенного числа лексем неславянского происхождения точный смысл, употребление и коннотации должны отыскиваться в славянских языках" [16, 38]; "Мы знаем, что тремя языками, самыми близкими Заменгофу, были русский, польский и немецкий; поэтому получилось, что комплексы идей этих языков совершенно естественно воздействовали на его мышление" [24, 86–87].

Д.Бланке указывает на необходимость широких исследований

в этой области, ибо "именно в семантической структуре эсперантского слова отражаются различные влияния национальных языков" [13, 385]. Несколько примеров вклада русского языка в семантику эсперантских слов дают М. Дюк Гониназ [16, 38-40] и О. Бак [10, 271-272]. Поскольку этот вопрос требует систематического изучения дистрибуции эсперантских слов в сопоставлении с дистрибуцией соответствующих русских слов, он должен стать темой специальных исследований. Мы ограничимся здесь некоторым числом примеров, в том числе тех, которые дают М. Дюк Гониназ и О. Бак.

Прежде всего отметим те значения, которые были приписаны Заменгофом словам, а затем устарели и в настоящее время не употребляются: *bedaŭri* "жалеть о чем-л." в знач. *kompati* "жалеть кого-л."; *distri* "рассеивать, развлекать" в знач. *disigi* "рассеивать, разделять"; *enui* "скучать" в знач. *soriri* "скучать, тосковать по чему-л."; *enuo je la patrujo* "тоска по родине" [5, 39]; это употребление вызвало недоумение нерусскоязычных эсперантологов [18, 64, 121, 124]; *glogo* "слава" в знач. *famo* "слава, известность, слухи"; *militi* "воевать" в знач. *batali* "сражаться"; *mueli* "молоть" в знач. *babili* "болтать"; *mano* "рука (кисть)" в знач. *brako* "рука (от плеча до кисти)"; *piedo* "нога, ступня" в знач. *krugo* "нога от ступни до колена"; *ŝtofo* "ткань" в знач. *materialo* "материал" и *substanco* "вещество".

Во многих других случаях семантика русских слов укоренилась в соответствующих эсперантских словах: *aboni* употребляется в знач. "подписаться на, выписать" и "абонировать, выписывать"; *akcepti* "принимать" сочетает в себе значения франц. *accepter* и *recevoir*: *akcepti donacon* "принять подарок", *akcepti proponon* "принять предложение", *akcepti kiel veron* "принять за истину", *akcepti leĝon* "принять закон", *akcepti gastojn* "принимать гостей", *akcepti aspekton* "принять вид", *akcepti kondiĉojn* "принять условия", *eeti akceptita en la universitato* "быть принятым в университет"; совпадение дистрибуции в эсперантских и русских сочетаниях налицо; *akra* "острый" употребляется в сочетаниях типа *akra pipro* "острый перец"; *ĉasi* "охотиться" употребляется в переносном значении *ĉasi profiton* "охотиться за выгодой"; *ĉe* "у, при" (от франц. *chez*) употребляется в сочетаниях, необычных для французского языка: *ĉe la tablo* "у стола", *ĉe la subiro de la suno* "при заходе солнца", *labori ĉe arta lumo* "работать при искусственном свете", *ĉe nerapida kalkulado* "при

небыстром счете", mi ekstremas ĉe tiu reneo "я вздрагиваю при этой мысли"; desi употребляется не только в значении "приличествовать", но прежде всего в значении "надлежать"; agari "ошибаться" употребляется также в значении "блуждать"; el "из" употребляется в сочетаниях; krono el floroj "венки из цветов", fari el amo "сделать из любви"; facila "легкий (нетрудный)" употребляется в таких сочетаниях: facila vento "легкий ветер", kun facila koro "с легким сердцем", facila paŝo "легкий шаг", faciligi la animon "облегчить душу", facila dubo "легкое сомнение", facila mano "легкая рука"; gentila (от франц. *gentil* "милый, любезный") употребляется в значении рус. "вежливый"; insulti употребляется в знач. и "ругать", и "ругаться"; pelvo "таз" в знач. "сосуд" и "часть тела"; plena "полный, наполненный" употребляется также в знач. kompleta "полный (без пропусков)": plena vortaro "полный словарь"; ŝanceliĝi "колебаться, шататься" в знач. heziti "колебаться, быть в нерешительности".

После рассмотрения этих примеров становится понятным замечание Д.Брозовича: "Западноевропейцам труднее изучать употребление эсперантских корней, чем другим людям" [15, 10].

Разрабатывая первоначальный проект языка, Заменгофф широко использовал близкие по форме семантические пары типа audi "слышать", audi "слушать". В окончательном проекте такие априористические слова были устранены, но среди нескольких оставшихся по меньшей мере две пары созданы под влиянием русского языка: enŝprezo "доход" и elsprezo "расход"; pezi "весить, иметь вес", pezigi "взвешивать".

Поскольку в последние полвека основные эсперантологические и лексикографические работы осуществлялись на Западе, а влияние русскоязычных эсперантистов в литературе было невелико, стала заметной тенденция к окцидентализации эсперантской семантики [21; 25], напр., слово poemo "поэма" стало употребляться в знач. verbaĵo "стихотворение", kampadejo "кемпинг" — в знач. tendaro "лагерь", а слово normala "нормальный" приобрело необычное значение в выражении normala lernejo "педагогическое (нормальное?) учебное заведение". Впрочем, последнее имеет параллель в русизме reala lernejo "реальное училище".

Теперь рассмотрим, как функционируют в эсперанто слова, заимствованные непосредственно из русского языка.

Banto "бант"; наречие bante "в виде банта"; bantigi "завязать (бант, галстук и т.п.)"; bantrozo "розетка (украшение)".

Barakti "барахтаться, трепетать, метаться"; дополнительное знач. "бороться против обстоятельств": barakti kontraŭ la morto "бороться со смертью"; barakta "беспокойный, судорожный"; baraktado "барахтанье".

Brovo "бровь"; kuntiri (sulkigi, kunĉovi) la brovojn "нахмурить брови"; interbrovo "межбровье".

Bulko "булка, хлеб"; buterbulko "сдобная булка".

Celo "цель" (прямое и переносные значения): kiu rigardas cielon, maltrafae sian celon "кто смотрит в небо, не попадает в свою цель"; konduki al la celo "вести к цели"; celi: 1) "целиться, метить, наводить": celi anseron, trafi aeron "целиться в утку, попасть в воздух"; 2) "подразумевать", иметь в виду: tiu frazo celas vin "эта фраза имеет в виду вас"; 3) "стремиться, ставить себе целью": celi bonecon "стремиться к добру". Cela "целевой"; celado 1) "прицеливание"; 2) "стремление достичь чего-л."; celanta "имеющий целью, предназначенный"; celeco "целесообразность"; celil(ar)o "прицел"; celismo "телеология"; celumi "наводить (орудие)"; celumilo "прицел (для наводки)"; celdisko (= celtabulo) "мишень"; celfendo "прорезь прицела"; celgrajno "мушка (ружья)"; cellinio "прицельная линия"; celobjekto "цель, задача, объект"; celpunkto "точка прицеливания"; celtruo "прицельное отверстие"; alceli "нацеливаться"; alcela "целеустремленный"; ekceli "прицелиться, поставить себе целью"; laŭcela "целесообразный"; laŭceleco "целесообразность"; sencela "бесцельный"; sencele "бесцельно"; senceleco "бесцельность".

Ĉapo "шапка, головной убор без полей; колпак, колпачок (тех.)"; vaaĉapo "берет"; ĉarĉeta ĉapo "бескозырка"; ĉapeto "шапочка"; vizierĉapo "фуражка".

Ĉerpi "черпать, извлекать, заимствовать"; ĉerpo (= elĉerpaĵo) "вычерпнутое"; ĉerpaĵo "черпанье, извлечение, заимствование"; ĉerpeto "небольшое количество вычерпнутой жидкости"; ĉerpilo "черпак, разливная ложка"; deĉerpi "черпать с поверхности"; ekĉerpi "зачерпнуть"; elĉerpi "вычерпать, исчерпать, опорожнить, опустошить, израсходовать, истощить"; elĉerpita "исчерпанный, опорожненный, опустошенный, истощенный, распроданный"; elĉerpiĝi "исчерпаться, опорожниться, иссякнуть, истощиться"; elĉerpiĝo "истощение, бессилие, израсходование"; neelĉerebla "неисчерпаемый, неистощимый, неиссякаемый"; subĉerpi "зачерпнуть вблизи поверхности".

Deĵori "дежурить, служить, занимать должность"; deĵoranto "дежурный"; deĵoro "дежурство, смена, вахта, срок служ-

бы"; *deĵorejo* "дежурное помещение"; *deĵorŝanĝo* "смена караула"; *deĵorperiodo* "срок дежурства, службы, служебных полномочий".

Домо "дом, здание": *ĝemelada domo* "двухквартирный дом"; *doma* "домовый"; *dome* "дома"; *domen* "домой"; *domaĉo* "домишко"; *domaĉaro* "труппы"; *domano* "жилец"; *domanaro* "домашние, домоладцы"; *domego* "домище"; *domesulo* "домосед"; *dometo* "домик"; *domistino* "домработница"; *domadministranto* "управдом"; *dombesto* "домашнее животное"; *domhavanto* (=domposedanto) "домовладелец"; *domkonstruado* "домостроительство"; *domkovristo* "кровельщик"; *dommaestro* "домохозяин"; *dompastro* "капеллан"; *fidomo* "подозрительный дом"; *eksterdome* "вне дома"; *eldomigi* "выселить"; *kromdomo* "хозяйственная постройка"; *eamdomano* "сосед по дому"; *anguldomo* "угловой дом"; *flordomo* "зимний цветник"; *ĝardendometo* "садовый домик"; *kulturdomo* "дом культуры"; *ludomo* "дом, сдаваемый в наем"; *rundomo* "исправительный дом"; *ripozdomo* "дом отдыха"; *ruldomo* "передвижной домик на колесах в виде прицепа, трейлер"; *sinjordo* "господский дом"; *somerdomo* "дача"; *terdometo* "глинобитный дом, землянка"; *urbodomo* "муниципалитет".

Gladi "гладить (утюгом)"; *gladado* "глажение, утюжка"; *gladilo* "утюг"; *gladistino* "гладильщица"; *gladotabulo* "гладильная доска".

Kaŝo "каша, пюре, густая похлебка, кашка; неразбериха, ералаш"; *kaŝigi* "толочь, размять"; *kaŝigilo* "толкушка, пест, пресс-пюре".

Klorodi "хлопотать, заботиться, ходатайствовать"; *kloroda* "хлопотливый"; *klorodado* (=klorodoj) "хлопоты"; *klorodegi* "из кожи (вон) лезть"; *klorodema* "хлопотливый, заботливый, старательный"; *klorodigi* "заставить хлопотать".

Krano "кран": *trivoja krano* "трехходовой кран"; *kranaĵo* "арматура (водяная)"; *elkrani* "набрать из крана"; *ĝajĝkrano* "мерный кран"; *pinĉkrano* "зажим для шланга".

Krom 1) "кроме, за исключением"; 2) "кроме, вдобавок"; *kromo* (=kromaĵo) "дополнение"; *kroma* "дополнительный"; *kroma* "кроме того"; *krombaloto* "доизбрание"; *kromŝaro* "прицеп, коляска"; *kromedzino* (=kromvirino) "любовница"; *kromfolio* "дополнительный лист"; *krominformo* "дополнительное сообщение"; *kromklapo* "запасный клапан"; *kromnomo* "прозвище"; *krompago* "приплата"; *kromgusto* "привкус"; *kromsono* "призвук".

Kruta "крутой, отвесный": *kruta frunto* "крутой лоб";

kruti "быть крутым"; krutaĵo "крутизна, откос"; krutese "крутизна"; interkruteĵo "ущелье"; malkruta "пологий"; kratvalo "лощина"; krutvoĵeto "крутая тропинка".

Neĝre "непреренно, обязательно"; neĝra "непреренный, обязательный"; neĝraĵo "нечто обязательно"; neĝreso "непреренность"; neĝrigi "сделать непреренным, обязательным, неизбежным".

Nu "ну": nu, rigardu "ну, посмотри": nu, iru! "ну, иди!"; nu, bone "ну, хорошо"; nu, ni devas konetati "ну, мы должны отметить..."

Plugi "пахать, разрезать, изрезать"; plugo (=plugado) "пахота, вспашка"; plugebla "пахотный"; plugejo (=plugokampo) "пашня"; plugilo "плуг"; plugileto "мотыга, кирка"; plugilbeke (=plugilfero) "лемех"; plugisto "пахарь"; displugi "распахать"; elplugi "выкорчевать (плугом)"; enplugi "переплахать"; traplugi "пропахать, изрезать"; neĝplugilo "снегоочиститель".

По "по": po du pomoj "по два яблока"; poduone "по половине"; pogrande "оптом"; pomalgrande (=podetale) "в розницу"; poiom "понемногу"; pomonata "помесичный"; porpare "попарно"; porrese "по частям, в рассрочку"; potaga "поденный".

Prava "правый, правильный, обоснованный"; prave "по праву"; pravo "право, правота"; pravi "быть правым, иметь основание"; pravese "правота"; pravigi "оправдывать, обосновывать"; pravigo "обоснование"; pravigebla "защитимый"; pravigi "оправдываться"; pravigo "оправдание"; malprava "неправый, необоснованный"; malprave "необоснованно, ошибочно"; malpravi "быть неправым, ошибаться"; senprave "безосновательно".

Svati "сватать"; svatado "сватовство"; svatanto "сват"; svatigi "свататься"; evatiganto "претендент"; svatistino "сваха"; svatagenteĵo "брачное посредническое бюро".

Vosto "хвост, задняя часть; рукоятка, древко; очередь": birda vosto "птичий хвост", aviadila vosto "хвост самолета"; voeta "хвостовой, задний"; vosteto "хвостик"; vostumi "вилять хвостом"; vostobazo "крестец"; vostonaro "конский волос"; vostonagilo "плавник"; vostonplumo "длинное перо (у птиц)"; vostonportanto "паж-шлефоносец"; vostonrimeno "наспинный ремень в упряжи"; vostonsegilo "лобзик"; alvostigi "занять очередь"; senvosta "бесхвостный"; senvostuloj (=batrakoj) "бесхвостные (земноводные)"; hundovosto (=cinzuro) "собачий хвост; гребенник (бот.)"; lirovostulo (=menuro)

"лирохвост, птица-лира"; *ponevoeto* (= *ĉevalvoeto*) "хвост (женская прическа)"; *ruĝvostulo* (= *fenikuro*) "горихвостка"; *ĝipvoeto* "корма"; *vulpovosto* "лисохвост, батлячок (бот.)".

Рассмотрение слов, заимствованных непосредственно из русского языка, показывает, что они полностью адаптировались в эсперанто, обросли новыми значениями и ассоциациями, новыми производными и стали неотъемлемой частью языка. Кроме того, оно показывает безосновательность отождествления эсперанто (реально функционирующего планового языка) с формализованными "языками", для которых характерна строгая однозначность слов и отсутствие развития их семантики. Обладание семантикой, которая отличается от семантики этнических языков лишь меньшей многозначностью, позволяет эсперанто выражать тонкие оттенки мысли и чувств, использоваться как в науке, так и в поэзии, что даже в принципе невозможно для формализованных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокарев Е.А. Эсперанто-русский словарь. 2-ое изд. - М.: Русский язык, 1982. - 488 с.
2. Григорьев В.П. От редактора. - В кн.: Бокарев Е.А. Эсперанто-русский словарь. 2-ое изд. М.: Русский язык, 1982, с. 7-17.
3. Дановский Н.Ф. Эволюция эсперанто. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976, с. 92-113.
4. Евстифеев Н.П. К вопросу о международном языке. Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. - СПб, 1903. - 134 с.
5. [Заменгоф Л.] Др Эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. - Варшава, 1887. - 40 с.
6. [Заменгоф Л.] Др Эсперанто. Полный словарь эсперантского международного языка. Часть русско-эсперантская. - Варшава, 1889. - XV + 232 с.
7. Изгур И., Колчинский В. Большой русско-эсперантский словарь. - М.: ЦК СЭСР, 1933. - 718 с.
8. Колкер Б.Г. Методические разработки по международному языку эсперанто. - Уфа, 1980. - 94 с.
9. Русско-эсперантский словарь. Составители Е.А. Бокарев и др. Под ред. Е.А. Бокарева. - М.: Советская энциклопедия, 1966. - 536 с.

10. Back O. Pri planlingva etimologio. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 266-276.
11. Bastien L. Naŭlingva etimologia leksikono. - Rickmansworth: The Esperanto Publishing Co., 1950. - 317 p.
12. Baza Radikaro Oficiala. - In: Aktoj de la Akademio. II. 1968-1974. Oficiala bulteno de la Akademio de Esperanto N° 10. Rotterdam - Paris: UEA - SAT, [1976], p. 28-54.
13. Blanke D. Konfronta lingvistika komparo de etnolingvo kaj planlingvo: kelkaj problemoj de la vortfarado de la germana kaj Esperanto. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1980, p. 380-399.
14. Boulet P. Du mil novaj vortoj, ĉerpitaj el la verkaro de Zamenhof. - Paris: Hachette, 1908. - XV+79 p.
15. Brozović D. Zamenhof kaj la litova lingvo. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1959, N° 1, p. 10-11.
16. Duc Goninaz M. Les influences slaves en espéranto. - In: Cahiers de linguistique, d'orientalisme et de slavistique (Institut de linguistique générale et d'études orientales et slaves. Université de Provence), Aix-Marseille, 1974, N° 3-4, p. 31-53.
17. Gregor D. La plej fruaj senafiksaj kunmetaĵoj en Esperanto. - In: Scienca revuo, Vol. 25, Beograd, 1974, N° 2-3, p. 81-102.
18. [Ito K., Maimon N., Waringhien G.] Korespondaĵo ludovikologia. - Kioto: Ludovikito, [1982]. - 277 p. (Zamenhof L.L. Plena verkaro, kromkajero 2).
19. Kawaeaki N. Prefiksitaĵoj vortoj el Zamenhof; Plena vortaro rusa-internacia. - Oosaka: eld. la aŭtoro, 1974. - 84 p.
20. Kawasaki N. Sufiksitaĵoj vortoj el Zamenhof; Plena vortaro rusa-internacia. - Oosaka: eld. la aŭtoro, 1975. - 9 p.
21. La Torre M., Corsetti R., Vessela N. Pliriĉigo de la morfemaro en la internacia planlingvo. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest, 1980, p. 368-379.
- 22a. Plena ilustrita vortaro de Esperanto. - P., 1970.
- 22b. Waringhien G. Grand dictionnaire Espéranto-Français. - Paris: SAT-amikaro, 1976. - 367+16 p.
23. Waringhien G. 1887 kaj la sekvo... Esperantologiaj eseoj IV. - Antverpeno - La Laguna: TK - Stafeto, 1980. - 293 p.

24. Waringhien G. Lingvo kaj vivo. - La Laguna: Stafeto, 1959.- 449 p.
25. Zaljotov G.A. Pri kelkaj kontraŭzamenhofaj difinoj en la Plena Vortaro. - In: Nuntempa Bulgario, Sofio, 1960, № 12, p. 20-21.
26. Zamenhof L.L. Fundamente de Esperanto. 9-a eld. - Marmande: Esperantaj Francaj Eldonoj, 1963. - 355 p.
27. Zamenhof L.L. Plena verkaro. Kaj. 3, 5, 6, 9. - Kioto: Ludovikito, 1974-1981.
28. [Zamenhof L.L.] D-ro Esperanto. Wörterbuch der Internationalen Esperanto-Sprache. International-deutscher Teil. Meza Vortaro Internacia-Germana. - Warschau, 1889. - 73 p.
29. Zamenhof L.L. Universala vortaro de la lingvo Esperanto. - Varsovio, 1893. - 52 p.

KONTRIBUO DE LA RUSA LINGVO AL LA LEKSIKO DE ESPERANTO

Boris G. Kolker

La etnolingva etimo, maksimume proksima laŭ la formo kaj proksima laŭ la semantiko al la Esperanta morfemo, nomiĝas rekta, sed tiu havanta deflankiĝon kompare kun la rekta etimo, nomiĝas apoga etimo. La kalkulo de la plej vortoj en la tavolo de la plej uzataj vortoj laŭ "Baza radikaro oficiala" montras, ke Esperanto enhavas 1,2 % da vortoj, prenita senpere el la rusa lingvo; 46,1 % da vortoj havas rektajn etimojn en la rusa lingvo, 12,7 % da vortoj havas en ĝi apogajn etimojn. Entute la rusa lingvo kontribuis rekte aŭ apoge al 58,8 % de la plej uzataj Esperantaj radikoj. La malfacile spurebla kontribuo de la rusa lingvo al la semantiko de la radikaj vortoj estas ilustrata per ekzemploj. Estas montrita detale la funkciado de la rusdevenaj vortoj, kiuj plene adaptiĝis en Esperanto, akiris novajn signifojn kaj asociojn, formis novajn derivaĵojn kaj kunmetaĵojn.

ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТТО ЕСПЕРСЕНА.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Д.В. Корнилов

16 июля 1985 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Отто Есперсена (1860–1943). Имя этого выдающегося лингвиста известно всем языковедам мира. Более чем за 60 лет научной деятельности Йенс Отто Харри Есперсен написал огромное количество работ, относящихся к разным областям языкознания. Прежде всего известны его книги и статьи, написанные по различным вопросам общей лингвистики (фонетике, грамматике, теории языкового развития). Хорошо известны и труды Есперсена по теории и истории английского языка. Меньше – его исследования по методике преподавания иностранных языков. И, наконец, отнюдь не каждый языковед знает о работах Есперсена в области интерлингвистики, на которые, по его собственным словам, "он затратил колоссальное количество времени и трудов" (8, 22). Такое разнообразие интересов, вероятно, и является причиной того, что далеко не все лингвисты имеют целостное представление о его взглядах и концепциях. Зачастую имя Есперсена используется как главный авторитетный источник при доказательстве каких-либо положений, с которыми он, возможно, и не согласился бы, будь он с ними знаком. Так, например, некоторые лингвисты, утверждая, что в английском языке нет будущего времени, связывают это мнение с именем датского языковеда (см., например: 4, 86). Однако нигде нет свидетельства о том, что Есперсен полностью разделял эту мысль. Он даже специально приводит пример, эту концепцию опровергающий (3, 300). Такой же случай из области интерлингвистики: Е.С. Кубрякова называет Есперсена автором планового языка идо (8, 22), а Коцин в своей антиидистской книге одно из возражений против этого языка основывает именно на том факте, что Есперсен не только не был автором, но даже и сторонником идо (21, 8).

Этот "ореол неизвестности" вокруг фигуры столь известного, казалось бы, автора происходит также потому, что Есперсену откровенно не повезло на систематическое изложение его взглядов в курсах истории языкознания, авторы которых

предпочитают школы и направления отдельным лингвистам. А Есперсен стоял вне какой бы то ни было лингвистической группы. За свою долгую жизнь он видел рассвет и младограмматиков, и пражских структуралистов. Исходя из сказанного, можно утверждать, что многие стороны лингвистического творчества Есперсена ждут критического осмысления. Тем более это важно в такой области теоретического языкознания, как интерлингвистика, перед которой у Есперсена большие заслуги (недаром в статье А.Д. Дуличенко понятие "есперсеновская лингвистика" отождествляется с теорией плановых языков (2, 81)) и в которой о его работах имеются наиболее разноречивые суждения. По отношению к И.А. Бодуэну де Куртене это уже сделано (1). А ведь именно Есперсен и знаменитый русско-польский учёный являлись единственными профессиональными лингвистами в Комитете Делегации по принятию международного вспомогательного языка.

Прежде чем разобраться в интерлингвистических взглядах Есперсена, обратим внимание на следующее высказывание о нём: "Есперсен почти не менял своих взглядов, а отстаивал целостную гипотезу, несмотря на противоречивый характер идей, лежащих в её основе" (8, 7).

На заре своей научной деятельности Есперсен был явным скептиком в отношении искусственных языков. Однако, когда в 1887 г. на собрании филологического общества в Лондоне он услышал разговор немца и англичанина на волапюке, Есперсен стал серьёзно заниматься этим вопросом.

В 1907 г. Есперсен, как уже упоминалось, был избран вице-председателем Комитета Делегации. Как и в прочих вопросах, существует несколько мнений по поводу его участия в Комитете. Сторонники эсперанто изображают в целом деятельность этой организации как хорошо задуманную акцию, направленную на подрыв эсперанто изнутри путём создания рекламы и видимости научной поддержки проекта "ренегата" де Бофрона — проекта языка ido. Какова во всём этом "фарсе" роль авторитетного лингвиста? Э. Прива, лишь слегка жуя де Бофрона, изображает Есперсена как строго соблюдающего нейтралитет и дипломатическую вежливость (25, 60). Коцин, опровергая утверждение, будто бы ido создан при поддержке крупных лингвистов, использует тот факт, что Есперсен представил на рассмотрение Комитета собственный языковой проект, отличный от ido. Этот же автор даже предполагает, что Заменгоф был готов скорее согласиться с реформами, выдвигаемыми Есперсеном, чем Кутюра и де Бофроном (21, 8).

Однако сам Есперсен в "Международном языке" без всякой примеси негодования описывает заседания Комитета, деятельность его секретарей и де Боффона. В споре "идо или эсперанто" он твердо держал сторону первого. Он лишь досадовал, что авторы (или автор) идо не начертали с самого начала на своём знамени девиз "Lasciate ogni Esperanto voi ch'entrate!", а во время самих заседаний Есперсен, пожалуй, резче других критиковал эсперанто (18, 42).

В качестве основной причины, почему Есперсен не вышел из состава "бесчестного", по мнению противников идо, комитета (по примеру И.А. Бодуэна де Куртенэ), было, как полагают, его желание, составить себе наилучшие представления о состоянии искусственных языков. Сам же он работал над собственным проектом, который скоро опубликовал под названием новиаль" (20, 90). Но и здесь словацкий автор допускает ряд неточностей фактического порядка. "Скоро опубликовал" - это через 21 год, а дата 1903, приводимая как год начала работы над новиаем, - результат неправильно понятого упоминания Есперсеном того, что в 1903 г. он начал изучение естественных и искусственных языков с целью выделения в них наиболее рациональных элементов (18, 59). Мысль о соединении результатов отбора в одно целое пришла к нему гораздо позже.

Может быть, Есперсен размышлял о своём языке уже тогда, когда давал в предисловии к идо-немецкому словарю свою знаменитую формулировку: "Наилучший международный язык тот, который предлагает наибольшую лёгкость для наибольшего числа людей" (13, 51). Однако это не значит, что международным языком может быть китайский (именно это следует, на первый взгляд, из формулировки), поскольку, пишет Есперсен, на нём говорят лишь в Китае, да и то на разных его вариантах (18, 52).

1928 год - год выхода в свет учебника новиаля, содержащего также краткую историю развития вопроса о вспомогательном международном языке (ВМЯ), можно считать рубежом двух этапов интерлингвистической деятельности Есперсена. Эта книга включает в себе, пусть и не достаточно систематизированно, основные положения Есперсена в данной области. К сожалению, на втором этапе работы подобного плана не было создано, и о том, менялись ли его взгляды, мы можем судить лишь по разбросанным в различных периодических изданиях статьям, изучить которые трудно не только из-за их большого числа, но и потому, что опубликованы они были на полудожине

языков. Мы полагаем, что основные концепции Есперсена не претерпели каких-либо серьёзных изменений.

Известно, что Есперсен сотрудничал в то время с Ассоциацией международного вспомогательного языка (АМВЯ), хотя и нельзя сказать, что слишком активно. Под его председательством состоялось знаменитое заседание комитета по лингвистическим исследованиям АМВЯ в Женеве (20.03.-2.04.1930), "на котором лингвисты и интерлингвисты впервые встретились друг с другом" (24, 15), он был одним из делегатов от АМВЯ на втором лингвистическом конгрессе, как автор новшества специально по просьбе АМВЯ встречался с Э. Валем, автором окциденталя, весной 1935 г. (24, 20) и т.д. Наконец, именно в это время он определил задачи новой области языкознания - интерлингвистики (1931): "исследовать структуру и основные понятия всех языков, имея целью установить нормы для интерязыка" (19, 57). Роль Есперсена в интерлингвистике после 1928-1930 гг. уменьшается по сравнению с первым периодом. В интерлингвистике уже активно работают такие видные лингвисты, как Ж. Вандриес, Э. Сепир, А. Мартине, М. Сводеш. Вероятно, этот факт охладивающе подействовал на датчанина, всегда гордившегося тем, что он - первый профессиональный лингвист, создавший проект искусственного языка (18, 59). Тем не менее значение Есперсена как крупного интерлингвиста-теоретика остаётся таким же большим и в наши дни.

Как уже говорилось, в "Международном языке" содержатся все основные интерлингвистические положения Есперсена. Выделим некоторые из них. Для начала Есперсен обосновывает насущную необходимость создания международного средства общения, которая диктуется, по его мнению, прежде всего нуждами научной информации ("Проклятье Вавилона всё ещё с нами" (18, 13)). Таким средством не может стать ни один из существующих языков. Характерно, что эта часть вступления - одна из наиболее неубедительных, и человек, знакомый с проблемами интерлингвистики, сразу же настораживается. По сути, Есперсен и не думает отвергать эту идею. Он лишь вскользь упоминает "международную ревность", а большую часть этого раздела посвящает отговорке (иначе это не назовёшь), что-де избранная нация не будет в восторге от вида "любимого языка, растоптанного под ногами всякого говорящего" (с. 18). Значительно больше места, например, отводит Есперсен опровержению планов "оживления" латыни (с. 19). Следует вывод: признать в качестве средства международного общения искусствен-

ный язык. Прадда, Есперсен сразу же отвергает этот эпитет ("Я хочу показать, насколько естественным может быть такой язык" (с. 11)) и предлагает термин "constructed". Два других определения этого языка - международный и вспомогательный - уже стали общим местом любых интерлингвистических исследований.

Затем следует наиболее известная часть цитируемой книги - критика возражений, выдвигаемых против плановых языков. Во-первых, несостоятельно заявление, что слова будут звучать по-разному в устах разных людей. Есперсен указывает в этой связи на диалекты этнических языков, не препятствующих нормальному существованию последних (с. 24). Во-вторых, мнение о том, что каждый будет переносить свой национальный образ мышления на БМЯ, опровергается уже солидной практикой функционирования волапюка, эсперанто и идо. К тому же такие случаи неизбежны при обучении любому второму языку, и дело преподавателей предупреждать у своих учеников подобные ошибки (с. 26-27). В-третьих, снимается и довольно наивное возражение, основанное на том, что "искусственный язык никогда не будет настолько хорош, как естественный язык". Есперсен указывает, что каждый язык обладает всеми расхваливаемыми качествами лишь в устах его носителя, "но интерязык наверняка будет богаче английского в устах француза, элегантнее французского в устах датчанина, выразительнее немецкого в устах итальянца, красивее итальянского в устах англичанина" (с. 28).

Попытаемся сформулировать основные принципы БМЯ, выдвигаемые Есперсеном. В 1907 г. на заседании Комитета он выделил 5 пунктов требований к БМЯ (см. 20, 90-91). Они целиком вошли в заключение теоретической части "Международного языка". Однако мы полагаем, что 5 пунктов недостаточно для изложения всех положений Есперсена.

1. БМЯ должен соответствовать принципу международной, сформулированному Есперсеном ещё в 1905 г. (см. 7, 80): "правило ... для определения международной слова или корня заключается в определении числа людей, которые знакомы с ним через посредство их родного языка, - простое следствие фундаментального принципа наибольшей лёгкости для наибольшего числа людей" (18, 163-164) (слово "людей" выделено, ибо некоторые неверно полагают, будто следует подсчитывать языки, в которых это слово имеется). Однако Есперсен ставит характерные пределы "международности" БМЯ, который должен быть

построен на том словарном материале, который уже международен, т.е. известен на всей той части света, куда проникла европейская цивилизация" (18, 162). "Не может быть ни малейшего сомнения в том, что должен быть принят латинский алфавит просто потому, что он уже используется наибольшим числом людей, по крайней мере теми, кто склонен принять международный язык" (18, 61). Из последней цитаты следует, что принцип международности применялся Есперсеном не только в отношении словаря, но и всего БМЯ в целом.

2. "Любой БМЯ будущего обязательно должен быть автономным и иметь собственную грамматику: он не может зависеть от воспоминаний о других языках" (18, 47).

3. Вместе с тем БМЯ не должен отклоняться больше, чем обычно, от этнических языков и от того, что уже стало общепринятым: "Чем меньше будет в нём произвольных и чем больше рациональных форм, тем стабильнее будет БМЯ" (18, 52).

4. БМЯ должен быть практически лишён недостатков, чтобы его могли поддерживать лингвисты. "Научный и политический мир не примет язык, который может быть справедливо и строго раскритикован компетентными специалистами" (18, 51).

5. Все современные БМЯ должны быть похожи друг на друга, как если бы они являлись диалектами одного языка. Так современные велосипеды и печатные машинки похожи друг на друга, хотя на заре их развития этого сказать было нельзя. Соблюдение этого условия приблизит время, когда стабилизируется наиболее общая структура интеръязыка, хотя новые слова по мере необходимости будут постоянно добавляться к БМЯ (18, 52).

6. В 1907 г. Есперсен говорил: "Определённого успеха достигали лишь такие проекты, которые предназначались для использования в различных целях" (20, 90). Такое же положение содержится и в "Международном языке", хотя в другом месте он опять же ограничивает сферу действия БМЯ: "Он должен непременно оставаться интеллектуальным языком, языком для ума, а не для сердца; он никогда не сможет выражать те глубокие чувства, которые вполне естественно выражаются в национальных языках. В нём всегда будет что-то сухое и прозаическое, и ошибкой является попытка перевода на него очень глубокой поэзии" (18, 27). Есперсен тем самым присоединяется к поддерживаемому большинством лингвистов (И.А. Бодуэн де Куртене, А. Мейе, М. Пем и др.) мнению о неужности и сомнительности развития экспрессивной функции интеръязыка (см.,

напр.: 6, 27).

Свой теоретико-исторический раздел книги Есперсен заключает выдержанным в типичном для себя духе сравнением этнических и плановых языков: "Первые можно сравнить со старым живописным городом, его запутанными улочками с бессистемными названиями, в то время как наши интеръязыки похожи на американские урбанизации, чьи улицы и прямые проспекты пересекаются строго под прямым углом, а вместо названий им присваивают номера. Или же в то время, как интеръязык похож на стремительное движение поезда по железной дороге ..., национальные языки можно сравнить с прогулкой по небольшой тропке, выходящей под деревьями ... Каждый способ движения имеет свои преимущества, и ничто не мешает нам совмещать их оба" (I8, 54).

Есперсен в "Философии грамматики" (1922) дал следующее определение идеального языка: это язык, "сочетающий максимальную выразительность с лёгкостью употребления языковых средств и полным отсутствием исключений, неправильных образований и двусмысленных выражений" (3, 40). Систематизация грамматики в таких языках "не представляла бы никаких трудностей, поскольку одно определённое звучание всегда имело бы одно определённое значение, и наоборот, одно значение или функция выражались бы одним и тем же формальным средством (с. 40-41). Есперсен обозначил это так: $(\Phi-3)=(3-\Phi)$. Демонстрируется возможность существования подобного языка на примере образования множественного числа в идо: "число существительных выражается окончанием $-i(3-\Phi)$ ", "окончание $-i...$ всегда обозначает множественное число существительных $(\Phi-3)$ ". "Однако реальные живые языки ... не могут быть разделены прямыми линиями, пересекающимися под прямым углом, как большая часть территории США, а скорее напоминает территорию Европы с её причудливо изогнутыми и извивающимися границами" (с.41). Этот образ "интеръязыки - модернизированные США, этнические языки - "старая добрая" Европа", очевидно, очень нравился Есперсену. И, если в "Международном языке" он полагает, что оба типа языков равноценны, то в другой книге он пишет, что принцип "одно слово - одно значение", "одно значение - одно слово" превратил бы любой естественный язык в "адски неудобный" (возник бы "лингвистический ад") (I7, 89 и II9). Однако, как мы убедились, в применении к искусственным языкам Есперсен считал такой принцип единственно возможным. В этом, очевидно, и кроется причина той непоследо-

вательности в его взглядах на взаимоотношения формальной логики и грамматики в искусственных и этнических языках, на которую указывает С.Н. Кузнецов (7, 88-89). Есперсен никогда не стирал грани между этими двумя типами языков, как бы ни нравились ему сами их определения. По Есперсену, грамматика ВМЯ должна быть логичной, однозначной и обратимой. Асимметричность языкового знака этнических языков должна уступить место его симметричности в языках искусственных. Отсюда - и сравнение с градостроительством Америки и Европы.

Следует отметить, что как никто другой в своих общетеоретических построениях Есперсен широко пользовался данными интерлингвистики. Например, при создании воображаемой шкалы языков с двумя крайними типами структуры (тип с отчётливыми формальными критериями для каждого разряда слов и тип без таких внешних показателей) он на одном конце поместил китайский, а на другом - эсперанто (3, 65). Ещё один пример: пытаюсь определить внутреннюю структуру так наз. абстрактных слов, он указывает на то, что в эти слова имплицитно входит предикативный элемент, содержится идея существования. И лишь в одном языке это выражено эксплицитно. Именно - в идо, где "Кутюра остроумно создал ... окончание -eso, которое представляет собой корень глагола es-ar "быть": blind-eso- "бытиё слепым, т.е. слепота" (3, 154).

Во второй части "Международного языка" Есперсен излагает свой собственный проект - новиаль (= "новый международный вспомогательный язык"). Ещё в "Философии грамматики", как уже отмечалось выше, он указал некоторые черты гипотетического идеального языка. В частности, наличие так наз. общего лица, неопределённого числа, отсутствие числа у прилагательных и глаголов и др. (3: 229, 241, 250 и т.д.). Интересно, что новиаль содержит все указанные категории и не обременён "ненужными" окончаниями.

Привлекает внимание большое количество разбросанных по всей книге выпадов против эсперанто, наполненных присущим ему сарказмом. Уже упоминалось о желательном для идо лозунге "Оставь эсперанто всяк сида входящий". Можно также привести в качестве примера изложение Есперсеном в виде анекдота историю создания суффикса женского рода в эсперанто, которое он завершает так: "История международных языков не совсем лишена юмористических элементов" (18, 92). А обязательный аккузатив Есперсену навел следующий образ: "Эсперанто в этом отношении похож на человека, который всегда но-

сит с собой зонтик (и даже настаивает на том, чтобы держать его всё время раскрытым), не глядя на то, какая стоит погода" (18, 101). В отличие от остальных проектов, в случае с эсперанто критике подвергаются не определённые элементы, а весь язык в целом. Оказывается, эсперанто скомпрометировал саму идею искусственного вспомогательного международного языка (ИВМЯ): "Энергичнейшая пропаганда привела не к тому, что этот язык был повсюду принят, а к тому, что рядовой человек с улицы перепутал понятия "международный язык" и "эсперанто", путаница, которая в высшей степени отрицательно сказалась на реализации идеи интерязыка, так как каждый человек, видя эсперанто и понимая, что он не может быть всемирным языком будущего, склоняется к ошибочному времени, что такой язык никогда не будет принят" (18, 39).

К сожалению, традиционная классификация ИВМЯ, восходящая к Л. Кутюра и Л. Ло, основывается преимущественно лишь на том, насколько далеко отошла их лексика от этнических языков. А по этому признаку новиаль и эсперанто вполне могут быть отнесены к одной группе. И лишь введение ряда дополнительных параметров позволяет провести некоторые различия между ними (эсперанто – гиперсхематический, новиаль – гипосхематический язык (5, 75)). А между тем Есперсен буквально объявляет войну эсперанто "по всей линии фронта". Но словарь эта борьба не затрагивает. Грамматические же различия традиционная классификация практически не учитывает, что и служит причиной отнесения новиала и эсперанто к языкам одного порядка.

Создавая свой язык, Есперсен последовательно на всех уровнях его структуры отвергает "эсперантизмы": в эсперанто есть диакритические знаки – в новиале их нет; в эсперанто все части речи имеют своим характерным признаком один и тот же гласный окончания – в новиале, скажем, только инфинитив может оканчиваться на четыре гласных; в эсперанто имеется винительный падеж – в новиале только родительный; в эсперанто существительные согласуются с прилагательным в числе и падеже – в новиале прилагательные не склоняются; в эсперанто глагольная система имеет синтетический характер, а в новиале – аналитический, и т.д. В тех случаях, когда Есперсен допускал в новиале общие с эсперанто элементы, он либо трактовал их как более или менее интернациональные (суффиксы причастий, место ударения), либо накладывал серьёзные ограничения на их употребление (субстантивный суффикс -il-, напри-

мер (I8, I34)), специально указывая, что можно обойтись и без них. Кстати, даже в этом, последнем, случае он не удерживался от модификаций: оставив в принципе аккузатив (факультативный), Есперсен поменял его на -m (I8, I02).

Определённые отличия новиаля от эсперанто можно было легко предвидеть, вспомнив о знаменитой есперсеновской теории прогресса в языке и провозглашении самыми совершенными языками языки аналитические. Именно они являются тем образцом, к которому стремятся в своём развитии все живые языки. "Очевидно, что тот язык стоит выше всего, который идёт дальше всех по пути выражения многого немногими средствами, или, другими словами, который может передать максимум значения простейшим образом" (I6, 324). Простейшим образом = аналитическим способом. Следовательно, мы можем дописать седьмой пункт требований к ИМЯ:

7. ИМЯ должен обязательно быть языком аналитического строя. Характеризуя волапук, например, Есперсен замечает, что англичанин будет путаться в четырёх его падежах. Вывод: "Ничего нельзя вывести из несовершенных схем кроме того, что интэрязык будущего мы должны сделать более совершенным, т.е. простым"; "Чем проще будет морфологическая структура, тем меньше будет возможности сделать грамматическую ошибку"; "Мы предпримем попытку...создать язык, имеющий простую грамматику типа китайской, не утратив при этом его европейского характера, возможности выражения нюансов, к которым мы привыкли в наших языках"; ср. также его замечание по поводу интерлингвы Пеано (I8, 25, 26, I07, 47).

Нам нет смысла останавливаться на критике есперсеновской антинаучной и даже реакционной теории превосходства аналитического строя, как и деления языков на более или менее совершенные. Эти концепции уже отвергнуты лингвистикой, причём не только нашей, но и зарубежной (ср.: II; I2; I0, 95]. Однако учёт таких положений позволяет понять причину указанных различий между новиаем и эсперанто. Кстати, аналитичность как одну из основных черт новиаля сразу же подметил Дрезен (I4, 2II-2I2).

Но конфликт "новиаля-эсперанто" отражает ещё одну борьбу, глубинное столкновение языков английского и русского. Есперсен, критикуя какой-либо эсперантизм, не забывает сообщить о его русском (или славянском) происхождении. Ср., например, его неодобрительные высказывания по поводу "подурусского одеяния" (half-Russian dress) некоторых слов в эспе-

ранто и идо (I8, I32). Отбирая в этнических языках формы, подходящие для ИМЯ, Есперсен на минуту вспоминает о русском (видно, желая создать впечатление обширности базы исследования), чтобы тут же его отвергнуть. Если в большинстве случаев Есперсен как-то теоретически обосновывает отказ от "русизмов" (см.: I8, III, I2I и др.), то, затрагивая проблему согласования времён в косвенной речи, он отвергает систему эсперанто-идо практически лишь потому, что она заимствована из русского языка [I8, II8-II9, см. также 3, 343]. Замена русизмам имеется: "Но, к счастью, мы находим в английском..." (I8, III) и т.п. Именно в английском языке Есперсен находит почти все устраивающие его формы. К слову, окончание аккузатива -m предпочтительнее эсперантского -n, поскольку первое имеет сходство с английскими местоимениями him, them (I8, I02). Сходство новияля с английским наиболее заметно при сопоставлении глагольных временных форм:

tu protekte	to protect	me ha protekte	I have protected
me protekte	I protect	me sal protekte	I shall protect
me protekted	I protected	me sal ha protekte	I shall have protected

Эта черта новияля настолько бросается в глаза, что Э.П. Свадост, который в своей монографии не уделяет особого внимания лингвистической стороне проблемы, тем не менее находит нужным отметить, что новияль ориентируется на английский язык (9, I5).

И здесь, конечно, следует вспомнить ещё об одной интерлингвистической "загадке" Есперсена. В.Н. Ярцева в 1949 г. назвала его в числе главных авторов идеи о всемирной роли английского языка. Прочитав известные его положения о прогрессивности аналитического строя, она пишет: "Вот из какого отравленного источника черпают создатели теории "мирового языка" доказательства того, почему именно аналитический строй якобы делает английский наиболее пригодным материалом для создания из него наднационального языка" (I2, I6). Б.Г. Ильиш в предисловии к "Философии грамматики" пишет: "Широким кругам читателей Есперсен известен в первую очередь своей теорией "прогресса в языке", связанной с превознесением аналитического строя языка и с восхвалением английского языка, как якобы самого совершенного из существующих языков" (3, 5). С тех пор, как пишет М. Пей, "Есперсен больше, чем кто-либо другой, выделяется советскими критиками за свою прямую защиту англий-

ского в качестве международного языка" (23, 242). Следует при этом обратить внимание на замечание Е.С. Кубряковой: "Надо только честно признать, что в работах самого Есперсена превознесение языков аналитического строя лишено какой бы то ни было шовинистической окраски и что самим им реакционная теория "англо-саксонского господства" никак не разделялась" (8, 22).

Если советские учёные справедливо критиковали Есперсена за его взгляды, связанные с ролью английского языка, то для западных лингвистов он и по сей день служит главным авторитетом в этом вопросе. Отстаивая права английского как мирового языка, М. Пей (23, 242), Г. Менкен (29, 599-601) и многие другие неизменно приводят обширные цитаты из начала есперсеновской книги "Рост и структура английского языка", где в обилии содержатся комплименты английскому, как самому энергичному, деловому, трезвому, благородному, богатому языку взрослых мужчин и т.д. (15, 2 и сл.).

Есперсен не отвергал в принципе возможности решения проблемы многоязычия с помощью естественного языка. Но для чего он создал новияль? Ясно, что им не владела та же "благородная задача" осчастливить человечество, которая подвигла Швейера и Заменгофа на создание волапюка и эсперанто. Новияль вряд ли предназначался для широкого использования подобно указанным ИЕМЯ. Это отмечает, в частности, Л. Кохут (20, 92). Почему же он создал новияль? Из невинного интереса, как он сам пишет, посмотреть, что будет, если собрать вместе все те единичные предложения по поводу улучшения различных ИЕМЯ, которые он высказал в течение четверти века? (18, 59). Или Есперсен хотел воплотить на уровне ИЕМЯ свою мысль об идеальном языке? Или, может быть, он попытался в образе новияля создать баланс (хотя бы в теории) чрезмерно "русифицированному" эсперанто? В этом отношении можно вспомнить о том, с какой неприязнью пишут о растущей роли русского языка в современном мире некоторые западные лингвисты, см., в частности, (23, 312-317). Или, памятуя о том, что ИЕМЯ может расцениваться как своего рода переходный этап при изучении иностранного языка, Есперсен хотел сделать свой язык таким, чтобы он напоминал столь любимый им английский? Может быть, структура новияля - это в представлении Есперсена будущая структура этого самого совершенного из теперешних языков, результат её естественного исторического развития? А проект Есперсена есть не что иное, как лингвистическая реконструкция наоборот?

Всё это пока лишь предположения и догадки. Однако уже сейчас, исходя из всего сказанного, мы можем сделать ряд замечаний о сути интерлингвистической концепции Есперсена. Основное положение её сам Есперсен приводил неизменно и в 1908, и в 1928 гг.: "Наилучший международный язык тот, который предлагает наибольшую лёгкость для наибольшего числа людей". Согласовав это положение с основными общезыковедческими принципами Есперсена, мы убедились, что оно содержит в себе две возможных трактовки в зависимости от того, на какой из его частей сделать ударение. С одной стороны, предполагаемый международный язык должен быть аналитическим, так как именно такой строй, исходя из теории прогресса, несёт в себе "наибольшую лёгкость" говорящим на нём. А с другой стороны, предполагаемый международный язык должен подобно новелялю походить на английский язык, который (помимо его "совершенства") уже знаком "наибольшему числу людей" в большинстве стран мира. Есперсен не случайно оговаривает неприменимость китайского в этих целях, а всю процедуру создания ИВМЯ он посвящает борьбе с другим потенциальным соперником — русским языком и его "представителем" — эсперанто. В самом начале мы намеренно поместили указание специалистов на в основном статичный характер концепций Есперсена, тем самым исключая возможность объяснения кажущихся противоречий в его интерлингвистических взглядах как эволюции от увлечения то английским, то ИВМЯ. Хотя, конечно же, вариантов трактовки взглядов Есперсена в этой области может быть множество.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Григорьев В.П. И.А. Бодуэн де Куртене и интерлингвистика. — В сб.: И.А. Бодуэн де Куртене (к 30-летию со дня смерти). — М.: Изд-во АН СССР, с. 53-56.
2. Дуличенко А.Д. Интерлингвистика. — In: Interlinguistica Tartuensis I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 613. Тарту, 1982, с. 68-93).
3. Есперсен О. Философия грамматики. Под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. — М.: ИИЛ, 1958. — 404 с.

4. Ильин Б.А. Строй современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1971. - 366 с.
5. Кузнецов С.Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков. - В сб.: Проблемы интерлингвистики. М.: Наука, 1976, с. 60-78.
6. Кузнецов С.Н. О предмете и подразделениях интерлингвистики. - In: Interlinguistica Tartuensia I. Актуально проблемы современной интерлингвистики (УЗ Тарту ГУ. Вып. 613). Тарту, 1982, с. 15-37.
7. Кузнецов С.Н. Основы интерлингвистики. - М.: УДН, 1982. - 106 с.
8. Отто Есперсен. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.С. Дозовская. Предисл. Е.С. Кубряковой. - М.: ЕГБШ, 1963. - 71 с.
9. Свадлоу Э.П. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968. - 286 с.
10. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. - М.: Соцэкгиз, 1934. - 223 с.
11. Ярцева В.Н. Об одной вредной теории в языкознании. - Иностранные языки в школе, 1949, № 6, с. 55-66.
12. Ярцева В.Н. Реакционная сущность "теории мирового англо-саксонского языка". - И.: Об-во "Знание", 1949. - 24 с.
13. Beaufront L. de, Couturat L. International-deutsches Wörterbuch. Vorwort von O. Jespersen. - Stuttgart: Francke, 1908. - 20 s.
14. Drezen E. Historio de la mondolingvo. 2a eld. - Leipzig: Ekirejo, 1931.
15. Jespersen O. The Growth and Structure of the English Language. - Leipzig: Teubner, 1905. - 260 p.
16. Jespersen O. Language, Its Nature, Development and Origin. - L.: Allen & Unwin, 1922. - 448 p.
17. Jespersen O. Mankind, Nation and Individual from a Linguistic point of View. - Oslo: Aschehoug, 1925. - 221 p.
18. Jespersen O. An International Language. - L.: George Allen & Unwin Ltd, 1928. - 196 p.

19. Jespersen O. A New Science: Interlinguistics. - Psyche vol. 11, L. 1931, Jan., p. 57-67.
20. Kohut L. Za nami Babel. - Bratislava: Mladé leta, 1967. - 126 s.
21. Kotzin B. Historio kaj teorio de Ido. - M., 1913.
22. Mencken H.L. The American Language. An Inquiry into the development of English in the United States. Fourth ed. - N.Y.: Alfred A. Knopf, 1946. - 769 p.
23. Pei M. The Story of English. - N.Y.: Fawcett, 1965. - 352 p.
24. A Plan for Obtaining Agreement on an Auxiliary World Language, preceeded by A Brief History of the I.A.L.A. - Brussels: L. Desnut-Verteneuil, 1936. - 27 p.
25. Privat E. Historio de la lingvo Esperanto. Dua parto. La movado. 1900-1927. - Hago: I.E.I., 1982. - 199 p.

INTERLINGVISTIKA KONCEPTO DE OTTO JESPERSEN.

AL 125-A DATREVENO DE LA NASKIĜTAGO

Dmitrij V. Kornilov

En la artikolo temas pri kelkaj tezoj de la eminenta dana lingvisto kaj interlingvisto O. Jespersen (1860 - 1943). Estas akcentitaj la ĉefaj liaj postuloj al internacia planlingvo, precipe liaj konataj vortoj: "La plej bona internacia helpa lingvo estas tiu, kiu proponas la plej grandan facilecon por la plej granda nombro da homoj", akordigitaj kun kelkaj lingvoteoriaj tezoj de Jespersen (la teorioj de la lingva progreso kaj la supereco de analitikaj lingvoj).

La aŭtoro de ĉi artikolo konkludas, ke povas ekzisti kelkaj interpretoj de tiu ĉefa postulo de Jespersen. La internacia lingvo devas 1) havi analitikan strukturon, ĉar, laŭ Jespersen, homo ĝi "proponas la plej grandan facilecon" por uzantoj; 2) simili konkretan etnan lingvon - la anglan (samkiel proponita de Jespersen novial, konkreta realigaĵo de lia teorio).

La aŭtoro deziras, ke la jubileo de la fama lingvisto turnu la seriozan atenton al li flanke de interlingvistoj.

К ВОПРОСУ О ЛОГИЦИЗМЕ В ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИИ

А.С. Мельников

Любой язык выполняет по меньшей мере две главные функции – средства общения и средства мышления и познания¹. От того, какой из этих функций отдаётся предпочтение, зависит лингвистическая характеристика языка.

В интерлингвистической литературе последнего времени нам не встретилось размышлений на тему: какая из двух указанных нами функций языка важнее в применении к плановому международному языку (ИМЯ). Некоторые интерлингвисты придают особое значение одной из этих двух функций и в связи с этим разделяются на представителей двух направлений – логицизма (приоритет отдаётся отражению в языке множительных, логических категорий, облегчению познания) и эмпиризма (главным признаётся удовлетворение потребностей практической коммуникации). (Ср. соответствующие определения в (13, 49 и 76; 10).

По наблюдениям Э. Вернаскони, в число требований к совершенному (= логическому) языку включаются: взаимно однозначные соответствия между словом, понятием и реальностью, причём слово должно быть сконструировано в соответствии с семантическим составом самого понятия по правилам, основанным на общих законах природы и мышления, т.е. слова должны быть неким подобием химической формулы. Например, "слово" H_2O соответствует экстралингвистической реальности "вода", а состав "слова" несёт информацию о фактическом составе молекулы и характеристику связи в ней. В области синтаксиса каждой синтаксической функции должны соответствовать множительная операция и экстралингвистическое (природное или логическое) событие или операция. С помощью такого языка можно, якобы, непосредственно определить, что истинно (т.е. логично, реально), а что нет (18, 17). Х. Шпитцбарт, считающий,

¹ В.А. Звегинцев говорит о триаде качеств языка – интегрировать и синтезировать опыт – воплощать мысль и осуществлять общение (8, 82). Но общение, мышление и познание включают в себя интеграцию и синтез опыта.

что именно плановый язык может быть идеальным языком оптимизированной коммуникационной системы, включает в требования к этому языку наличие в нём ещё и двустороннего соответствия отношений вещей в объектом мире и соответствующих слов (30, 632-633).

Одним из самых характерных проектов ПМЯ, прямо и эксплицитно ориентированных гибким образом на обслуживание мышления и познания и созданных после 1945 г., является проект языка "Логлан", созданного американским психологом Дж.К. Брауном. Название языка происходит от английских слов logical language, означающих "логический язык". Работу над логланом его автор начал в 1955 г.; в 1957 г. он осуществил первые попытки преподавания этого языка; в 1960 г. опубликовал предложения к языку в журнале "Scientific American"; в 1966 г. издал книгу "Логлан: логический язык" (третье издание вышло в 1975 г.: (20)).

Автор логлана в определённой мере развивает и перерабатывает идеи неопозитивистов 20-30-х гг. XX в. Подобно Расселу, Витгенштейну и их последователям^I, Браун мечтает о символической, в которой устранена омонимия, знаки однозначны, различаются существенные, необходимые и случайные, внешние черты языковой символики. В частности, по замыслу автора, логлан должен быть наднациональным (чтобы особенности этнических языков не были для него обязательными), но способным передать всё то, что передают этнические языки. Пример тому — система времён логлана. Исходные слова логлана являются "вневременными" (т.е. не указывают на время), но если есть необходимость уточнить момент протекания действия, то с помощью специальных модификаторов (операторов) можно передать, по утверждению Брауна, любое из времён, имеющих в европейских языках, а кроме того ещё и несколько других (20, 46-47; 21, XI). Такое новшество помогает иногда избавиться от амфиболии. Так, в русском языке "он плавает" может означать и то, что некто сейчас занят этим действием, и то, что он вообще умеет плавать. В логлане для этих целей употребляются разные формы: *da sucmi* либо *da na sucmi*. Разница между логланом и русским языком в данном случае состоит не в том,

^I Изложение и марксистско-ленинскую оценку теории совершенного логического языка, а также воззрений Рассела и Витгенштейна см., напр., в (9, 62-68).

что один язык может выразить указанное различие, а другой - нет (амфиболия может сглаживаться дополнительными словами и др.), а в том, что логлан делает это обязательно, а русский язык - факультативно.

Для предотвращения амфиболии и сближения устной и письменной форм речи в логлане используется фонетический принцип орфографии (графика - в основе латинская, в алфавите до 1983 г. была 21 буква, затем - 23), который усиливается наличием произносимых знаков приближения к тах наз. феникой паузы, а также тремя видами ударения ("лёгкое" - для различения слогов внутри слова; "тяжёлое" - для различения слов в предложении; "кумов" - для характеристики полос моносвидабических слов в содвинутом фоне другим видом ударения). Система гласных представлена устойчивым комплексом из пяти членов (а, э, i, о, u); отсутствуют согласные-аффрикаты.

Целым адекватной дискретизации единиц логлана в устной речи служит и строго определённая структура слов. Модель [(C) U(U)] (C)U(U), где C - согласный, U - гласный, определяет только вспомогательные (структурные) слова; [CVC/CCV] CV - смысловые (предикативные); [U/C] C - имена собственные.

Предпосылками к нарушению фонетического принципа служат: наличие у некоторых фонем позиционно закреплённых аллофонов (например, п перед g и к назализуется, хотя соответствующий признак в логлане не является дифференцирующим; r, n, l при скоплении согласных могут произноситься со звуком [ə]), сигнификативность признака звонкости/глухости согласных (в случае характерной для многих языков ассимиляции может произойти озвончение/оглушение, а в конце слова - оглушение согласной). Сочетания типа i + U; u + U (U-глас.) читаются то как два слога, то как один. Аббревиатуры произносятся как полные слова. В некоторых случаях операторы Pa, De, Di, Do, Du, Li...Lu записываются в логлане с помощью символов X, Y, W, H, Q, << ... >>, которые читаются так, как слова, которые они замещают.

Слова логлана частично придуманы автором (в основном это вспомогательные, служебные слова), частично образованы путём медиализации из соответствующих единиц восьми контрольных языков - английского, испанского, русского, французского, немецкого, хинди, японского и китайского. Выбор пал именно на эти языки, так как ими, по данным Брауна, пользуются более 3/4 населения Земли; к тому же они представляют и Запад, и Восток. Пример: blanu - из русского "голубой", англ. blue,

кит. lan, хинди nila, исп. azul, фр. bleu, нем. blau. Чтобы максимально увеличить вероятность узнавания слов логлана носителями контрольных языков, была разработана система числового определения значимости каждого языка, которая соответствовала пропорции говорящих на этом языке во всей массе носителей контрольных языков. Подсчитывалось также количество звуков, имеющихся в испытываемом слове логлана и соответствующем слове каждого из контрольных языков. Например, слово lik-ta содержит, по подсчётам Брауна, $\frac{2}{3}$ англ. week, $\frac{3}{5}$ кит. li bai, $\frac{3}{7}$ япон. isshukan, $\frac{2}{5}$ хинди saptaḥ, $\frac{3}{9}$ рус. неделя. Умножая эти числа на "значимость" соответствующих языков, а затем складывая результаты, получаем среднее значение узнаваемости слова (в данном случае - 44%). Как утверждает Браун, слова логлана наиболее узнаваемы для тех, кто говорит по английски и/или по-китайски, а средняя величина узнаваемости составляет 45% (20, 250-251). Чтобы попасть в словарь логлана, претендент должен иметь не менее двух фонем, соответствующих слогу контрольного языка и появляющихся в том же порядке (20, 253).

Хотя система выбора лексических единиц логлана продумана достаточно детально и имеет определённые преимущества (в частности, здесь удалось достигнуть некоторого компромисса между гетерогенностью исходной лексики и гомогенностью словаря логлана; налицо достаточная нейтральность; определение узнаваемости математическими методами и др.), в ней немало недостатков. Назовём некоторые из них.

Определение значимости языков производилось по данным 1950 г., включало сведения не только о непосредственных носителях языков, но и о тех, для кого он был вторым (а подобные сведения очень недостоверны), не учитывало тенденции изменения соотношения говорящих на тех или иных языках. Сравнение слов проводилось механически со сведением всех графем к латинским. В результате, например, "ля" из рус. "неделя" записывается lia и даёт совпадение трех звуков, что не совсем соответствует действительности (20, 251). Не учитывался характер одинаковых фонем (ведь согласные, как правило, несут большую информацию, чем гласные). Не определялись наиболее важные для узнавания точки слова в каждом из учитываемых языков. Сопоставлялись отдельные слова, как если бы они были однозначными и семантически внесистемными. Имелись, наконец, элементарные ошибки. Так, англ. burst "взрываться" переведено русским "треск" (20, 252).

Традиционного понятия частей речи в логлане нет. Вместо этого — три категории слов: структурные (вспомогательные), смысловые (предикативные), имена. Таким образом, *clivi* может означать "живой; жить; нечто живое; жизненный" и др. В среднем одно слово логлана переводится четырьмя английскими словами (2I, III).

В 1975 г. логлан имел около 4 200 слов, из них около 200 — простые структурные, 400 — сложные структурные (из простых "или", "нет" — "а", "no" — получается сложное "если" — "anoi"), 300 — имена (из них более 2/3 — варианты названий химических элементов), 3300 — смысловые, из которых около I тыс. — так наз. примитивы, т.е. неприменимые предикативы. Длина предикативных слов зависит от их частотности: чем чаще встречается слово в речи, тем короче оно должно быть (20, 237-238 и 244).

Слова логлана по форме, как правило, не меняются, а только модифицируются другими словами. Например, абстрактность, передаваемая во многих языках с помощью аффиксов, в проекте Брауна представлена специальными операторами *pu*, *po*, *zo*, выбор которых определяется содержанием высказывания: указанием на качество, состояние или количество абстрактности. Однако имеется небольшая и своеобразная система аффиксов: отрицания; короткого, долгого и среднего интервала времени; собирательности числительных; аналогов английским суффиксам *-st* (1y) / *-nd* (1y) / *-rd* (1y) / *-th* (1y) и др.

Более двух тысяч предикативных слов логлана образованы метаформацией из 2-4 "примитивов": *sanpa djamu* ("знать-знать") > *saadja* ("понимать"); *ne ne* ("один-один") > *perne* ("соответствовать"); *tarci sensi madzo* ("звезда-наука-делать; тот, кто делает") > *tarsenmao* ("астроном"); *rodja madzo sensi madzo* ("расти-делать-наука-делать; тот, кто делает") > *rojmad-sesmao* ("агроном") (2I, VI-VII). (Как видно из вышеприведенных примеров, метаформация проводится без научного обоснования методики). Чтобы облегчить распознавание сложных предикативов, в рамках так наз. Большой Морфологической Ревизии 1978-83 гг. 623 "примитива" из 830 получили не менее чем по одному короткому "аффиксу", т.е. краткой форме, в которой они входили в состав более сложных слов. Для достижения изоморфности устной и письменной речи "аффиксы" должны иметь ограниченный набор структур (ССУ, СУС, СУУ), поэтому в логлане их может быть не более 1965, из которых 41% уже зафиксированы (32, 1983, vol. 6, № I, p. 33-34). А что произойдет, когда

все 1965 позиций будут заняты? К тому же краткая форма должна быть максимально похожей на полную и непохожей на другие слова. А инвентарь в 1965 возможностей даёт для этого мало предположков.

По аналогии с математическим термином из выражения $f(x)$ смысловые слова логлана могут, согласно Брауну, иметь до пяти аргументов, т.е. отражать до пяти логических связей. Например, *katma* может иметь только один аргумент (*X* является котом), *matma* — три: *X* является матерью *У* при отце; *zapra* — пять: *X* является знаком *У* (кого) *в* (кому), подсказывающий поведение *Н* в ситуации *Q*. Не совсем понятны критерии определения аргументов и порядка их следования. Почему, например, *vedma* имеет 4 аргумента: *X* продаёт *У* (что) *в* (кому) по цене *Н*; нельзя ли добавить: при условии *Q* (или во время *Q*) и т. д.?

Показательна система слов, соответствующих местоимениям в этнических языках. В логлане нет закреплённых единиц для указания на 3-ье лицо ("он", "она" и т.д.). Вместо этого — операторы *da*, *de*, *di*, *do*, *du*, которые собираются строго логическим путём в соответствии с порядком появления в речи слов, которые они замещают. *La Djan pa vedma ta le fumna* — "Джон продал это женщине". *Da* (вместо последнего аргумента предыдущего предложения) *pa donsu de* (вместо предпоследнего аргумента) *la Pit* — "Она передала это Питу". *Do* (вместо четвертого аргумента с конца всего текста) *pa merceda* — "Джон женился на этой женщине".

В логлане очень много форм местоимений "мы" и "вы": *mi* (я) + *tu* (ты) > *mu* (мы); *mi* + *da*, *de*.... > *mia*, *mie* (я + некто-1, некто-2...); аналогично: *tua*, *tue*, *tui*... вы (ты + некто-1, некто-2...).

Специальными операторами выражается вопрос, отрицание, инверсия, границы групп модификаторов. Так, вследствие отсутствия последних в английском языке, выражению *Pretty Little Girls School* можно дать, по меньшей мере, четыре трактовки: школа для хорошеньких маленьких девочек; для девочек, которые достаточно малы; хорошенький тип школы для маленьких девочек или маленькой школы для девочек. В логлане эта амфиболия ликвидируется с помощью оператора *ge*. В результате получается 17 различных вариантов (смыслов) высказывания (20, 267-272).

Всего, по утверждению Брауна, грамматика логлана описывается 257 двучленными и трехчленными правилами типа $X = Y$

или $X = Y + Z$. Это очень мало по сравнению с вариантами грамматик, составленных для работы на ЭВМ с этническими языками (английский и немецкий варианты, например, содержат 3-6 тыс. аналогичных правил) (20, 7 и 17). Однако простота логлана обманчива, ибо пользующийся им всё время должен выбирать один из многих возможных вариантов, учитывая немало экстралингвистических, логических и других связей.

Любой предикатив логлана может характеризовать любой другой предикатив. Из этого Браун делает вывод, что его язык даёт возможность появления множества новых метафор для выражения словами идей, т.е. в конечном счёте логлан облегчает создание новых идей с помощью языковых средств (20, 75-78). Конечно, Браун прав в том, что удачная метафора открывает в известном предмете, явлении и т.д. нечто новое. Но он переоценивает значение этого "открытия". Ведь модификация (которая, как правило, сводится к определению) отнюдь не даёт нам новых теорий. К тому же "удачность" метафоры ей самой никак не сигнализируется. Заметят её или нет - зависит от экстралингвистических факторов. В целом Браун выступает в данном случае как выразитель идеалистически-метафизического варианта концепции отражения, что опять-таки сближает его с представителями теории совершенного логического языка (см. (9, 68)). В области же процедур и методик, используемых Брауном в логлане, прослеживается также определённое сходство с приёмами и рассуждениями представителей логической семантики (см., напр., (2)).

Автор логлана рассматривает свой язык прежде всего как лабораторный инструмент для проверки гипотезы Сепира-Уорфа. Вопрос о международном языке Браун вообще относит к ненаучной проблематике, а всю историю плановой лингвистики он считает в немалой степени проявлением языковой игры, свойственной не только создателям ЕМЯ, но и логикам, математикам, поэтам и детям (20, 13). (Мысль о том, что универсальные интернациональные цели являются только предлогом, скрывающим игровые тенденции создания слов, высказывалась также А. Бауза-ни (17, 110). Наиболее важной игрой социального поведения называл язык Витгенштейн (9, 175). Возможно, элемент игры в языкотворчестве действительно есть, но игры, как познавательной деятельности, ведущей к овладению какими-то процессами, информацией, знанием, пониманию каких-то сущностей, законов, в некотором смысле "деловой игры", игры как теоретического и реализуемого процесса с целью познания и практической дея-

тельности на основе этого познания). Интересно, однако, что существенную долю откликов на опубликованные в 1960 г. пролегомены составили именно отклики читателей, интересующихся движением за международный язык (20, 18).

Высказывая своё отношение к возможности использовать язык типа логлана в качестве ПМЯ, Браун выдвигает на первый план проблему взаимоотношения языка и мышления и делает вывод: если верна гипотеза Сепира-Уорфа, то надо продолжить начатые на примере логлана исследования, так как результаты могут привести к появлению доброкачественного ПМЯ (судя по этому высказыванию, Браун считает, что в настоящий момент "доброкачественного ПМЯ" ещё нет); если нет - то "вряд ли важно, какой язык выбирают наши дети для наших внуков во время путешествия последних" (20, 12). Как видно из иронической формулировки, Браун не понял сути проблемы международного языка, нечётко представляет себе его предназначение, роль и функции. Максимум, на что обратил внимание автор логлана, это на многосторонность функций ПМЯ (20, 12). Но каких именно, Браун не уточняет (а ведь от этого зависит или должна зависеть лингвистическая характеристика языка!). Б то же время Браун признаёт, что чрезмерная ясность языка ("все источники амфиболии, которые я обнаружил в нём, были ликвидированы" (20, 9-10)) может сделать его непригодным для целей художественной литературы. (О том, что ключевым в понимании специфики эстетического является многозначность, обусловленная семиотическими средствами создания эстетического произведения, говорил П. Йожа (26, 45) и др.) Кроме того, по признанию самого же автора, даже он, создатель логлана, не может говорить на этом языке. В результате длительной практики Браун научился лишь создавать предложения на этом языке (в том числе мысленно), а затем считывать их. Но этот двухступенчатый процесс не является речью в собственном смысле слова (20, 14). Таким образом, по крайней мере две общественные функции рассматриваемого языка становятся невозможными или затрудняются: функция устного общения и функция художественной литературы (шире - словесных и синтетических искусств с участием слова). Согласно В.Г. Костомарову, в наше время развитие функций языка науки и техники, культуры и искусства и частично языка общественно-политической жизни являются "условием, без которого невозможно было бы функционирование... национального языка международного общения в качестве мирового (поскольку обмен научной-технической информацией и культурными достиже-

ниями - наиболее частотные направления международного общения)" (12, 242). Обмен, о котором шла речь, осуществляется не только в письменной, но и в устной форме. Язык типа логлана затруднил бы международное общение, а ПМЯ призван как раз его облегчить.

Логлан не претендует на статус ПМЯ (по крайней мере, в его нынешнем виде). Но мы рассматриваем возможности его функционирования именно в этой роли, так как логлан стремится удовлетворять требованиям, предъявляемым к логическому ПМЯ. На примере логлана можно поэтому увидеть, какие требования и в какой мере (а также по какой причине) практически удовлетворены, какие последствия это повлекло.

По признанию самого Брауна, логлан в его настоящей форме не является идеальным средством для "общения на языке символической логики", и автор не знает, можно ли подойти к этому идеалу ближе (20, 6). Идеальности мешают, в частности: 1) возможная двусмысленность, в т.ч. полисемия (кстати сказать, некоторые конкретные возможности амфиболии, не замеченные Брауном в 1975 г., выявились к 1980 г.; так, при употреблении оператора NO в начале предложения возникала неясность, отрицается ли всё предложение или только его первый аргумент; недостаточно однозначными были признаны указательные слова *ti*, *ta* (это и то), которые с 1980 г. стали употребляться только при указании на какие-то объекты, а для других случаев были введены новые слова: *toi*, *toa* - для замены только что или ранее сказанного, *tiu*, *tau* - для замены слов, означающих предшествующее событие или состояние дел (32, 1980, vol. 4, № 3, p. 38, 62)); 2) неполная приспособленность к семантическим полям всех этнических языков (в частности, вследствие разного членения действительности в них); 3) ограниченность трансформаций, которые, согласно Брауну, облегчают мышление (удовлетворяется лишь то положение, что если верны одни предположения, то верны и вторые); неполная последовательность трансформаций (как пишет сам автор, "хотя он (логлан) и "маленький" язык, он большая система, а большие системы, как и большие умы, не терпят последовательности"); 4) деривация путём метафоризации, а не формального определения (это, по мнению Брауна, является одним из существеннейших признаков языка вообще; подобная мысль высказывается Д. Болинджером, который пишет: "Одной из характерных черт естественного языка является то, что его слова не замыкаются пределами исчисленных значений, но несут в себе способность улавливать сход-

ство: "быть сходным с..." (I, 223)); 5) по существу произвольные фундаментальные значения, которые не являются "самоочевидными" или обоснованными" (иными словами, проявляется субъективная дискретизация действительности) (20, 4-5).

Насколько преодолимы эти и некоторые другие препятствия к созданию идеального (совершенного, логического) языка? Например, как добиться идеального членения действительности, которое затем отразится в словах? Дискретность языковых единиц - одна из универсалий любого кода, необходимого для познания. Способы же дискретизации действительности являются продуктом истории и способны к развитию (15, 20). Значит, язык должен содержать в себе потенциал развития дискретизации, которая может пойти по пути возникновения полисемии, т.е. слово может получить дополнительное значение вследствие переноса старого значения слова на сложное непознанное новое явление, понятие, факт. (Автор статьи не исключает возможности развития дискретизация другим путём, но лично ему такой путь неизвестен.) Кроме того, полисемия играет роль буфера при столкновении принципов дискретизации действительности и её континуальности. В логике делается попытка удовлетворения принципу континуальности действительности путём устранения чётких границ между классами объектов и рассмотрения всех объектов только в сети отношений (а не каждого в отдельности). Но считать проблему решённой в данном случае нельзя: сеть охватывает, разумеется, далеко не все отношения (ср. хотя бы наши рассуждения о количестве аргументов слова *ведьма* на с.112), а классы (хоть их и становится меньше, чем в этнических языках) всё-таки остаются. Неясны также пути дальнейшей дискретизации.

Как избавиться от полисемии и надо ли к этому стремиться, если полисемия является весьма важным условием выполнения языком функции познания действительности? "Ни одна система не способна выполнить совокупность функций абстрактного мышления, если в ней нет полисемии"; "жесткость значения слов - хорошее орудие рассуждения лишь о жестких ситуациях, которые уже познаны или практически освоены человеком". Полисемия позволяет при обработке информации делать вычленение нового значения и одновременно не учитывать его (до определённого времени) - за счёт этого получается новое знание, которое затем логически обрабатывается - и элемент неточности исключается (причём новое знание может породить новое слово на месте одного из старых значений) (15, 57). Не

случайно во всех этнических языках полисемия имеется. О необходимости же полисемии и в ПМЯ говорит Д. Бланке: "Полисемия - одно из выражений языковой экономии. Не обязательно, даже невозможно, чтобы слова ПМЯ были однозначными, моносемантическими, как этого иногда ошибочно требуют интерлингвисты. Важно определить границу между необходимой и избыточной полисемией" (19, 384). Не слишком большую полисемию называет среди критериев положительной оценки ПМЯ О. Рейерсол (29, 221).

Важной языковой универсалией является также синонимия. Без наличия знаковых форм языка, имеющих близкое или одинаковое значение, невозможно объяснить концептуальную сущность языкового знака или дать его определение, кроме определения посредством указания (15, 60). Кроме того, синонимия является разрешением противоречия требований отражения континуальности и дискретности действительности, предъявляемых к слову. Требование же двустороннего и однозначного соответствия между референтами внешнего мира и соответствующими языковыми единицами исключает синонимию, а значит равносильно отказу от познавательной (гносеологической) функции языка. Поскольку же язык является важнейшим орудием познания, язык без синонимов крайне усложнил бы процесс познания. Иное дело (не)желательность синонимов того или иного рода. Например, многие эсперантологи считают неологизмы - полные синонимы существующим "фундаментальным" словам (т.е. словам, составленным из элементов, вошедших в канонизированную "Fundamento de Esperanto" Л. Заменгофа), совершенно лишними. Однако подобные слова хотя бы уже из-за того, что существуют противники их употребления, будут встречаться в эсперантской речи реже, а значит нести большую нагрузку, нежели их "фундаментальные" двойники. Значит, они перестанут быть полными синонимами и либо разойдутся по значению, стилю и т.д., либо какое-то из них просто выйдет из употребления, оставаясь, возможно, элементом чьего-то идиостиля. О ненужности в ПМЯ синонимов с обязательной дистрибуцией говорил В. Таули (31, 219). Против излишней синонимичности выступал Дж. Уэллс (34, 63).

Как известно, в значении слов этнического языка есть два компонента - логический и образно-эмоциональный. Как считал Л.С. Выготский, значение находится как бы между мыслью и словом, поэтому в значении "пересекаются" коммуникация (а значит, отношение к предмету высказывания, эмоции) и мысле-

ние (5, 52 и 378). Э. Хауген полагает, что "адекватность языка возрастает не только за счёт разветвлённой научной и философской терминологии, но и за счёт развития средств эмоциональной и поэтической выразительности" (14, 461). В языках же логического типа эмоциональный компонент неприемлем.

Определённую роль в языках играет редундантность. Для логического языка это явление по меньшей мере бесполезно. Для языка как средства коммуникации это очень важное средство преодоления "шумов". Нельзя забывать, что ГМЯ, по крайней мере, определённое время после его признания был бы вторым или даже третьим языком, т.е. для подавляющего большинства людей он был бы неродным. (Ср., напр., мнение Э. Бернаскони (18, 54)). Легко ли в таких условиях запомнить и различать логланские *ae, ai, ao, au, ea, ei, eo, eu, ia, ie, io, iu* и т.п. или следующие слова из проекта логического языка Б. Сотоса Очандо: *ababa, ababe, ababi, abasa* и т.д.? (20, II с. обложки); (22, 82). Даже в случае превращения ГМЯ в родной язык редундантность всё равно будет нужна, если в силе останутся законы передачи и приёма информации. Недаром Рейерсол включает требование редундантности в критерии пригодности ГМЯ (29, 221-222). (Характерно, что в результате так наз. Большой Морфологической Ревизии логлана 1978-83 гг. 60 из 830 "примитивных" слов этого языка были изменены, так как они отличались от других слов той же группы только безударным слогом, а потому плохо различались и плохо усваивались. Иными словами была признана необходимость определённой редундантности (32, 1983, vol. 6, # I, 14)).

Б. Шервуд высказывает ещё одно интересное соображение (правда, пока должным образом необоснованное) против языков логического типа. Анализируя причины неуспеха логлана, (к ним он относит: малочисленность говорящих на этом языке; отсутствие пространных текстов; сравнительно частые изменения в элементах системы языка; издание литературы о логлане почти полностью на английском языке; то, что почти все участники дискуссий о логлане - американцы), Шервуд обращает внимание на возможность несовместимости подобной языковой системы со структурами языковой манипуляции, находящимися в мозгу человека (см. 33, 7).

Рассмотрения требует и взаимосвязь языка и культуры. Известно, что эта взаимосвязь проявляется в паре "этнический язык - культура" весьма заметно. На основании этого А. Гоуд и Ш. Бакони (представители натуралистической школы

в интерлингвистике) делали вывод о том, что схематические апостериорные языки не могут быть носителями культуры, так как они—де слишком далеки от этнических языков. Правда, сам Гоуд признавал наличие на автономном по структуре эсперанто довольно обширной литературы (24, 57; 16, 18). Попутно заметим, что по данным каталога книжной службы Всеобщей Ассоциации Эсперанто на книжном рынке в 1984 г. были представлены около 2,5 тыс. названий книг на эсперанто самой разной тематики — от научной до детской, пластинки с записями стихотворений, песен и даже оперы на эсперанто, магнитофонные записи театральных спектаклей и т.п. (27; 25, 84); к середине 1975 г. с эсперанто на этнические языки переведено 52 произведения (в т.ч. 20 романов), в оригинале написанных на эсперанто; этот последний факт с некоторыми оговорками может служить показателем качества оригинальной эсперантской литературы (23, 13). Наличие на эсперанто всех форм культуры и искусства со словесным ингредиентом (все виды литературы, песни, романсы, оперетта, опера, драма, кино, риторика, наука, политика, религия и т.д.) как в виде переводов, так и в оригинале на эсперанто, доказывает, что апостериорный ЛМЯ может быть носителем культуры. Может ли выполнять ту же функцию ЛМЯ, построенный по принципам логицизма?

По мнению В.А. Верлорен ван Темаата, для того, чтобы быть носителем культуры (т.е. не только сохранять старую, но и создавать новую культуру), язык должен удовлетворять трём условиям: лингвистическому; макрокультурному (иметь опору в современном обществе; в частности, не быть чуждым существующим языкам и культурам); микрокультурному (иметь микросреду, которая достаточно стимулирует культурное развитие) (33, 2 и 4). Логлан, как и вообще язык, построенный по требованиям логицизма, не имеет глубоких корней в существующих языках (хотя в нём используются реально существующие фонемы, часть слов образуется медиализацией лексики этнических языков и т.п., отличия логлана от этнических языков слишком велики: вневременность, отсутствие привычных грамматических категорий, необходимость постоянного учёта сети отношений и др.; всё это позволило А.Д. Дуличенко утверждать, что "лишь наличие апостериорного словаря, на котором они (проекты типа логлана и ладефа — А.М.) основываются, а также отдельные апостериорные грамматические признаки удерживают их на границе между двумя полярными лингвистическими структурами — апостериорной и априорной" (6, 12)). Нет у рассматриваемого проекта и доста-

точной микросреды (по оценкам Б. Шервуда, логланом владели в 1980 г. около 5 чел.; журнал "The Loglanist" получали в 1984 г. 245 подписчиков, из которых 213 - американцы (33, 7; 32, 1984, vol. 7, # I, IV с. обложки)). И если последнее ещё не определяет перспектив того или иного языкового проекта или даже языка, ибо необходимая микросреда в определённых условиях может возникнуть, то отсутствие достаточной опоры на существующие языки непреодолимо без изменения структуры самого языка в сторону его большей эмпиричности.

В состав слов этнических языков входят так наз. меж-языковые и национально-культурные семантические доли, которые воспринимаются только лицами с соответствующими фоновыми знаниями и играют важную роль при коммуникации и особенно в словесных ингредиентах культуры (подробно о фоновых знаниях и семантических долях см. (3)). Логический язык, претендующий на отражение и обслуживание мышления, единого для всех людей, не нуждается в национально-культурных фоновых знаниях и даже отвергает их. Автор логлана, например, исходит из того, что его язык ещё долго не будет "контаминирован" со своей "собственной" культурой (20, 14). Практика же показывает, что наличие в течение определённого времени организованного движения за использование какого-то определённого ГМЯ приводит к появлению в нём собственных семантических долей, аналогичных "национально-культурным" ингредиентам семантики слов этнических языков (II; 28), а у его носителей - специфических фоновых знаний. (Без движения за конкретный ГМЯ этот язык признания не получит. Ведь одним из важнейших условий принятия обществом ГМЯ является положительный опыт более или менее массового его применения). Говоря о языковых проблемах Африки, исследователи отмечают, что "важной составной частью характеристики коммуникационной системы является параметр, показывающий опыт использования идиома в различных сферах общения" (4, 53). Это тем более важно в применении к ГМЯ. Недаром критерий испытанности и полифункциональности эсперанто стал одним из главных при оценке возможностей ГМЯ, проведённой М. Пеем: "выбор среди искусственных языков сегодня прост, так как только один из этих языков, эсперанто, представляет достаточно внушительное количество людей, которые на нём говорят, полностью развившуюся международную организацию и значительную литературу. На прочих плановых языках в настоящее время говорят слишком немногие или, как часто выясняется, их поддерживают

только собственные авторы и несколько преданных друзей", см. (I8, I2)). Как решит упомянутые проблемы логический язык, неясно.

В.К. Журавлёв отмечал, что "успех при сознательном воздействии общества на язык (такowym можно считать и создание ГМЯ - А.М.) может быть достигнут лишь в том случае, если такое воздействие рассматривается как содействие процессу адаптации данного языка к его реальным (подчёркнуто мной - А.М.) общественным функциям в данном социуме на данном этапе его развития при наличии данной развивающейся социалемы" (7, 313). Из этого верного, на наш взгляд, утверждения (мы добавили бы только: с учётом перспектив данной социалемы, социума, функций и внутренних характеристик языка в обозримом будущем), следует, что ГМЯ добьётся успеха только в том случае, если он будет иметь структуру, наиболее подходящую для выполнения реальных общественных функций международного языка нашего времени. Одно из главнейших (если не главное) требований - служить целям международной коммуникации. И, значит, исходя из этих позиций, логический язык только тогда имеет шансы на успех, когда он одновременно в наилучшей степени ободушивает нужды коммуникации. Однако, как уже было показано выше, логический язык нередко не облегчает, а затрудняет общение. В число важнейших функций международного языка входит обмен культурными достижениями. Логические же языки не могут быть носителями культуры в её полном объёме.

Совершенный логический язык исключает важнейшие универсалии этнического языка, в частности, полисемию и синонимию, и тем самым делает невозможным само познание - то, что он должен был бы по замыслу облегчить. Совершенный логический язык противоречит также важнейшему положению диалектики о незавершённости познания на каждом историческом этапе: совершенный язык сам по себе отличает ложное от истинного, т. е. достигает предела познания (правда, если понимать "ложное" и "истинное" в данный исторический отрезок времени, то противоречия не будет).

Итак, совершенный логический язык на роль ГМЯ обозримого будущего не годится. Значит ли это, что критерии логического языка, приёмы его конкретного воплощения вообще не должны приниматься во внимание при создании и оценке ГМЯ? Во-все нет. Здесь, как и во многих других случаях, интерлингвисты должны, на наш взгляд, не выбирать одно или другое, а определить, какие факты, явления и процессы лучше работают

на достижение целей коммуникации, с одной стороны, и мышления и познания – с другой; найти критерии их оптимального соотношения в зависимости от функций, которые должен выполнять конкретный ПМЯ в конкретное время; определить факторы, возможности и тенденции изменений как самого языка, так и его функций в целях прогноза возможностей адаптации ПМЯ к его будущим реальным функциям. Необходимо также критически рассмотреть весь инвентарь приёмов и методик решения тех или иных частных лингвистических проблем и усвоить то ценное, что применимо к создаваемой системе ПМЯ.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Болинджер Д. Атомизация значения. – В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981.
2. Вендлер З. О слове *good*. – Там же.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980.
4. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. Западная Африка. – М.: Наука, 1984.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования. – М., 1956.
6. Луличенко А.Д. О некоторых направлениях лингвопроектирования в современной интерлингвистике. – In: *Interlinguistica Tartuensis 2. Теория и история международного языка.* (УЗ Тарту ГУ. Вып. 644). Тарту, 1983.
7. Журавлёв В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.: Наука, 1982.
8. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. – М.: Просвещение, 1967.
9. Козлова М.С. Философия и язык. – М.: Мысль, 1972.
10. Корнилов В.А. Апостериорные языки и типология языкотворчества. – In: *Interlinguistica Tartuensis 2.*

11. Корнилов В.А. Лингвострановедческая теория слова и апостериорные языки. - In: Interlinguistica Tartuensis I. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 613). Тарту, 1982.
12. Костомаров В.Г. Проблема социальных функций языка и понятие "мировой язык". - В сб.: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1975.
13. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. - М., 1982.
14. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 7. М.: Прогресс, 1975.
15. Шалютин С.М. Искусственный интеллект. Гносеологический аспект. - М.: Мысль, 1985.
16. Bakonyi S. Civilisation e Lingua Universal. Essayo historico-cultural e linguistic. - Luzern, 1978.
17. Bausani A. Geheim- und Universalsprachen. Entwicklung und Typologie. - Stuttgart etc., 1970.
18. Bernasconi E. Faktoj kaj teorioj kontraŭ mitoj kaj antaŭjuĝoj - Esperanto aŭ Interlingua? - La Chaux-de-Fonds, 1977.
19. Blanke D. Konfronta lingvistika komparo de etnolingvo kaj planlingvo. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapest, 1980.
20. Brown J.C. Loglan: a Logical Language - Gainesville, 1966; 3-d ed.: Gainesville & Palm-Springs, 1975.
21. Brown J.C. Loglan 4&5: a Loglan-English/English-Loglan Dictionary. 2-nd ed. - Gainesville & Palm-Springs, 1975.
22. Drezen E. Historio de la mondlingvo. Tri jarcentoj da serĉado. 3-a eld. - Oosaka, 1967.
23. Esperanto-revuo, Rotterdam, 1976, n-ro 1.
24. Gode A. Discussiones de Interlingua. - Beekbergen, 1980.

25. Jarlibro 1985. (Universala Esperanto-Asocio). - Rotterdam, 1985.
26. Jozsa P. Al la unueca teorio de socia komunikado kaj kulturo (fragmentoj). - In: Dilemoj de la nuntempo - vide el Hungario. Budapeŝto, 1984.
27. Katalogo 1984/85. (Libroservo de UEA). - Rotterdam, 1984.
28. Melnikov A. Specifeo de fonaj scioj de la personoj, uzantaj Esperanton. - In: Acta interlinguistica. Scienca interlingvistika simpozio. Varsovio, 1985.
29. Reieredl O. Kriterioj por lingvotaksado en interlingvistiko. - In: Miscellanea interlinguistica. Budapeŝto, 1980.
30. Spitzbart H. Weltsprachen und Welthilfssprachen. - In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Berlin, 1973, H. 6.
31. Tauli V. Introduction to a theory of language planning. - Uppsala, 1968.
32. The Loglanist (La Loglentan). Journal of the Loglan Institute and all Loglanders.
33. Verloren van Themaat W.A. Kulturo en Esperanto kaj aliaj planlingvoj: la lingvistika, makrokultura kaj mikrokultura bazoj. - In: Planlingvistiko, 1984, n-ro 11.
34. Wells J.C. Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam, 1978.

PRI LOGIKISMO EN LINGVOPROJEKTADO

Aleksandr S. Melnikov

La artikolo traktas problemojn de apliko de logikemaj principoj en planlingvoj. Esplorinte konceptojn kaj realajn manifestigojn de la logikism-baza lingvoprojekto Loglan (de J.C. Brown) la aŭtoro konkludas, ke tiu projekto havas esencajn ligojn kun la koncepto de "ideala logika lingvo" kaj proceduro iom similas al la manipuloj de "lingvistika semantiko"-anoj. La aŭtoro montras, ke similaj lingvoj ne povus esti vehikloj de kulturo kaj malfaciligus internacian komunikadon, precipe la buŝan. Sed ĝuste tiuj funkcioj de internacia lingvo iĝas pli kaj pli gravaj. Krome, kvankam logikism-bazaj planlingvoj celas plifaciligi pensadon kaj mond-ekkonadon, pro manko de polisemio kaj sinonimio ili fakte malfaciligas (aŭ almenaŭ malfaciligas) tiujn procesojn.

La taskon de interlingvistiko la aŭtoro vidas ne en tio, ke ĝi elektu inter logikismaj kaj empiriemaj principoj, sed ke ĝi malkovru, kio laboras por komunikado, kio - por pensado kaj mond-ekkonado; ĝi trovu kriteriojn de ilia optimuma proporcio depende de la funkcioj, kiujn plenumas konkreta planlingvo en konkreta tempo; ĝi difinu faktorojn, eblojn kaj tendencojn de ŝanĝoj interne de la lingvo kaj rilate al ĝiaj proksimestontaj realaj funkcioj.

ПРОЕКТЫ ВСЕОБЩИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЯЗЫКОВ
(Хронологический индекс со II по XX вв.)

А.Д. Дуличенко

Содержание прикладного аспекта интерлингвистики составляет лингвопроектирование, подразумевающее производство лингвопроективного материала, лингвопроектов или иначе проектов языков, языковых проектов. Напомним: само слово "проект", вошедшее во многие языки и ставшее интернационализмом, латинского происхождения - *projectus* и дословно означает "брошенный вперед". Проект языка - это, таким образом, брошенный в социальную перспективу языковой набросок или языковой план с большей или меньшей детальностью разработанным составом единиц и правилами их сочетания и употребления. Учет по крайней мере двух сторон важен для понимания сущности языкового проекта.

В чисто лингвистическом, или иначе интралингвистическом, плане - это либо общий языковой набросок (напр., указание того, каким должны быть принципы его грамматического выражения, создания лексики и т.д.), либо более или менее детально разработанная система, которую можно назвать языком, поскольку в ней представлено все (или почти все), что характеризует любой этнический язык, т.е. определен состав единиц и правила взаимоотношения между ними на всех языковых уровнях. Однако это будет всего лишь "лингвистический язык", лингвистический конструкт, система "в себе", отвлеченная от носителей. "Лингвистический язык" может обладать разной степенью разработки как по уровням, так и внутри самих уровней. Такие построения с интралингвистической точки зрения имеют определенное теоретическое значение, поскольку дают возможность экспериментировать с языковым материалом в таких ракурсах, в каких это недопустимо, когда мы имеем дело с материалом этнического языка. Так, изобретатель лингвопроекта может лишить привычного разнообразия суффиксальное или иное оформление отдельных лексических групп, предложив вместо него единственный суффиксальный показатель; он может придать тому или иному классу слов, скажем, части речи, не характерные для известных эт-

нических языков грамматические признаки и под.

Однако любой "лингвистический язык" в перспективе мыслится как функциональная система, т.е. уже в самом факте оформления лингвопроекта его изобретателем заложена социальная перспектива. Потому лингвоним, т.е. имя языкового проекта, всегда сопровождает социально ориентированное прилагательное типа "всеобщий", т.е. для всех (людей земли), и близкие к нему "универсальный", т.е. не только для всех, но и для всего, "общечеловеческий" и "всечеловеческий" - обязательный для всех и, как правило, в будущем, "всемирный" и "мировой" - для всего мира или распространенный в мире (по миру), "международный" и "интернациональный" - предназначенный для общения между народами, "вспомогательный" - указывающий на дополнительную роль в коммуникации и под. Однако подобные адъективные приставки еще не делают лингвопроект языком в социолингвистическом смысле. Нужны его знатоки, носители и пропагандисты, которые обеспечивают лингвопроекту рождение его функционального статуса.

Таким образом, основное различие между интралингвистической и социолингвистической трактовками лингвопроекта состоит в том, что в первом случае перед нами лингвистический конструкт, или, как мы его условно называли, "лингвистический язык", во втором - функциональная система, связанная с коллективом носителей и подвергающаяся внутренним изменениям уже по законам функционирующего языка. В истории интерлингвистического конструирования можно выделить ряд закономерных соотношений между лингвопроектами, понимаемыми в интралингвистическом и социолингвистическом планах: при огромном числе лингвистических конструктов функциональный, или, шире, социолингвистический, статус получили лишь единицы, что естественно, так как для международного общения не нужен новый "лес международных языков"; так же как лингвистические конструкты имеют разную степень и теоретическую обоснованность разработки (здесь диапазон очень велик), различен и функциональный вес тех немногих лингвопроектов, которые освободились или пытались освободиться от привязки - "проект" и переходили в ряд собственно языков. И т.д. В этом можно видеть диалектику процесса интерлингвистического конструирования, обусловленную не только внутренними качествами изобретателя, но и социальными условиями, в которых и для которых этот изобретатель работает.

Надо особо отметить, что приобретение лингвопроектом

социолингвистических качеств стало возможным уже после того, как лингвоконструирование (и лингвопроектирование в частности) прошло многовековой путь своего развития и когда появились соответствующие социальные условия. Это произошло в XIX в., в его последней трети, когда волапюк (1879) Й.М. Шлейера, а затем и эсперанто (1887) Л. Заменгофа вышли из проективной стадии и стали развиваться по пути приобретения тех функциональных качеств, которыми характеризуются этнические языки. История движения за волапюк и особенно за эсперанто хорошо известна. Показательно, что первый по структуре, в которой много придумано, а зачастую и оторвано от реального языкового материала (материала живых этнических языков), по предназначению и по названию отражает предшествующий этап развития лингвопроектирования (resp. лингвоконструирования), когда изобретали непременно "всеобщий", "всемирный", "мировой", "общий", "единый" и даже "общечеловеческий" и "всечеловеческий" языки (срав. перевод лингвонима "волапюк: vola "мира" + pük "язык, речь", т.е. "язык мира", "мировой язык"). Второй, т.е. эсперанто, воплощает в себе новый подход и новое направление в интерлингвистическом конструировании – в структуре он опирается на реальные, наиболее распространенные (европейские) языки, а его предназначение значительно скромнее – быть международным вспомогательным средством общения. Если создатели всеобщих языков говорили о примате своего детища над этническими языками, то создатели международных вспомогательных языков стали отводить своим детищам более скромную роль. Кстати, в начале нашего века это уже было ясно. Русский языковед А.И. Томсон в своей книге "Общее языковедение" (1906), касаясь "настоящих искусственных языков и языков всемирных", например, отмечал, что "приверженцы всемирного языка уже успели настолько отрезвиться, что не мечтают больше о едином языке, вошедшем в народное употребление, а лишь об изучаемом искусственном языке для международных, главным образом письменных сношений между образованными людьми по техническим и научным целям". Между прочим, это давно закрепившееся в интерлингвистике положение иногда игнорируется отдельными языковедами, которые в своих суждениях о проблеме международного языка продолжают пользоваться старыми, изжитыми аргументами.

К функционально проявившим себя международным вспомогательным языкам, кроме волапюка и эсперанто, относятся так-

де латинско-слого-флексионе, или интерлингва (1903), окциденталь-интерлингве (1922), адо (1907), новинья (1928), интерлингва (1951) и некоторых других. Однако ни одно из этих движений не может ни по массовости, ни по продолжительности сравниться с движением во esperanto, которое существует и успешно развивается вот уже сто лет, движению, которое тем самым не только часто научно-теоретические, но и социальные возможности интерлингвистического конструирования.

Несмотря на различную интерлингвистическую и социолингвистическую ценность, лингвопроекты, созданные в разные времена и в различных странах мира, представляют определенный научный и социальный интерес. Уже в прошлом веке это понимали не только сами изобретатели лингвопроектов, но и профессиональные лингвисты, даже если они скептически относились к самой идее реализации искусственного международного языка. В качестве примера можно сослаться на высказывания русского лингвиста С. Булича в его статье "Во всемирный или международный язык", напечатанной в 1892 г. в "Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона" (т. VII, раздел III, с. 393-397): "...история этих различных попыток не лишена значения и интереса как с точки зрения историко-культурной (состоянием известного состояния общества), так и с точки зрения специально лингвистической (полная возможность совершенно условного, искусственного языка), а также со стороны массы труда и остроумия, затраченных на них". И далее: "Мы не можем и догадываться, что произойдет с языком в отдаленную эпоху, если развитие культурного мира будет идти без всяких помех и препятствий извне. Как бы то ни было, постоянное пожелание проектов всеобщего языка не только указывает на известные общественные потребности, но и служит, быть может, симптомом каких-то еще неясных будущих эволюций общества".

Если обратиться к отечественной интерлингвистике, то она всегда с вниманием относилась к тем многочисленным "общечеловеческим, единым, всеобщим, универсальным, всемирным, мировым, международным, вспомогательным, искусственным, рациональным... языкам", которые появились из-под пера как солидных авторов, так и тех, кто одним мгновением наивно хотел решить языковую проблему человечества раз и навсегда. Такая глобальность интереса ко всем без исключения лингвопроектам происходила не из-за какой-то неразборчивости, а прежде всего из стремления не пропустить в потоке однообразного материала интересное теоретическое решение. А это, в свою

очередь, необходимо было для разработки ряда фундаментальных проблем интерлингвистики.

Одна из первых попыток собрать воедино и инвентаризовать лингвопроективный материал принадлежит известному советскому интерлингвисту и востоковеду Н.В. Юшманову, который в сотрудничестве с В. Шурло в начале 20-х гг. планировал создание интерлингвистической ("космоглоттической") энциклопедии, условно названной "Алфавитным космоглоттическим справочником" - "Alfabetala kosmoglotista agendo". В сообщении об этом предприятии в идиотском журнале "Mondo" (1921, № 5, с. 68-69) сказано, что в энциклопедию войдут не только сведения об изданиях, событиях, лицах, причастных к движению за международный язык, но и материал "обо всех системах международного языка, включая пазиграфии" ("pri omna sistemi dil Linguo Internaciona, mem pasigrafii"). Идея этой интерлингвистической энциклопедии реализована не была. Спустя пять лет Н.В. Юшманов опубликовал собранный им лингвопроективный материал (он, видимо, планировался для "Алфавитного космоглоттического справочника") в виде списка в том же журнале "Mondo". В этом списке сведения о 362 лингвопроектах [7]. В 20-е гг. много занимается собиранием и классификацией лингвопроектов П.Е. Стоян, который по предложению Всемирной Ассоциации эсперанто выпустил в 1927 г. в Женеве сначала "Каталог языков естественных, народных, литературных, классических и искусственных" - в нем перечислено 350 проектов и более 50 проектов реформы эсперанто, а затем в 1929 г. ставшую впоследствии знаменитой "Библиографию международного языка" [6]. В 1928 г. Э.К. Дрезен издает монографию "За всеобщим языком. (Три века исканий)", содержащую сведения о 463 лингвопроектах (с XVII по 20-е гг. XX в.) [2]. После Дрезена лингвопроективный материал фиксировал Е.А. Бокарев - за 1925-1970 гг. в его списке более 250 названий (опубликован в предыдущем выпуске серии "Interlinguistica Tartuensis"; см. [1]). Если говорить о зарубежной интерлингвистике, то такой опыт имеется и там. Наиболее авторитетными являются труды Л. Кутюра, Л. Ло (Лё) начала века, затем монография М. Монро-Дюмена, вышедшая в Париже в 1960 г., а также "Каталог" Международного эсперанто-музея (Института международного языка) в Вене, составленный Х. Штайнером в 1958 г., и некоторые другие [3; 4; 5]. Один из последних зарубежных списков лингвопроектов был опубликован в 1976 г. в нидерландском бюллетене "Union" под названием "Repertorio de planlingvoj - Repertorium de planlin-

gues" и содержит 739 названий.

Предлагаемый хронологический индекс лингвопроектов отражает лингвопроективный материал нашей книги "Международные вспомогательные языки", находящейся в печати. Сведения о лингвопроектах в этой книге представлены энциклопедически, т.е. настолько полно, насколько это было возможно — вплоть до грамматических схем и образцов текстов, библиографии работ. Материал собирался в 60–70-е гг. В качестве источников послужили ранее указанные собрания лингвопроектов отечественных и зарубежных интерлингвистов, а также сведения, которые были собраны автором лично в течение многих лет и находятся в настоящее время в его архиве. Кроме того, использовался также материал интерлингвистической периодики, сейчас во многом труднодоступной. Ценный материал извлечен нами из таких журналов и бюллетеней, как таллинский "Kosmoglott" (1922–1926), парижский "Tolero" (1928–1930; в 1931–1934 — "Interlanguages"), жевевский "Progreso" (1908–1914, 1931 —), стокгольмский "Mondo" (1909 —), миланский "Schola et vita" (1926 — 1939), "Cosmoglotta" (1927 —), венский "Informilo de Internacia Esperanto-Muzeo" (1949 —), американский "The International Language Review" (1954–1967/68), западно-германский "Interlingvistika Informa Servo" (1958–1986), гетеборгский "Fokus" (1967 —) и некоторые другие. Многолетняя работа над собиранием, инвентаризацией и классификацией лингвопроективного материала позволила выявить большое число неточностей, ошибок и пропусков, которые переходили из одного (часто солидного) издания в другое.

Настоящий индекс содержит 916 лингвопроектов различной степени разработанности и ценности (если учесть 5 вариантов лингвопроекта НЭПО и столько же вариантов интерлингва Ассоциации Международного вспомогательного языка, то общее число лингвопроектов достигает 926). Хронологический диапазон велик — от II в. до 70-х гг. XX в. Лингвопроекты зафиксированы более чем в 40 странах мира. Автор не считает предлагаемый индекс абсолютно полным, конечным. В нем, конечно, имеются отдельные пропуски, о некоторых лингвопроектах не удалось собрать необходимых сведений. Но и при этом настоящий индекс является наиболее полным из всех известных.

Принято следующее представление материала: сначала идет лингвоним (название лингвопроекта), затем автор (изобретатель), место и страна. В рамках года лингвопроекты располагаются по алфавиту. Если лингвопроект разрабатывался в тече-

ние ряда лет, напр., в 1817-1866 гг., то он помещается после проектов, датированных 1866 г. Заключенные в квадратные скобки названия лингвопроектов или каких-либо другие обозначения условные, не авторские; при отсутствии лингвонима используются "крестики". Вслед за основным названием-лингвонимом в круглых скобках подаются варианты (в алфавитный ряд они не выносятся). "Звездочкой" помечены лингвопроекты, о которых собраны недостаточные сведения. В ряде случаев нет уверенности, идет ли речь о собственно лингвопроектах или же о чем-то другом.

II век

+ + + Galenus C., Pergam, Italia

VII-VIII века

+ + + Beda Venerabilis, England

XII век

[Ignota lingua]: Hildegardis, Rupertsberg/Bingen, Deutschland

XIII век

1280 + + + Lullius R., España

XVI век

Balaibalan: Mohyieddin/Muh-ed-Din, (?)

Latino macaronico: Folengo T.H., Italia

Lingua geral brasileira: (?), Brazil

1548 + + + Bibilander T./Buchmann T., Deutschland (?)

1550 * [Pasigrafia]: Tartaglia N., Italia (?)

1555 + + + Noetrdamus M., Lyon, France

XVI век (?)

* [Pasigrafio] : Schwenter, (?)

до XVII века

+ + + *Skyttius, (?)

XVII век

+ + + *Maire, sieur le, France

+ + + *Majero M., (?)

+ + + *Sethward, England (?)

+ + + *Spicelius, (?)

+ + + *Valles, France

1603 + + + *Top A., England

- 1617 + + + Hugo H., Antwerpen, Belgique
- 1619 (?) + + + Andenk J.V., Deutschland
- 1629 + + + " (?), Nederland
- + + + Descartes R., Paris, France
- 1630-1635 (?) Steganographia: Osramuel Lobkewits J., Bs-
pala
- 1647 [Common writing]: Hartlib S., London, England
- 1649 Lingua magica: Dury J., London, England
- 1650 Lingua universalis (Allgemeine Sprache): Labbe Ph.,
France
- 1652 + + + " Maignan E., Tolosa/Toulouse, France
- New perfect language: Lodowyk P., England
- 1653 + + + " Senal Ch., France
- Arithmetica nomenclator: Bernado P., Roma, Spagna/
Italia
- Logopandeotaisia (Universaal language): Urquhart Th.,
London, England
- 1657 Universaal obaraoter: Beck C., London, England
- 1661 + + + Becher-Spirensia J.J., Frankfurt, Deutsch-
land
- Lingua philosophica: Dalgarno G., London, England
- 1661-1662 [Universal language] : Newton I., England
- 1663 + + + Voss(ius) I., Oxford, England
- [Pseigraphie] : Worcester M. de E., London, England
- Poligraphia: Kircher A., Roma, Italia
- 1666 + + + Leibniz G.W., Leipzig, Deutschland
- 1665-1666 Panglottie: Komensky J.A., Českosloveneko
- 1659-1666 Руски језик (Ruski jezik): Križanić J. - Ю.Крижа-
нич, Jugoslavijska// Россия
- 1667 " [Pseigraphie] : Porele P., (?)
- 1668 Philosophical language: Wilkinz J., London, England
- 1670 + + + Lamy B., Paris, France
- 1674 [Pseigraphie] : Besnier F., Paris, France
- 1675 + + + " (?), Oxford, England
- 1676 + + + Sturm(ius) J.Ch., Nürnberg, Deutschland
- 1680 Nova lingua catholica et erudita: Kochanski A.A.,
Polska
- 1669-1680 (?) [Pseigraphie] : Uppendorf J., Deutschland
- 1681 + + + Müller A., Berlin, Deutschland
- Lingua ludovica seu universalis: Frisich (Frisch) J.,
Torun, Polska
- 1685 + + + Vienne de, Paris, France

- 1687 Langue universelle pour négociants: Bermonville de, Paris, France

XVIII век

- + + + Fréret N., France
 Sehlerai: Тенгеп П. (псевд. Tghransar), Смирна/ Izmir, Армения-Россия (Турция)
- 1710 (?) + + + (?), Bath (?), England
- 1711 Little language: Swift Dr., England
- 1720 + + + (?), France
- 1725 + + + Vico G.B., Napoli, Italia
- 1726 Allgemeine Schrift: Solbrig D., Berlin, Deutschland
- 1732 Scriptura oecumenica: Carpophorophilus, Leipzig, Deutschland
- 1750 + + + Richer L., Torino, Italia
- 1755 Lingua universalis: Will, Altona/Altena, Deutschland
- 1756 + + + Maupertuis P.L.M. de, Lyon, France
- 1759 + + + Michaelis M., Bremen, Deutschland
- 1764 + + + Lambert J.H., Leipzig, Deutschland
 + + + *Ploucquet G., Tübingen, Deutschland
- 1765 Langue nouvelle: Faiguet J., Paris, France
- 1763-1765 + + + Brosset Ch. de, Paris, France
- 1767 + + + Changeux P.J., Amsterdam, Nederland
- 1768 Langue de calculs: Condillac E.B. de, Paris, France
- 1769 Lingua philosophica: Chamberlaine N., Dublin, Ireland
 Universal and philosophical language: Jones W., London, England
- 1770 + + + *Choffin D.S., Halle, Deutschland
 + + + D'Alembert J.L., Paris, France
 + + + Lawth, England
- 1772 Lingua philosophica: Kalmár G., Tapolcafé, Magyarország
 Lingua universale: Soave F. (pseud. P.S.), Milano, Italia
- 1773 + + + Monboddo J.B., Edinburgh, England
- 1774 + + + Condorcet M.J.A.N., Paris, France
 + + + *Copineau, Paris, France
- 1777 + + + Murr Ch. G., Nürnberg, Deutschland
- 1779 Allgemeine Rede und Schriftsprache: Berger Ch.G., Berlin, Deutschland
- 1784 *Ganz neue Sprache: Armand M., Hamburg, Deutschland
- 1787 + + + *(?), Paris, France
- 1788 + + + De-Ria B. de, Петербург, Россия

- 1789 + + + Beauzée, Liège, Belgique
 *Pantographia: Fry E., London, England
- 1790 + + + Sapel G., Ljubljana, Jugoslavija
- 1791 + + + Kempelen F., Magyarország
- 1793 [Langue philosophique] : Ampère A.M., Paris, France
 [Opsteslovenski jezik] : Kumerdej/Cumerdej B., Slovenija, Jugoslavija
- 1795 [Письменный язык] : Вольке Х.Г., Санкт-Петербург, Россия
- 1794-1795 Langue universelle: Delormel C., Paris, France
- 1796 [Општи словенски језик] : Стратимировић С., Србија, Југославија
 * [Pasigraphie] : Sicard C.R.A., Paris, France
- 1797 Pasigraphie: Maimieux J. (pseud. J. von Morath), Paris, France
 Pasigraphie: Wolke Ch.H., Петербург, Россия // Dessau, Deutschland
- 1799 + + + Gerando J. de, Paris, France
 Noëmatopasigraphilalie: Dumont de Boneville F.M., Paris, France
 Pasigraphia: Grotefend H.F., Göttingen, Deutschland
- 1787-1799 + + + Busch G.E./J., Berlin, Deutschland
- 1795-1799 Pasigraphie und Antipasigraphie (Antipasigraphie)
 Vater J.S., Weisenfels, Deutschland

XVIII-XIX века

- + + + *Domergue F.U., Paris, France

XIX век

- + + + *Baumgarten, Deutschland (?)
- + + + *Estanac, (?)
- + + + *Juhle, Deutschland (?)
- + + + *Karl von, Deutschland (?)
- + + + *Leber, (?)
- + + + Swärds A.A., Templeton, USA
- + + + *Toller E., (?)

Français international: Arduin/Harduin, France (?)

- 1801 + + + Butet, France
 Polygraphie: Hourwitz Z., Paris, France
- 1803 Alphabet raisonné: Moussaud, Paris, France
- 1805 + + + Hetz A., Wien, Österreich
 Pasigraphie: Cambry J., Paris, France

- Pasigraphie: Näther J.Z., Oörlitz, Deutschland
 [Pasigraphie] : Schellenberger A.O., Arnheim, Deutschland
- 1806 Pasilogie: Visme de, Paris, France
- 1807 Pasigraphia: Schmid J.M., Dillingen, Deutschland
 Wspólny język ekowiański: Linde S.B., Warszawa, Polska
- 1805-1807 Pangraphie: Burmann, Mannheim, Deutschland
- 1808 + + + Sicaud R.A., Paris, France
 Pasigraphik und Ideographik: Niethammer F.I., Nürnberg, Deutschland
 Pasilalie: Burja A., Berlin, Deutschland
- 1809 * [Pasigrafia] : Prieur C.A. (?), Marne, France
 * Schriftsprache und Pasigraphie (Pasigraphie und Schriftsprache): Stein, München, Deutschland
 Sinnessprache: Riem A., Mannheim, Deutschland
- 1811 Langue universelle: K., Paris, France
 Pasitélégraphie: Firms Péries C. de, Stuttgart, Deutschland
- 1815 Allgemeine Sprache: Rosenhein/Rosenheyn, Deutschland (?)
- 1816 + + + * Maggazini/Magazini, Italia
- 1817 Thot (Allgemeine Sprachschlüssel): Lindau (?), Berlin (Breslau ?), Deutschland
- 1803-1817 [Langue bien faite] : Tracy D. de, Paris, France
- 1818 + + + Laromiguière P., Paris, France
 Lingua filosofica universale: Gigli M., Milano, Italia
- 1820 + + + * Cornel de, (?)
 Universalis nyelvnek (Steganographia): Gáti I., Budapest, Magyarország
- 1810-1820 * [Regular Russian] : Kopitar B. (Jernej), Wien, Österreich//Jugoslawija
- 1821 Lingua universalis: Réthy A., Wien//Magyarország
- 1826 Lingua slavicae universalis: Herkel J., Budapest//Československo
 * Synglosse: Faber J., Karlsruhe, Deutschland
- 183... (?) Tonographie: Grosselin A., Paris, France
- 1831 Genigrafia italiana: Matraya G., Lucca, Italia
 Homographie: Scott S., Wien, Österreich
 * Sprachwurzel: (?), Augsburg, Deutschland
- 1832 [Vilagnyelv] : Bolyai J., Magyarország
- 1790-1832 Pasigraphie: Gerber F.A., Bruchsal, Deutschland
- 1834 + + + Nodier Ch., Paris, France

- Langue bien faite: Le Meel, Paris, France
- 1836 + + + [■]Renou J.M., Lyon, France
- Langue universelle: Grosselin A., Paris, France
- 1837 Langue universelle: (?), Paris, France
- [■]Pasigraphie: Jonain P., Bordeaux (?), France
- 1838 Langue universelle: Denis L.P. de, Paris, France
- 1839 Communicationssprache: Schipfer J., Leipzig-Wiesbaden, Deutschland
- [■][Pasigraphie] : Le Harivel, France
- [■][Pasigraphie] : Martè, France (?)
- 1840 Phonarithmon: Henslowe W.H., London, England
- Polyglotte improvise: Renzi A., Paris, France
- 1841 [■]Pasilogie: Wocher M., Stuttgart, Deutschland
- 1842 [Общий язык] : Ильин Н.С., Россия
- Universal language: Howe S.G., Boston, USA
- 1843 Lugar (Langage physiologique): Herpain S., Nivelles (Brabant), Belgique
- 1844 Langue universelle et analytique: Vidal E.T., Paris, France
- Orbidaie: Bazin J., Lyon, France
- 1846 + + + Charma, Paris, France
- Pasilogia: Groves E., Dublin, Ireland
- 1847 [World English] : Bradshaw J., London, England
- 1848 Pangraphie: Ivičević S., Wien// Jugoslavijska
- 1835-1848 Hemi-pasigraphie: Jonain P., Bordeaux, France
- 1847-1849 Sveslavjanski jezik: Ban M., Beograd-Dubrovnik, Jugoslavijska
- 1850 + + + Razlag R., Slovenija, Jugoslavijska
- Pasigraphie: Fontana G.B.A., Marseille, France
- 1852 [■]Langue universelle: Gautier (?), France (?)
- Lengua universal: Martinez P.L., San Lucar de Barrameda, España
- 1845-1852 Lengua universal y filosofica: Sotos Ochando B., Madrid, España
- 1853 Langue universelle mimique: Rambosson J., Paris, France
- Pasilogie: Lichtenstein D-r, Breslau (Wrocław)// Deutschland
- Sveslavenski jezik: Raić, Jugoslavijska
- Weltdeutsch: L., Berlin, Deutschland
- 1854 [Langue universelle] : Comte A., Paris, France

- 1855 Langue universelle: Renouvier Ch., Paris, France
- 1856 Universal language: Edmonds G., London-Glasgow, England
- 1857 + + + *Drojat F., Paris (?), France
- 1858 Langue simplifiée: Parrat H.J.P., Porrentruy, France
- *Langue universelle: Deschaux, France (?)
- *Langue universelle: Silbermann, Paris, France
- Monopanglosse: Gagne F., Paris, France
- Pantos dimou glossa (Cosmoglossa): Rudelle L. de, Bordeaux-Paris, France
- 1858 (?) Langue universelle: Vaillant, București, Roumanie
- 1859 Nouvelle numération parlée: Verdu Dr., Bordeaux, France
- Pasigraphie: Paic M., Zemun (Semlin), Jugoslavijska
- 1860 + + + Гримм А.Т., Константинополь//Россия
- + + + *Gaugengil J., (?)
- 1862 + + + Bellavitis G., Venezia, Italia
- Alevato: Andrews S.P., New York, USA
- Langue analytique: Lauture de, Paris, France
- [Universal language] : Freeland E.B., New York, USA
- ≈1862 + + + Rössler K., Altenburg, Deutschland
- 1860-1862 (?) * [Pasigrafia] : Sunderwall F.G., Stockholm, Sverige
- 1863 Idéographie: Mas S. de, Paris, France
- * [Simplification du français] : Clerc E.A., Lyon, France
- 1864 Mundografie: Gablenz M.H., Dresden, Deutschland
- 1861-1864 + + + Чернушенко Д.Н., Харьков, Украина/Россия
- 1865 *Langue universelle: Lucien P., (?)
- Langue universelle: Roux J.T., France
- 1863-1865 Узајемни славјански језик : Majar M., V Gorjah (Korúška - Kärnten), Jugoslavijska
- 1866 Pasigraphie: Schmitt A., Mainz, Deutschland
- Scriptura universalis: Hunkele J., Paderborn, Deutschland
- 1817-1866 Solresol: Sudre J.F., Paris, France
- 1867 Langue auxiliaire universelle: Le Hir L., Saint Paul-de-Léon, France
- Langue internationale universelle: Boudevillain A., Gisors, France
- Langue universelle: Caumont A., Le Havre, France

- 1868 Universalglot (Universal-Sprache, Langue universelle): Pirro J., Paris, France
- 1868 (?) Ideographie lunaire: Vertus A. de, Château-Thierry, France
- 1852-1868 Pasigraphie: Bachmaier A., Augsburg, Deutschland
- 1869 Universal dolmetscher Sprache: Staffler A.F., Innsbruck, Österreich
- 1870 Pasigraphie: Pojattina N., Wien, Österreich
Universal-Dolmetsch: Humar J./Helmar G., Graz//Jugoslavija
- 1871 Code international des signaux (Langue maritime universelle): Paris, France
- 1872 [Pasigraphia] : Jókai M., Budapest, Magyarország
[Vseslovanski jezik] : Caf O., Slovenija, Jugoslavija
- 1874 New universal cipher language (International correspondence): Stewart Ch., London, England
Pasigraphy: Hamerton P.G., New York, USA
- 1871-1874 Monoglottica: Ferrari G., Modena, Italia
- 1875 + + + *Glaberg, (?)
+ + + *Indre, (?)
Lingua Iumina: Dyer J.W., London, England
- 1876 Praktische Pasigraphie: Damm J., Leipzig, Deutschland
- 1877 Langue internationale étymologique: Reimann F., Paris, France
Pantographia: Kovácsné I., Budapest, Magyarország
- 1878 *Langue universelle: Rechmann, (?)
Lingwe universala (Lingvo universala): Zamenhof L.L., Warszawa, Polska
- 1875-1878 Grammatica universale: Sertorio G.F., Porto Maurizio, Italia
- 1879 *Begriffsschrift: Trege G., (?)
Volapük: Schleyer J.M., Konstanz, Deutschland
- 1879 (?) Ixessoire: Brouhot P., Poincaré L. et R., Nancy, France
- 188... (?) Homapar: Fazekas J., Wien//Győr, Magyarország
- 1880 + + + *Hasemann, Deutschland (?)
+ + + *Walter A., Wintertur, Schweiz
Всемирно-научный язык: Глубоковский М.Н., Москва, Россия
- 1881 *Langue universelle: Besnard F., Asay sur Mer, France

- Lingvo univereala: Zamenhof L.L., Polska
- 1883 Weltsprache: Volk A., Puchs R., Berlin, Deutschland
- 1884 + + + Mantegazza P., Italia (?)
- + + + Robida, Paris, France
- Идеография: Барановский С.И., Харьков, Украина/Россия
- Blaia zimondal: Meriggi C., Pavia, Italia
- Neulatein: Sturmhöfel A., Berlin, Deutschland
- 1875-1884 Neo-latine: Courtonne E., Nice, France
- 1885 + + + ^{AB}Abel C., (?)
- + + + ^{SP}Sprague Ch., England
- + + + Telfy I., Magyarország
- Pasilingua: Steiner P., Neuwied, Deutschland
- 1886 Chabé-aban (Langue naturelle): Maldant E., Paris, France
- Langue universelle: Menet Ch., Paris, France
- Nal Bino: Verheggen S., Liège, Belgique
- Pasigraphia: Bobula J., Budapest, Magyarország
- Rosentalographia: Rosental/Rosenthal (?), Roma, Italia
- Sprachwissenschaftliche Kombinatorik: Bauer J., Zagreb (Agram), Jugoslavija
- Tolmácsnyelv: (?), Budapest, Magyarország
- 1852-1886 Langue universelle: Letellier C.L.A., Caen, France
- 1870 (?) -1886 Langue universelle: Agnus, Paris, France
- 1887 Balta: Dormoy E., Tours, France
- Bopal: Streiff M. (pseud. S. de Max), Paris, France
- Esperanto (Lingvo Internacia): Zamenhof L.L. (pseud. D-r Esperanto), Warszawa, Polska
- Kokographie: Friedrich P., Praha, Československo
- Nuvo-Volapük: Kerckhoffs A., Paris, France
- Pasilingua hebraica: Lenz F., Neuwied, Deutschland
- [Universal language] : American Philosophical Society, Philadelphia, USA
- Visona (Universal and natural language): Sivārtha, Chicago, USA
- Weltsprache (Universal-Sprache): Eichhorn N., Bamberg, Deutschland
- 1886-1887 + + + Щерць В.Г., Москва, Россия
- 1888 + + + Boltz A., Berlin-Leipzig, Deutschland
- + + + ^MMüller E., Berlin, Deutschland
- + + + Nag N., Firenze, Italia

- American language (German-English/Germanik English):
 Molee E., Chicago, USA
 Kosmos: Lauda E.A., Berlin, Deutschland
 Lengua universal: Escriche y Mieg T., Madrid, España
 Lengua universal: Selbor L., Madrid, España
 Lingua: Henderson G.J., London, England
 Lingua franca nuova (Weltitalienisch, Weltitalienisch Franca): Bernhard S., Wien, Österreich
 Mundolinco: Braakmann J., Hillegom, Nederland
 Spelin: Bauer J., Zagreb (Agram), Jugoslavija
 *Universal language: Ellis A., London, England
 Verkehrssprache: Lott J., Österreich
 World English: Bell A.M., London, England
- 1889 + + + Lenze K., Leipzig, Deutschland
 Настоящий (живой) всемирный язык: Старчевский А.Ф.,
 Петербург, Россия
 Anglo-Franca: Henderson G.J. (pseud. Hoinix P.), London, England
 Compromiss-Sprache: Lott J., Wien, Österreich
 Langage simplifie: Thauist, Toulon, France
 Langue facile: Henderson G.J., London, England
 Lengua universal: Ugarte E.G., Quadalajara, España
 Myrana: Stempfl J., Kempten, Deutschland
 Oidapa: Chancerel, France
 Panglossie: Le Dantec (pseud. ?), Paris-Brest, France
 Sermo: Browne A., England
- 1890 Lengua catolica (Catolica, Langue catholique): Lip-
 tay A., Paris, France
 Lingua internazionale: Lott J., Wien, Österreich
 Linguo internacia: Huertas R., Malaga, España
 Nov Latin: Gasté, Aix les Bains, France
 Nov Latin: Rosa D., Torino, Italia
- 1889-1890 Mundolingue: Lott J., Wien, Österreich
 Zilengo: Oka A., Japan/Nippon
- 1891 + + + Lott J., Österreich
 Colonial English: Lentzer, London, England
 Idiome universel: Marini H., Paris, France
- 1892 *Langue internationale: (?), France
 Svjetski jezik (Umjetni svjetski jezik): Maretić T.,
 Zagreb, Jugoslavija
- 1893 + + + (?), Nürnberg, Deutschland
 Франсезин: Лякида А., Петербург, Россия

- Anti-Volapük (Mezzofanti-Sprache): Mill F., Neuwied, Deutschland
- Dil: Fieweger (pseud. D-r Gül in/en Bagdad), Breslau (Wrocław)//Deutschland
- Lingua internacional: (?), Петербург, Россия
- Lingua monde: French E.D., USA
- Luftlandana: Larsson G.A., Stockholm, Sverige
- Orba (Kosmal Idioma): Guardiola J., Paris//España
- Universala: Heintzeler E.H., Stuttgart, Deutschland
- 1894 Casuela: Voiral S., Algérie/France
- Communia: Stempf J., Kempten, Deutschland
- [Esperanto reformita] : Zamenhof L.L., Warszawa, Polska
- Parlo: Rietmann C., (?)
- 1890-1894 Oregon trade language (International language): Hale H., London, England
- 1895 Lingu intrnasionik: Розенбергер В.К., Петербург, Россия
- Novilatiin: Beermann E., Leipzig (Nordhausen), Deutschland
- *Veltspek: (?), (?)
- 1896 Adjuvanto: Beaufront L. de, France
- Analitic modern latin: Grabowski A., Warszawa, Polska
- Central dialekt: Nilson A., Gefle, Sverige
- Lingua moderna (Reforma projecto): Grabowski A., Warszawa, Polska
- Veltparl: Arnim W., Oppeln, Deutschland
- Vest-Europish central dialekt: Nilson A., Gefle, Sverige
- 1897 *AFGA: (?), (?)
- *Langue sacrée: Soldi E., Paris, France
- Lasonebr: Nilson A., Gefle, Sverige
- Nuove-Roman: Puchner J.E., Linz, Österreich
- Zentral-Sprache: Lenze K., Leipzig, Deutschland
- 1898 *Algebra der Grammatik: Stohr, (?)
- Dey Daynd: Guerero A.J., Barcelona, España
- Dilpok: Marchand A., Besançon, France
- Patoiglob: Bohin P.B., Bohinville (Orne), France
- 1896-1898 Прометей-Просветитель: Гурин Е. (псевд. Д-р Н. Новодум), Киев, Украина-Россия

- 1899 Bolak (Langue bleue): Bollack L., Paris, France
Clarison: (?), (?)
Dialect Centralia: Nilson A., Gefle, Sverige
Lingue international: Lott J., Wien, Österreich
- 1900 Langage humain: Umano (pseud.), Bern, Schweiz
Langage instantane: Chappaz J.M., Villela-Grand, France
Lingua komun: Kürschner F., Orselina/Locarno (Tessin), Schweiz

XX век

- + + + [✠]Anders, Orbeck, USA
+ + + [✠]Arioni-Boera: (?)
+ + + [✠]Audi: (?), Maribor, Jugoslaviya
+ + + [✠]Basic International: (?), (?)
+ + + Eksternacia lingvo: (?), Россия/СССР
+ + + [✠]Engrican: (?), (?)
+ + + [✠]Fonoline: (?), (?)
+ + + Interromanic: Podobský J., Podmele L., Československo
+ + + [✠]Mondo: (?), (?)
+ + + Neo-Latino: Korłowski W.M., Poznań, Polaka
+ + + [✠]New Chino-Japanese: (?), (?)
+ + + Ørberg sistemo: Ørberg H.H., København, Danmark
+ + + Oz: Milton Ch.E., Cincinnati, USA
+ + + [✠]Reformido: (?), (?)
+ + + [✠]Slawsky: (?), England (?)
+ + + Teflagdu: Rousseau F., Andrades, France

XX век (?)

Europäische Sprache: Engelmann F., Timișoara, România
Latinoid: W.C.R., Swansea, (?)
+ + +

- 1901 Langue numerique (Correspondance Internationale): Alessi H. d', Paris, France
Linguum isliianum (Isly): Isly F., Paris, France
- 1890-1901 Latinesce (Latinised English): Henderson G.J., London, England
- 1898-1901 Zahlensprache (Nummerlingve): Hilbe F., Feldkirch, Deutschland
- 1902 [✠]Цифровая идеография: Чешихин В.Е., Петербург, Россия
Graphische Sprache: Haag C., Stuttgart, Deutschland

- Miografia: Casarico A., Cordova, Argentina
 Neu-Latein (Universal-Latein): Frandsen E., Wien, Österreich
 Panroman: Molee E., Chicago, USA
 Reform-Latein: Fröhlich K., Wien, Österreich
 Tutonish (Anglo-German Union Tongue): Molee E., Chicago, USA
 Völkerverkehrssprache: Dietrich C., Dresden, Deutschland
 Ziffern-Grammatik: Rigler W., Graz, Österreich
- 1893-1902 Idiom Neutral: Kadem bevünetik Volapüka/Akademi
 internacional de lingu universal - Rosenberger
 W.K./Розенбергер В.К., Петербург, Россия
- 1901-1902 Universal-Latein: Möser W., Innsbruck, Österreich
- 1903 + + + André Ch., Paris, France
 + + + Bel H., Montreal, Canada
 Latino sine flexione (Interlingua): Peano G., Torino, Italia
 Lingua lucida: Dyer F.W., London, England
 Panroman: Molenaar H., Leipzig, Deutschland
 Tal: Hoessrich A., Sonneberg, Deutschland
- 1904 Fonetiko litera: Berthelot P. (pseud. M. Verema), Céret, France
 Correspondance écrite universelle: Warnery C., Paris, France
 Mundelingva: Hummler J., Saulgau (Württemberg), Deutschland
 Perio: Talundberg M., Elberfeld, Deutschland
 * [Reformita Volapük] : Dietrich C., Dresden (?), Deutschland
- 1904 (?) Latino commerciale (Latin commercial): Chillet
 (pseud. Colombo Ch. dr), Paris, France
- 1889-1904 Spokil: Nicolas A., Paris, France
- 1905 Новый разговорный язык: Д-в, Москва, Россия
 • Langue internationale: Hély V., Langres, France
 * Pasigraphie: Carus F., Paris, France
- 1896-1905 Lingua internacional: Zakrzewski A., Warszawa, Polska
- 1906 Ekselsioro: Greenwood F., London, England
 Glanik/Glan-ik: (?), New York, USA
 [Idiom Neutral reformed] : Розенбергер В.К., Петербург, Россия

- [Idiom Neutral reformed] : Валь Э., Ревель/Таллин,
Эстония-Россия
Mondlingvo: Trisohen H., Dresden, Deutschland
Niu Teutonis: Molee E., Tacoma, USA
Pan-kel: Wald M., Gross-Beeren, Deutschland
Ulla: Greenwood F., London, England
Uni(vers)al (Universal, Unial): Molenaar H., Leipzig,
Deutschland
- 1907 + + + Kornerup Th., Hjoering, Danmark
+ + + Wise, Philippines/Pilipinas
Лого (Logo): Дарде Э., Макеевка, Украина-Россия
Antido [i] : Saussure R. de, Genève, Suisse/Schweiz
Apoléma (langue internationale pacifiste): Grasse-
rie R. de la, Paris, France
Elekta: Jespersen O., København, Danmark
Idiom Neutral reformed: Pinth J.B., Neudorf, Luxem-
burg
Idiom Neutral reformed: Розенбергер В.К., Петербург,
Россия
Ido (Esperanto reformita): Beaufront L. de/Couturat
L./ Délégation pour l'adoption d'une langue auxi-
liaire internationale, Paris, France
Lingua European (European): Bijlevelt B. van, Brux-
elles, Belgique
Master language: Houghton S. Ch., Roma, USA
Neuslawisch: Hošek I., Kromeriz, Československo
Novilatin: Beermann E., Leipzig, Deutschland
[Novilatin] : Blondel A., Paris, France
[Pasigraphie] : Gottwald, Magyarország
- 1907 (?) *Lanopikuro: David F., Genève, Suisse/Schweiz
Mondo: Lévesque T., Villejuif (Seine), France
- 1906-1907 Parla: Spitzer C., Heidelberg, Deutschland
- 1908 + + + Duthil A., Reims, France
Corintic: Miller A., Carlisle, England
Ilo: Haugg A., München, Deutschland
Ilo: Lemaire Oh., Bruxelles, Belgique
Interprète international (Interpres, Interpres inter-
national): Hély V., Langres, France
*Languo auxiliara: Trac (Cart), (?)
Linguo internationala: Phipson E., Croydon, England
Mez-voio: Jamine J., Bruxelles (?), Belgique
[Pasigraphie] : Pazár, Magyarország

- 1908 (?) Reformiertes und reduziertes Volapük: Welsch J. (?),
Joinville (S. Catharina), Brazil
- 1906-1908 Ro: Foster E.P., Cincinnati, USA
- 1907-1908 Pan-Arisch: Lundström P. (pseud. P.L. Friedmann),
Altona, Deutschland
- 1909 Auli: Валь Э., Петроград, Россия
Dutalingue: Duthil A., Paris, France
Esperanto reformita: Брандт Р.Ф., Москва, Россия
Idiom Neutral modifiket: Meysmans J., Bruxelles, Belgique
Ile: Seidel A., Berlin, Deutschland
Ilo (Internationale Sprache): Ziemer H., Husum, Deutschland
Italico (Interlingue): Triola R., Napoli, Italia
*Langage symétrique: Le Dantec (pseud. ?), Paris, France
Median: Huart A., Cannes, France
Nummer (Number, Numéro): Jekel N., Wien, Österreich
Perfektsprache (Lingua perfect, Perfektlinguo):
Hartl A., Linz, Österreich
*Reform-Esperanto: Mainzer L., Leipzig, Deutschland
Romanal: Michaux (pseud. A.M. Boningue), Bolougne-sur-Mer, France
Salvador: Gavidia F., San-Salvador, España
Unial: Weisbart J., Mainz, Deutschland
*Universalo: Phipson E., Croydon, England
Weltsprache Esperanto: Götze H., Dresden, Deutschland
- 1908-1909 Inspirantu (Reform-Esperanto): Seidel A., Berlin, Deutschland
Romanizat(o): Брандт Р.Ф., Москва, Россия
- 191... (?) *Konkordia/Konkordio: Saussure R. de, Suisse/Schweiz
- 1910 Научно-международный язык: Венгеров В.И., Екатеринбург-Свердловск, Россия
Adjuvilo: Colas C. (pseud. V. Esperema), Paris, France
Antido 2: Saussure R. de, Genève, Suisse/Schweiz
Correspondance universelle chiffrée: Orsat J., Paris, France
*Esperantido: (?), (?)
Latino internationale (Interlingua): Basso U., Ventimiglia, Italia

- Linguo Romane universale (Powszechny język romański):
 Słoniński J., Warszawa, Polska
- Mondea: Schaefer J., Berlin, Deutschland
- Mondlingu: Bond S.E., Wellington (Somerset), England
- Nuv Esperanto (Nov-Esperanto): Barral J., Berlin, Deutschland
- [Perfektigo de Esperanto] : Romański Z., Polska//
 Львов, Украина-Россия
- Philosophical language: Wishard G.W., Libanon (Ohio), USA
- Reform Esperanto: Hugon P.D., London, England
- Reform Esperanto: Rodet F., Paris, France
- Semilatin (Halblatein): Moeser W. (pseud. Austria-cus), Wien, Österreich
- Universal: (?), Lisboa, Portugal
- Veltlang (World-English): Braendle F., Washington, USA
- 1910 (?) + + + Макаров Н.П., Россия
- Nove Latine: Ernst D-r, Warburg, Deutschland
- 1908-1910 Eulalia: Škrabec S., Slovenija, Jugoslavija
- Langue universelle sémantique: Croegaert J.E., An-vers, Belgique
- 1911 + + + Eldridge R.G., New York, USA
- Международно-научный язык [I] (Internacionu Sientu lingua): Ковалев А., Ростов-на-Дону, Россия
- Alteutonish: Molee E., Tacoma, USA
- Latin-Esperanto: Vanghetti G., Italia
- Lingua Franka: Стоян П.Е. (pseud. R. Pranioki), Пет-роград, Россия
- Lingua internationale: Meysmans J., Bruxelles, Belgi-que
- Medio: Nachtigall O., (?)
- Molog: Sarranton H. de, Cannes, France
- Simplo: Ferranti (?), Roma, Italia
- Spiranta: Стоян П.Е. (pseud. P. Radovich), Петроград, Россия
- 1912 Адельфийский язык (Adelfeal lingw): Ковалев А. (псевд. Алеси), Ростов-на-Дону, Россия
- Aryana: Стоян П.Е., Петроград, Россия
- Europal (Europäisch): Weisbart J., Hamburg, Deutsch-land
- Fraternitat: redento de li Baroni del Monaco
- Interlatino: Unione pro Latino Internationale, Venti-

miglia, Italia

Interlingua: Bernhaupt J., Beiruth, Deutschland

Lingvo kosmopolita: Saussure R. de, Genève, Suisse/
Schweiz

manbab: Beuthner A., Markneukirchen, Deutschland

*Neu-Esperanto: Kühnert M., Leipzig, Deutschland

Omnez: Bond S.E., Wellington (Sommerset), England

Reform-Neutral: Розенбергер В.К., Петроград, Россия

Slavina (Slava Esperanto): Konečný J., Praha, Československo

Tersboca: Rotter M., Zürich, Schweiz

Verbesserte Weltsprache Esperanto (Reformed Esperanto): Stephan F. (pseud. W. Stelzner, O. Wagner), Leipzig, Deutschland

1913 Вива: Несмеянов Н.А., Москва, Россия

Грамматическая идеография (Gramatikal ideografio):

Чешихин В.Е., Рига, Латвия-Россия

Неосинография: Чешихин В.Е., Рига, Латвия-Россия

Напо: Чешихин В.Е., Латвия-Россия/СССР (варианты и их совершенствования в советское время)

Altayko: Sondahl M., Alagoinhas, Brazil

Domni: Bond S.E., Wellington, England

Lingvo cosmopolita: Saussure R. de, Genève, Suisse/
Schweiz

Telekaba: Pirquet K., Wien, Österreich

Uropa: Donisthorpe W., Guilford, England

1911-1913 (?) Latin-Ido: Vanghetti G., Italia

1912-1913 Esk: Sondahl M., Alagoinhas, Brazil

Slovanština: Kolko E., Jevicko, Československo

1914 + + + Тихомиров В.В., Москва, Россия

Ariana: Стоян П.Е., Петроград, Россия

Europeo: Bravo del Barrio C.A., Madrid, España

Interlingua (Neulateinisch): Pinth J.B., Luxemburg

Union-sistem: Barral J., Berlin, Deutschland

1914 (?) Universal: Immanuel of Jerusalem, Prince, Cairo
Egypte

1911-1914 *Europäische Sprache: Borgius W., Berlin, Deutschland

Международно-научный язык [II] (Internacia Syenta lingvo [II]) Ковалев А., Ростов-на-Дону, Россия

- Международно-научный язык [III]** (Internacia Syenta lingvo [III]): Ковалев А., Ростов-на-Дону, Россия
- 1915 **Нэпо славянское:** Чешихин В.Е., Нижний Новгород (Горький), Россия
Wede: Baumann A., München, Deutschland
- 1912-1915 **Alteutonik:** Molee E., Tacoma, USA
- 1916 **Философский язык:** Линцбах Я., Петроград, Эстония-Россия
Geoglot: Donoghue T.J., Boston, USA
Mittelmachte Esperanto: (?), München, Deutschland
Weltdeutsch, das verbesserte Wede: Baumann A., Dissen vor München, Deutschland
- 1913-1916 + + + **Стоян П.Е., Чуповский Д., Петроград, Россия**
- 1915-1916 **Weltdeutsch:** Ostwald W., Deutschland
- 1917 **etem:** Диманов Н.В. (иногда псевд. Е. Фирузабадов), Петроград-Ленинград, СССР
Glott: Петрашевич В. (pseud. V. Pevich), Петроград, СССР
Grammaire fixée: Kornerup Th., København, Danmark
Ujlatin (Neo-latin): Koleszáar A., Magyarország
*American: O'Connor Ch.L., Buffalo, USA
- 1916-1917 *Optez: Bond S., Wellington (Somerset), England
- 1918 **Extra lingua:** Miller A., Dartford (?), England
Glott: Петрашевич В., Алапаевск, СССР
Nov Latin logui: Pompiati K., Wien, Österreich
Parlamento: Ferrier G. (pseud. G. Ferry), S. Imier/Simier, Suisse/Schweiz (?)
Universalspråket: Keyser K.G.F., Stockholm, Sverige
- 1919 **Нэпо идеографическое:** Чешихин В.Е., СССР
Нэпо международное: Чешихин В.Е., Петроград, СССР
Нэпо национальное: Чешихин В.Е., Петроград, СССР
Нэпо-пасидалия: Чешихин В.Е., СССР
Esperantida (Esperantido): Saussure R. de (pseud. Antido), Bern-Neuchâtel, Suisse/Schweiz
Latinulus: Martellotta V., Bari, Italia
Lips-Kith: Scarisbrick J., Trowbridge, England
Verbessertes Esperanto: Völz P., Leipzig, Deutschland
- 192... (?) *Ido Novialisat: Tz., (?)
*Ido reformita: Kent R.G., USA
*Ido reformita: Tankerton, (?)
- 1920 **AO [I]:** Гордин В.Л., Москва, СССР

- Ariadna lingvo (Arling, Esperido): **Шурло В.** (pseud. Vlasha), **Рига, Латвия**
- Neo-Latina: Diemen J. van, Noordscharwoude, Nederland
- Slavski jezik: Holý B., Nové Město nad Metují, Československo
- 1921 Boyscout language: Baden-Powell (?), (?)
- Dynamic language: Molee E., Chicago, USA
- Hom-Idyomo: Cárdenas C., Wien, Österreich
- Interlingua in forma di Semilatin: Möser W., Linz, Österreich
- Nove-Latina: Diemen J. van, Noordscharwoude, Nederland
- Optoez: Bond S.E., Wellington (Somerset), England
- QJ: **Кухель-Краевский С.А., Петроград, СССР**
- Timerio: Thiemer, Berlin, Deutschland
- Transcendent algebra (Ideographie matematical): **Линцбах Я., Таллин, Эстония**
- 1922 + + + Schwarz W., Lauenburg, Deutschland
- Interlingua: Semprini G., Bologna, Italia
- Interlingua systematic/sistemátic (IS): Rossello-Ordines J., Palma de Mallorca, España
- Interlingue (Occidental): **Валь Э., Таллин, Эстония**
- Qšmiani (Cosmian): Beatty W.M.L., Centerburg (Ohio), USA
- Synthetic language: MacPike E.F., Chicago, USA
- *Ultimate language: Kirkwood H., England (?)
- 1922 (?) Mundolingua (Menimo): Starrenburg D., Valencia, España
- 1919-1922 Amiana: **Стојан П.Е., Крагујевац, Југославија**
- 1923 Babilonska uganka: Ertl A., Maribor, Jugoslaviја
- Espido: Pesch M., Genève, Suisse/Schweiz
- Federal (Idiomo Federal, langue fédérale): Barral J., Nice, France
- Langue écrite internationale: Espó de Matz S.-P.G., Tours, France
- Liana: **Стојан П.Е. (pseud. P. Radovich), Кишинев, Молдавия**
- Lingvo kommona: K.J.L., Тбилиси, Грузия, СССР
- Toito spike: Molee E., Tacoma, USA
- Unesal interlingu: Weferling E., Braunschweig, Deutschland
- Unilingue (Interlingue): Lavagnini A., Roma, Italia
- Unita: **Стојан П.Е. (pseud. P. Radovich), Кишинев, Мол-**

ДАВИЯ

Uniti langue: Riedel F.A., Scheffers O., Dessau, Deutschland

1921-1923 (?) *Panhomel: (?), Sydney (?), Australia

1922-1923 Medial: Weisbart J., Nürnberg-Hamburg, Deutschland

Neolatine: Semprini G., Bologna-Roma, Italia

1924 + + + *Gilbert F.R., Berlin-Leipzig-(New York), Deutschland

+ + + *Iyster B.B., England

AO [II]: Гордин В.Л., Москва, СССР

Aspiranto: (?), (?)

Esperanta: Železný J., Těchonice, Československo

IALA: Spratt W.G., Jersey, USA

*Ilo: Talmey M., New York, USA

Latuna: Bois G. du, New York, USA

World English (Cosmo-English): Hamilton J.W., St. Paul (Minnesota), USA

1925 Arulo (Gloro): Talmey M., New York, USA

Esperanto simpligita: Kubacki J., Milwaukee, USA

Esperido: Raymond H.E., Kalamazoo, USA

European: Weisbart J., Nürnberg, Deutschland

Ideografja analityczna: Erdman E., Kraków, Polska

Ido avancit: Harding R., London, England

Latin simplifié: Reverchon L., Neuchâtel, Suisse/Schweiz

Latinesco: MacMillan H.J., Birkenhead, England

Latino viventi: Fibula, Torino, Italia

Lingua nazionale della terra: (Ling du mond, Ling national de le ter, Vox mondial): Consoli S., Catania, Italia

Monario [I] : Lavagnini A., Roma, Italia

Nov-Esperanto: Saussure R. de, Bern, Suisse/Schweiz

Om: Vulda L., Calcutta, India/Bharat

Universal: Муравкин Г.И., Василевский Л.И. (псевд. Harlen-Vamu), Харьков-Москва, Украина, СССР

*Panskrit: Weferling E., Braunschweig, Deutschland

*Verbo steno: Milles-Puyredon, Bruxelles, Belgique

1925 (?) Euphony: Stewens W., (?)

Mondial: Ramstedt A.Z., Helsinki, Suomi

1926 + + + *Heydorn W., Hamburg, Deutschland

Омо: Венгеров В.И., Свердловск, СССР

Espo: Stojan P. (pseud. Ribaulb), Genève, Suisse/Schweiz

- Magistri: Houghton S. Ch., San Jose, USA
 Meso: Bond S.E., Wellington (Sommerset), England
 Ost: Ostaszewski A., Polska
 Plibonigita Esperanto: Wingfield P.C., Chicago, USA
 Una: Buckel F., Gesees bei Bayreuth, Deutschland
 *Universal: Mossi M.A., Tucuman, Argentina
- 1923-1926 Neoromani/Neoromano (Linguo Neoromani/Neoromane/
 Język neoromański): Szonimski J., Polska, War-
 szawa
- 1925-1926 Eo: Stojan P.E. (pseud. Ribaulb O.D.), Genève,
 Suisse/Schweiz
 Weltpitshn: Baumann A., München, Deutschland
- 1927 **Общечеловеческий язык: Циолковский К.Э., Калуга, СССР**
 Anglido: Raymond H.E., Kalamazoo, USA
 Cosman: Milner H., Ustí nad Labem, Československo
 Cosmolingvia: Horowitz S., Kraków, Polska
 Ideala lingvo: Jung T., Horrem, Nederland
 Mond-lingvo: Weisbart J., Nürnberg, Deutschland
- 1917-1927 Panedo: Писаренко М.С., Одесса-Херсон-Москва, Ук-
 раина/Россия, СССР
- 1926-1927 Loqa: Nield G., Marseille, France
- 1928 I.D.O.: Meazzini G., Catania, Italia
 Ido simpligata: L.M., (?)
 Novam: Toufflet G., Paris, France
 Novial [I] : Jespersen O., København, Danmark
 Oiropa pitshn: Baumann A., München, Deutschland
 Serve (Servasprache): Kunstovný O.T., Praha, Česko-
 slovensko
- 1910-1928 + + + Sentis H., Grenoble, France
- 1923-1928 Uniala: Troost P.J., Nuv Yshick, USA (?)
- 1926-1928 Neolatino: Lundström P., Stockholm-Nya Varvet,
 Sverige
- 1929 Monario [II] : Lavagnini A., Mexico
 Mondialo (Neu-Esperanto): Saussure R. de, Bern,
 Suisse/Schweiz
 Mondik: Jousten J., Antwerpen, Belgique
 Panoptic English: Ogden C.K., London, England
 Simplat: Vallaeys R.P.G., Brazil
- 1929 (?) *Auxiliari English: Ferguson O.W., USA (?)
- 1930 **Синтесаль: Рубинин Н., Ашхабад, Туркмения, СССР**
 Aliq: Vallaeys R.P.G., Brazil
 Anglic: Zachrisson R.E., Uppsala, Sverige

- Esperilo: Raymond H.E., Kalamazoo, USA
 Latin eimplificat: Bylema/Bijlema H. (pseud. R. Foddik), Utrecht, Nederland
 Mundi Latin: Weiabart J., Deutschland
 Mundial: Lorenz F.V., Rio Grande do Sul, Brazil
 Neoglyfy: Batěk A.S., Praha, Českosloveneko
 Romangle: D'Harvé G.O., Bruxelles, Belgique
 Sueal: Levanzin A., L. Maxwell, France
- 1931 European: Bylsma/Bijlsma H. (pseud. R. Foddik), Utrecht, Nederland
 Mezepoka Esperanto: Kalocsay K., Budapest, Magyarország
 mu-nba-b: Beuthner A., Markneukirchen, Deutschland
 Scinterlingua (Lingua scinter, Lingua scintifica internationale): Viveros G., Torino, Italia
 Simplificat Italien (Latin modernao): Paccioli A., Volpère-Villafranca (Verona), Italia
 Sperato: Panel, (?)
- 1924-1931 Mondi-lingue (Monda linguo, Mondil): Martineau Th., Tonnay-Olarente, France
- 1932 Ablemonde: Schwarz G., Suisse/Schweiz
 Almondo: Ephron E., Wien, Österreich
 Basic English: Ogden C.K., London, England
 Mondyal: Durant G.(J.), Roma, Italia
 Natural universal language: Elsas E.J., Kaneas-City, USA
 Nonsine (Latina non sine flexione): Tallgren-Tuulio O.J., Helsinki, Suomi
 Sabir: Moralda P., Gap, France
 Weltverkehrssprache: Ritter E., Genève, Suisse/Schweiz
- 1933 Demo (Democratic occidental): Иванов А. (pseud. A. Babadagly), Киев, Украина, СССР
- 1934 Novial [II] (Plubonizat Novial): Jespersen O., København, Danmark
 Selbstgemachte Weltsprache: Hartl A., Linz, Österreich
- 1934 (?) Cultural: Иванов А. (pseud. A. Babadagly), Киев, Украина, СССР
 [European] : Larbaud V., France
- 1935 American cosmo: Arnold M., New York, USA
 Pitusa: Rosenblum B., Basel, Schweiz
 Internasional: Mitrović P., Sarajevo, Jugoslavija
 Mundal: Eylenbosch J.M., Tokyo, Japan/Nippon

- Novo-Romane: Galant A., Madrid, España
 Sona: Searight K., (?)
 Synthetic English: Draper A.P., Lebanon, USA
 Universal-Esperanto (Esperanto renovigita): Saussure
 R. de, Bern, Schweiz
- 1936 Ofat: Farnstad O., Bergen, Norge
 Panamane: Amador M.E., Pueblo Nuevo, Panama
- 1937 Amerikaa spek: Foulk R.O., New York, USA
 Esperanto II : Saussure R. de, Bern, Schweiz
 Mondilingwo I : Lavagnini A., Mexico
 Natural language: Hoover H.E., Mont-Rainer (Maryland),
 USA
 Neo [I] : Alfandari A., Bruxelles, Belgique
 *Nov-Ido: Stör A., Československo
- 1938 IALO: Frome J.H., Doylestown, USA (?)
 Mondilingwo II (Simplified Mondilingwo): Lavagnini
 A., Mexico
 Panlingua: Weber L., Львов - Lwów, Украина - Polska
 Soma: Rosenblum B., Basel, Schweiz
- 1939 Mondilinguo: Lavagnini A., Mexico
 Nature's mother tongue: Lyster B.E., California, USA
 Neolatinus: Monte Rosso A., Buenos-Aires, Argentina
- 1940 Свеслав (Свесловенски језик): Ћурђевић Ч., Београд,
 Југославија
 Latino hodierno: Doran W., Ontario, Canada
 *Telluro: Wheelock A.R., USA (?)
- 194... (?) Slovan: Zidek A.E., USA
- 1941 Latini: Cline C.G., Albany (Indiana), USA
 Relingue: Tempest J., Bradford, England
 Tal: Talano A.H., California, USA
 *Rodis: Margetić V., Split, Jugoslaviја
- 1942 (?) Monling (Kentung): Littlewood K., Leeds, England
- 1943 Interglossa: Hogben L., Middlesex, England
 Mondial: Heimer H., Örebro (Lund), Sverige
 Speedwords: Dutton R.J.C., London, England
 Suma: Russel B., New York-Plainview, USA
- 1944 Olingo: Jaque R.S., Los Angeles, USA
- 1945 Interlingua: Cassina U., Gliozzi M., Milano, Italia
 Interlingua, variante C: IALA, New York, USA
 Interlingua, variante E: IALA, New York, USA
 Interlingua, variante M: IALA, New York, USA
 Interlingua, variante P: IALA, New York, USA

- Leno-Gi-Nasu: Cruz M.A. de la, Mexico, Mexico
- 1946 Code ari: Kovarik F., Wien, Österreich
 Komun: Musil F., Praha, Československo
 Maryala (Mirya): Máriás B., Marcali, Magyarország
 Ruly English: Dodd S.C., Seattle, USA
 Voldu: Stadelmann J., Texas, USA
- 1946 (?) Hoykoy: Ottander G., Östervåla, Sverige
- 1947 Auxilia: Morin G., Villefranche-sur-Mer, France
 Interlingua, variante K: IALA, New York, USA
 Inter-sistemat: Mitrović P., Sarajevo, Jugoslavija
 Latinum universale (Universal-Latein): Pötzl-Pecellius K., Wien Österreich
 Ling: Olson A., Stockholm, Sverige
 Neolatino: Schild A., Basel, Schweiz
 Romanes: Hinde W.D., Carshalton Beecher (Surrey) - Manchester (?), England
 Weltkurzsprache: Burian E., Österreich
- 1946-1947 Safo: Eckardt A., Starnberg/See, Bundesrepublik Deutschland
- 1948 Auxil: Belie A. de, Antwerpen, Belgique
 Europa Latine: Visser W.J., Amsterdam, Nederland
 Internacional: Lima C., Lisboa, Portugal
 Merican: Rouek R.O., Holton (Kansas)? USA
 Mondal: Forshell S., Stockholm, Sverige
 Munda linguo: Weber F., Freiburg, Bundesrepublik Deutschland
 Neo [II] : Alfandari A., Bruxelles, Belgique
 Novilatin: Pigal E., Österreich
 Ortografial reform: Wood Th., Cheshire, England
 Reform: Wood Th., Cheshire, England
 Universel: Decormis A.J., Toulouse, France
- 1949 Fortschritt: Marold H.H., Berlin
 Interlat: Suchel K.F., Karlsruhe, Bundesrepublik Deutschland
 Kosmo: Schröder G., Haag, Nederland
 Langue paneuropéenne: Kainulainen J., Paris, France
 Lingvo monde: Kozłowski W., San Diego, USA
 Nove auxilia: Morin G., Villefranche-sur-Mer, France
- 1942-1949 Semantography (Blissymbolics): Bliss Ch.K., Sydney, Australia
- 195... (?) + + + *Arasta, Teheran, Iran
 Française élémentaire (Française fondamentale):

- Centre de Recherches et d'Études pour la Diffusion
de Française, Paris, France
Novolingua: Wride G.T., (?)
Panamericano: Stern W., Malaga, España
- 1950 **Антро: Андреев Н.Д., Ленинград, СССР**
Antibabele (Anti-Babilona): Magli G., Bologna, Italia
Peace language: Sosdy P., Esslingen, Bundesrepublik
Deutschland
Fikto: Williams J.E., Bushey, England
Simplify-ed English: Piumedoro A., Boston, USA
Uni-spik: Biran G. de, Mainz, Bundesrepublik Deutsch-
land
- 1950 (?) **Общий вспомогательный язык: Шевчугов Н.Д.,**
(pseud. Dan. Ševnik), Омск, СССР
[Common language] : Shaw B., England
Stenophonie: Gigondan F., Fizançon (Drôme),
France
- 1951 + + + Blaire H.E., USA
+ + + Nordano J., Paris//Helsinki, France
Altuta: Ternest C., Belgique
Esperantuisho: Železný J., Těchonice, Československo
Interlingua: Gode A./IALA (International Auxiliary
Language Association), New York, USA
- 1951 (?) Esperantisho: Železný J., Těchonice, Českosloven-
sko
- 1950-1951 Mundion: Weinreich H., Köln, Bundesrepublik De-
utschland
- 1952 Concorde (Concordu): Hall S.P., Wortjing, England
- 1954 Nulingua: Wride G.T., (?)
- 1955 Interling sistem: Wood Th., Stockport, England
Loglan: Brown J.C., Gainesville (Florida), USA
- 1938-1955 Mondi lingua (Mondi lingue): Lavagnini A., Me-
xico
- 1954-1955 Eur(op)ean (Eurean): Jego R., Il de la Réunion,
France
- 1956 + + + Allioni C., Boellu E., (?), (?)
Intal [I] : Weferling E., Braunschweig, Bundesrepub-
lik Deutschland
Neilateinische Sprache: Pompiati K., Wien, Österreich
Niuspik: Herpitt J., Torino, Italia
Pasigraphie: Obermair K., Salzburg, Österreich
Picto: Janson K.J.A., Amsterdam-Wassenaar, Nederland

- Radioglot: Te Winkel J.R., Boston, USA
 Romanid: Magyar Z., Debrecen, Magyarorszag
 Tranalingua (script): Funke E., Iowa City, USA
- 1956 (?) Kosmolinguo (Cosmolingua): Stern W., Malaga, España
 Lingua internacionala (sistema P): Podobsky J.,
 Roveneko pod Troskami, Československo
- 1957 Euroglot (Reform Occidental/Interlingue): Ahlström
 E., Malmö, Sverige
 Prater (Lingua sistem frater): Pham Xuan-Thai, Sai-
 gon-Ho-chi-minh, Vietnam
 Luni: Znioz-Sawicki L., Bydgoszcz, Polska
 Unolok: Wilshire H., Brisbane, Australia
- 1958 aUI: Weilgart W.J., Oakland, USA
 Geo: Salzer H.E., San Diego, USA
 Hesperyo: Lara A., São Paulo, Brazil
 Interling: Wood Th., Ahlström E., England-Sverige
- 1958 (?) Modern(a) Esperanto: Hagner T. (pseud. T. Labago),
 Houston, USA
- 1950-1958 Globaço: Jaque R.S. - Jones G.A., New Orleans/
 London, USA-England
- 1954-1958 Mežduslavjanski jezik: Podmele L. и др., Пра-
 га, Československo
- 1959 City-language (Perfect-city-language): Emami H., Te-
 heran, Iran
 Lalortel: Yetter R.N., Susquehanna (Pennsylvania),
 USA
 Lingua de Europa (Interlingua-Occidental): Homo J.Ch.,
 St. Gallen (?), Wildkirch (?), Schweiz
 Lingua Europaea: Schaetzel W., Genève, Suisse/Schweiz
 *Needed: Hecht G., USA
 Panat: Spolitakiewicz B., Sopot, Polska
 Phonetic: Johnson C.H., Sacramento, USA
 Regularized English: Wijk A., Stockholm, Sverige
- 196... (?) Basic German (Grunddeutsch): Pfeffer J.A., Pitts-
 burgh, USA
 *Eeris: Murphy M., Belfast, Ireland
 *Latino modernigita: Bakonyi S. etc., Luzern,
 Suisse/Schweiz
 *Marial: (?), (?)
 *Mondo-lingua: Galant A., Madrid, España
 Project XXV: (?), (?)

- *Regularized English: Fiumedoro A., Boston, USA
 *Skandinavisk: Moth P., (?)
 *Spel: Epperson F.W., Oakland, USA
 Tilp: Dodd S.C., Seattle, USA
- 1960 Ande: Anderson A.W., Vancouver, Canada
 Cacone: Sacks D., Saint Louis, USA
 Delmondo: Mainprice J.L. (pseud. E.J. Lipman), Kent, England
 Lincos: Freudenthal H., Utrecht-Amsterdam, Nederland
 Logography: Lipschitz B., Danmark
 *Pleonesko: (?), (?)
 Stipfone: Lallemand A. (pseud. A. du Lothier), Andenne (Namur), Belgique
 Ideal: Fjordland S., Hargersten, Sverige
- 1947/1953-1960 Renova: Stojan, Nice, France
- 1949-1960 **Аксиом-вариант: Баев Д.Г., Москва, СССР**
- 1961 Enga: Russell B., New York-Plainview, USA
 Neo [III] : Alfandari A., Bruxelles, Belgique
 Sollinga: **Ликтгейм А.М., Москва, СССР**
 Uneso: Nordin J., USA
 Unilo: Jørgensen V., København, Danmark
- 1930-1961 Lingua universale (LU): Faccioli A., Volpate Villafranca (Verona), Italia
- 1957-1961 Omnilingua (Omnel-langu): Calabresi I., Acqua viva (Siena), Italia
- 1962 Babm: Okamoto F., Tokyo, Japan/Nippon
 Eurolingva: Cowan H.K.J., Utrecht, Nederland
 Utilo: Harrod A.R., Chicago, USA
- 1963 ENI: Monnerot-Dumaine M., Nice, France
 Espro: Rose D.G., Ardmore (Pennsylvania)? USA
 Ladef: **Михайлов М.Н., Варна, България**
 Malfasito: Roussel L., Montpellier, France
 Neo-lingua: Visser W.J., Amsterdam, Nederland
 Reform English: Davis L.G., New York, USA
 Tunish: Blacklock D.S., Sussex, England
- 1963 (?) Model English: Didd S.C., Seattle, USA
- 1964 Eksterlingui: D'Elcorecopo J.K., San Diego, USA
 Euro: Kramsach L.A. de, Österreich
 Eurolatin(e): Visser W.J., Amsterdam, Nederland
 Français reforme: Lallemand A. (pseud. A. du Lothier), Andenne (Namur), Belgique
 Inga: Russell B., New York-Plainview, USA

- Intal [II] : Weferling E., Braunschweig, Bundesrepublik Deutschland
- Interling reformat (Inter-sistem Interling, IS Interling): Wood Th., Cheshire, England
- Neo-Esperanto (Langue Belge): Lallemand A. (pseud. A. du Lothier), Andenne (Namur), Belgique
- Sputnik (Lang Sputnik): Verma R.K., Delhi, India/Bharat
- Tungl: Blacklock D.S., Sussex, England
- Unified: Lallemand A. (pseud. A. du Lothier), Andenne (Namur), Belgique
- Unilingua: Self R., Sussex, England
- Zacno: Porter D.A., Hants, England
- 1964 (?) Linguadel (Latino lingua aux): Davie J.R., Bristol, England
- Oeropi (Langue supra-nationale belge ou européenne, langue extra-nationale): Mertens-van Gossum T., Ohain-La Briere (Brabant), Belgique
- 1963-1964 Utoki: Mainprice J. (pseud. E. Lipman), Kent, England
- 1965 Euronord: Pilgrim A.J., Leicester, England
- Prendo: Churruca A., Palencia, España
- Liberanto: Kotar E., Ljubljana, Jugoslavija
- Nmtish: Irshad H., London, England
- Novisimo: Sosdy P., New York, USA
- Terlango: Kozłowski W.P., San Diego, USA
- Unilingua: Agopoff N., Paris, France
- 1965 (?) *Numaudu: Darreg I., (?)
- 1966 Anglo-Lat: Montero R., San Diego, USA
- Ido reformate: Pellegrini H., Pesaro, Italia
- Lexitec: Benmayor L., Redondo Beach (California), USA
- Lingvologia lingvo: Hanhiniemi E., Ingham, Australia
- Normlingva Esperanto: Halvelik M., Borgerhout-Antwerpen, Belgique
- Zamalo: Alting P.A.C., Rotterdam, Nederland
- 1966 (?) Evropi spik: Legat P., Klagenfurt, Österreich
- 1967 + + + Bretton L.Y. Le, Brest, France
- + + + Sjöstedt C.E., Stockholm, Sverige
- Experimental Ido (Ido experimentalta): Visser W.J.. Amsterdam, Nederland
- Ilion: Milner H., Fachbach, Bundesrepublik Deutschland

- Sekaijo:** World Unification Movement, Tokyo, Japan/Nippon
- Selinga:** **Икстрем А.М., Москва, СССР**
- 1967 (?) **Reform-Esperanto:** Bonge J., Guatemala
"Sistemizd English: Piumedoro A., Boston, USA
- 1952-1967 + + + **Lejeune F. (pseud. J. Effel), Lejeune M., Paris, France**
- 1968 **Gloneo:** Jaque R.S., Patagonia, USA
INE-o: **Мещугов Н.Д., Омск, СССР**
Intal [III] : Weferling E., Braunschweig, Bundesrepublik Deutschland
Reform Unilingua: Seif R., Robertsbridge (Sussex), England
Reneo (Reformita Neo): **Мещугов Н.Д., Омск, СССР**
Unesal: Weferling E., Braunschweig, Bundesrepublik Deutschland
- 1968 (?) **Ino:** Algreen-Ussing N., København, Danmark
- 1920-1968 (?) **REL:** **Френкель Р.А., Мещугов Н.Д., Красноярск - Омск, СССР**
- 1969 **Arcaicam Esperantom (Arkaika Esperanto):** Halvelik M., Brugge, Belgique
Praesperanto: Vilborg E., Göteborg, Sverige
- 1970 **Гео-язык:** **Загорельский Г.А., Ленинград, СССР**
- 1970 (?) **Europe:** Cejnar A., São Paulo, Brazil
- 1971 **Italiane semplificata, le:** Pellegrini H., Pesaro, Italia
- 1971 (?) + + + **Yos A., Miami, USA**
Neu-Latein: Lorenz H., (?)
- 1972 **Eurolengo:** Jones L., Newcastle-upon-Tyne, England
Fasilfon: Carion D., La Courneuve, France
Inglish (Basic English improved): Le Bretton L.Y., Brest, France
Vuldal: Hovey M.A., New York, USA
- 1972 (?) **Meždislav:** Fahlke B.O. (pseud. N.A. Zavtražnov), West Berlin
- 1973 **Koine Romani (Romani koine):** Gila V. de, New Delhi, India/Bharat
- 1973 (?) **Popido (Verda dialekto):** Halvelik M., Brugge, Belgique

Приблизительно датированные лингвипроекты

XX век

- Ito: (?), Japan/Nippon
- Key-way: (?), (?)
- Looos: Yukio O., Japan/Nippon
- Mundes: (?), (?)
- North American: (?), Canada (?), USA (?)
- Panromance: George S., Deutschland
- Semante: (?), (?)
- Sirela: (?), (?)

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Бокарев Е.А. Проекты международных искусственных языков (1925-1970). - In: Interlinguistica Tartuensia 4. Проблемы общей и частной интерлингвистики. (УЗ Тарту ГУ. Вып. 775). Тарту, 1987, с. 147-159.
2. Дреанн Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). - М. -Л.: Госиздат, 1928. - 271 с.
3. Couturart L., Leau L. Histoire de la langue universelle. 2 ed. - Paris, 1907. - XXX, 576 p.; Les nouvelles langues internationales. - Paris, [1907] . - VIII, 112 p.
4. Monnerot-Dumaine M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. - Paris: Librairie Maloine, 1960.-210 p.
5. Steiner H. Katalogo pri la kolektoj de Internacia Esperanto-Muzeo en Wien. Parto II. Sistema katalogo pri la presaĵoj de la ne-Esperanto-artefaritaĵ lingvoj... - Wien: Internacia Esperanto-Muzeo, 1958. - 93 p.
6. Stojan P.E. Bibliografio de internacia lingvo. - Genève: UEA, 1929; 2a eld.: Hildesheim-New York: Georg Olms, 1973. - 561 p.; Katalogo de lingvoj... - Genève: UEA, 1927. - (I), 19 p.
7. Yushmanov N. Kronologia indico de la sistemoj de la lingvoj. In: Mondo, jaro XV (XVII), Stockholm, 1926, N 2 (180), februaro, p. 43-49; Suplemento a "Kronologia indico...", - In: Mondo, 1926, N 12 (190), decembro, p. 295-296.

PROJEKTOJ DE UNIVERSALAJ KAJ INTERNACIAJ LINGVOJ

(Kronologia listo de la II jc. ĝis la XX jc.)

Aleksandr D. Duliĉenko

Interlingvistika lingvoprojektado havas sian kelkcent-jaran historion. Lingvoprojekto estas lingvistika kaj lingva konstruaĵo. Ĉiu lingvokreinto revas pri socia realigo de sia kreaĵo. Pro tio al nomo (titolo) de lingvoprojekto estis jam komence aldonitaj adjektivoj "universala", "unusola", "interhoma", "monda", "tutmonda" k.a. kaj nun estas plejparte aldonataj "internacia", "helpa" ktp. En historiode la interlingvistiko kolektado kaj klasifikado de la lingvoprojektoj estas konata de la pasinta jarcento. Riĉenhava tradicio en tiu rilato formiĝis kaj ekzistas en rusa kaj sovetita interlingvistiko (ni konsideras la lingvoprojektajn kolektojn de Nikolaj V. Juŝmanov, de Petr. Stojan, de Ernst Drezen, de Evgenij A. Bokarev). La aŭtoro proponas sian kolekton de lingvoprojektoj, kreitaj en la II-XX jc. en pli ol 40 landoj. Lia kolekto estis kompilita surbaze de studado de fundamentaj verkoj interlingvistikaj (L. Couturat kaj L. Leau, P. Stojan, N.V. Juŝmanov, E. Drezen, M. Monnerot-Dumaine k.a.), rezulte de longjaraj kontaktoj kun lingvokreintoj kaj de studado de la eminentaj interlingvistikaj periodaĵoj ("Kosmoglott", "Tolero-Interlanguages", "Progreso", "Mondo", "Schola et vita", "Informilo de Internacia Esperanto-Muzeo", "The International Language Review", "Interlingvistika Informa Servo", "Fokuso", "Union" k.a.). La indeksita listo skeme: jaro de kreo, nomo (titolo) de lingvoprojekto, ĝia kreinto, loko kaj lando - enhavas pli ol 900 lingvoprojektojn (precize - 916). La aŭtoro ne konsideras sian liston absolute plena, tamen la plej plena kompare al la antaŭaj. La kronologia listo de la lingvoprojektoj estas prenita el lia ankoraŭ nepublikigita verko "Internaciaj helpaj lingvoj".

ПИСЬМА Л.Л. ЗАМЕНГОФА

Публикация Л.Е. Бокаревой-Лопатиной

Публикуемые письма Л.Л. Заменгофа (в том числе и открытки) хранятся в архиве проф. Е.А. Бокарева (Москва). Они относятся к 1906–1914 гг. и адресованы А.А. Сахарову, С.В. Обручеву, Н.В. Корзлинскому, К.М. Харланову, А.А. Сахаров – основатель книжного магазина "Esperanto" в Москве (1907), ответственный редактор-издатель газеты "La Ondo de Esperanto". С.В. Обручев – в будущем известный советский ученый-геолог, член-корреспондент АН СССР; в период переписки он, по-видимому, студент Технологического института в Томске. Н.В. Корзлинский – автор русско-эсперантского словаря, в рукописи просмотренного Заменгофом.

Эти письма и открытки ранее были опубликованы (по фотокопиям, без указания адресатов) в издании: A. Holzhaus. Zamenhof. Leteroj. – Helsinki: Fondumo Esperanto, 1975. Ниже они публикуются по оригиналам с исправлением неточностей первой публикации.

Все письма, кроме адресованных С.В. Обручеву, были приобретены Е.А. Бокаревым у семьи А.А. Сахарова, а письма С.В. Обручеву – у его родственников. Адресаты указаны только на открытках; письма приобретены без конвертов и в этих случаях адресат устанавливается по устным сообщениям бывших владельцев писем.

I. A.A. Сахарову

[1906 г. ?]

Bro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

La artikolo "Esenco kaj Estonteco de la ideo de lingvo Internacia" estae verkita ne de Sro Beaufront, sed de mi (sed mi deziras, ke ĝi reetu anonima). Kun plezuro mi donas al Vi plenan permeson represi ĝin kune kun rusa traduko en Via verko. Ankaŭ mian "Preĝon" mi kun plezuro permesas al Vi represi.

Kun kora saluto

Via L. Zamenhof.

Примечание: Другим почерком записана дата 1906.

2. A.A. Сахарову

23/XI - [19] 06 г.

Bro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Mi sendis al Vi el Varsovio po 10 ekz. de la gramatiko kaj de la Universala Vortaro. La 10 ekz. de la Fundamenta Krestomatio Vi ricevos post 4-5 tagoj rekte el Parizo.

Via L. Zamenhof

На обороте:

г. Ардатов

Самарской губ.

Податному инспектору

Г-у А.А. Сахарову.

3. С.В. Обручеву

[9-10 января 1908 г. ?]

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Por publikigi Vian propagandan leteron, prenitan el mia lernolibro, mi kun plezuro donas al Vi plenan permeson. Sed Via opinio pri N 85 eetae erara, ĉar la transsendo de tiu broŝureto kostas ja nur 2 kop., sekve tiom same, kiom koston la transsendo de Via letero.

Via L. Zamenhof,

Примечание: Датируется предположительно на основании свидетельства семьи С.В. Обручева (карандашная запись на обороте письма).

4. С.В. Обручеву

25/УІ- [19]08

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Estimata Sinjoro!

La verkon de spro Ŝĉavinski mi ne havas. - De la verkoj "Univ. vortaro", "Plena rusa-esp. vortaro", "Ekzerca-ro" mi povas doni al Vi 25% ee Vi aĉetos per unu fojo ne malpli ol por 10 rubloj. Por la transsendo Vi pagos 10%. - De la krestomatio mi povas doni nur senpagan transsendon. Sed sen rabato.

Via L. Zamenhof

На обороте:

Томск

Технологический институт

Сергею Владимировичу Обручеву

Б. А.А. Сахаров

29/I- [19]09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Antaŭ kelkaj tagoj mi ricevis de s-ro Popov je Via kalkulo 330 r. kaj mi tuj sendis al Vi la librojn, kiujn Vi mendis; la kvitancon mi tie ĉi almetas.

Ekzercarojn mi sendis laŭ Via deziro en la nombro de 700 ekz., sed la lernolibrojn mi sendis nur 400 ekz., ĉar pli mi nun ne havas. Post 7-8 tagoj estos preta nova eldono, kaj tiam mi tuj sendos al Vi la restaĵn 300 ekz.

La kalkulo estas jena:

Por 400 N 77 nominale	100 r. 00	
por 700 N 72 nomin. -	210. 00	
	<hr/>	
	310. 00	
Senpage 1/7 -	44. 30	
	265. 70	
33 ¹ /3 % -	88. 56	
	<hr/>	
	177. 14	- 177. 14
Kovro de Via ŝuldo de antaŭe -	150. 00	
	<hr/>	
	327. 14	

Ĉar mi ricevis de Vi

330 r., sekve mi restas ŝulda al Vi 330 - 327. 14 = 2 r. 86 kop.

De mia esperanta rusa vortaro estas jam kompostita duono; sed la kompostado iras pli malrapide ol mi supozis (ĉar en Varsovio mankas lertaj kompostistoj por la rusa lingvo), tial la kompostado estos finita (malgraŭ mia konstanta memorigado) ne pli frue ol ĉirkaŭ la fino de Marto,

kaj la pretaj ekzempleroj estos senditaj al Vi en la fino
de Marto (novastila).

Via L. Zamenhof

6. A.A. Сахарову

13/II- 19[09]

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Hieraŭ mi sendis al Vi la promesitajn 300 ekz. de la
lernolibro N 77; la kvitancon de fervojo mi tie ĉi almetas.
La kosto de la senditaj ekzempleroj (deprezinte la senpa-
gan 1/7 kaj $33\frac{1}{3}\%$) estas 42 r. 84. - Ĉar mi restis ŝulda
al Vi 2 r. 86 kop., sekve nun Vi ŝuldas al mi 42. 84 -
- 2. 86 = 39 r. 98 kop.

Via L. Zamenhof.

7. С.В. Обручеву

20/II- [19]09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

E. S.

La gazeton "Сибирская жизнь" kun Via bonega artikolo mi
danke ricevis.

Via L. Zamenhof.

На обороте:

г. Томск

Технологический институт

Г-ну С. Обручеву

S. A.A. Caxapony

16/III- [19]09

Dro L. Zamenhof

Varaovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjero!

Kun granda plezuro mi ricevis la unuan numeron de Via gazeto "La Ondo de Esperanto". Dum eĉ plej malgrandaj nacioj havas sian Esperantan organon, la granda ruse - parlanta nacio restis en la lasta tempo tute sen organo; tial la apero de Via gazeto, kiu metas finon al tiu stranga kaj bedaŭrinda situacio, sendube estos ĝoje salutita de ĉiuj niaj amikoj. Mi deziras al Via gazeto la plej bonan prosperadon; mi esperas, ke Via energio kaj persisteco baldaŭ akiros por Via gazeto konfidon kaj estimon de la tuta esperantistaro kaj antaŭ ĉio kunlaborandon kaj subtenadon de ĉiuj esperantistoj rusaj.

Via L. Zamenhof

La kompostado de la vortaro esperanto-rusa estas jam finita. Mi esperas, ke post 8-10 tagoj mi jam povos sendi al Vi ĉiujn pretajn ekzemplerojn.

Sur la titola paĝo mi presigis Vian adreson kaj en la fino de la libro mi presigis la sciigon, ke katalogojn kaj ĉiajn librojn de la esperanta literaturo kaj ankaŭ ĉiujn esperantajn gazetojn oni povas ricevi per Via magazeno.

L.Z.

9. A.A. Caxapovy

23/III- [19]09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9.

Kara Sinjoro!

Laŭ Via deziro mi sendis al Vi po 50 ekz. de NN 64 kaj 90. Ila nominala kosto estas 30 rubloj. Depreninte $33\frac{1}{3}\%$ kaj prenante la transsendon sur min, mi enskribis en Vian Ŝuldon 20 rublojn.

Post 3-4 tagoj mi sendos al Vi jam la pretan novan vortaron. Laŭ Via mendo la vortaro estas presita en la nombro de 5000 ekzempleroj. Sed ĉar ĉe la lasta eldono de la vortaro N 17 la bindisto malbonigis multe da ekzempleroj, tial mi dume lasis bindi kaj mi sendas al Vi nur 2000 ekzempleroj; kiam mi ricevos de Vi la soligon, ke ĉiuj ekzempleroj alvenis al Vi en bona stato, tiam mi lasos bindi ankaŭ la ceterajn 3000 ekz. kaj sendos ilin al Vi. En la okazo, se Vi trovos difektitajn ekzemplerojn, volu ilin resendi al mi, kaj mi dekalkulos ilian koston.

Kvankam en la nova vortaro estas presite, ke oni povas ĝin ricevi nur ĉe Vi, tamen mi supozas, ke de tempo al tempo troviĝos personoj, kiuj volos aĉeti la vortaron per mi; tial estus bone, se mi havus ian malgrandan provizon da ĝi por ĉiu okazo; mi petas do, ke Vi volu sciigi min, ĉu Vi konsentus sendi al mi 100 ekzemplerojn kun 40 % da rabato. Se Vi konsentas, tiam mi lasos ĉe mi 100 ekzemplerojn, kaj de la mono, kiun Vi sendos al mi, Vi dekalkulos 48 rublojn.

Mi esperas, ke tuj post la ricevo de la libroj Vi ne forgesos sendi recenzajn ekzemplerojn al la esperantistaj gazetoj?

Via L. Zamenhof

IO. A.A. Caxapovy

2/IV- [19] 09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Antaŭhierau mi sendis al Vi per banderolo 5 ekz. de la vortaro, kaj hierau mi sendigis al Vi la tutan reston (1988, ĉar kelka nombro iris en la cenzurejon) per fervojo, granda rapideco. Ŝajnas al mi, ke la fervojo kalkulis por la transendo tro multe (mi supozas, ke oni kalkulis ne laŭ la takso de libroj, sed laŭ la takso de simpla komercaĵo): tial eble estus bone, se akceptante la keston Vi postulos ke oni malfermu la keston, por konvinkiĝi, ke tie estas libroj; en tia okazo, se la fervojo kalkulis tro multe, Vi povos postuli, ke ili regustigu la kalkulon.

Volu skribi al mi, ĉu Vi ricevis la librojn en bona ordo; post la ricevó de Via sciigo mi tuj lasos pretigi la ceterajn 3000 ekzemplerojn kaj sendigos ilin al Vi.

Ĉar mi devas nun pagi al la presisto grandan sumon, mi estos al Vi tre danka, se la pagon por la ricevitaĵ 1993 (1988 + 5) ekzempleroj Vi volos sendi al mi tuj post la ~~ricevo~~ ricevo de la libroj; la monon por la ceteraj 3000 ekzempleroj Vi povos sendi al mi iom poste, post la ricevo de tiuj libroj.

Via L. Zamenhof

11. A.A. Сахарову

5/IV- [19] 09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Mi rapida sciigi Vin, ke mi ricevis de Vi 1000 rublojn por kiuj mi kore Vin dankas. La menditajn 30 adresarojn mi sendos al Vi post 2-3 tagoj.

Via L. Zamenhof

На обороте:

г. Москва

Тверская 28

Г-ну А.А. Сахарову

12. A.A. Сахарову

7/IV- [19] 09

Dro L. Zamenhof

Vareovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Laŭ Via komisiio mi ricevis hieraŭ de ero P.I. Popov el Atjaŝevo 200 rublojn, kiujn mi danke enskribis.

Via L. Zamenhof

На обороте:

г. Москва

Тверская 28

Г-ну А.А. Сахарову

I3. A.A. Caxapovy

22/IV- [19] 09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Mi tre miras, ke ĝis nun Vi ne sciigis min pri la ricevo de la 2000 ekz. de la nova vortaro! Ĉu Vi ilin ankoraŭ ne ricevis? Ĉu Vi ricevis ilin en bona stato? Mi ne povas komenci la pretigadon de la ceteraj 3000 ekz. antaŭ ol mi havos Vian sciigon.

Ĉar mi devis tro forte rapidigi la kompostiston kaj la preeiston, tial la unuaj 2000 ekz. ne fariĝis tiel bonaj, kiel mi dezirus. Nun mi iom plibonigas la stereotipitan kompostadon, mi prenos ankaŭ pli bonan paperon, tial la nunaj ekzempleroj eetos pli bonaj ol la ĝisnunaj.

Via L. Zamenhof

На обороте:

г. Москва

Тверская 28

Г-ну А.А. Сухомлин

I4. A.A. Caxapovy

26/IV- [19] 09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

La 20 rublojn mi ricevis kaj enskribis. Laŭ Via deziro mi sendis al Vi 175 tradukojn kaj 315 plenajn vortarojn rusa - esp. Por ĉio mi enskribis en Vian ŝuldon 200 rub-

lojn. La fervojan kvitancon mi tie ĉi almetas.

De la Adreearo mi sendis al Vi antaŭ 3-4 semajnoj la serion 28; la serion 29 mi ne ricevis ankoraŭ el Pariso.

La ceterajn 3000 ekz. de la esper. - rusa vortaro mi esperas sendi al Vi post 3 semajnoj.

Via L. Zamenhof.

I5. K.M. Харланову

I7/y- [I9]09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Karaj Sinjoroj!

Ĉi tiun mian karton volu sendi al Sro Saĥarov, kaj li sendos al Vi por Viaj 1 r. 36 kop. tion, kion Vi desiros.

Via L. Zamenhof

17/V-09

Al Sro A. Saĥarov

Moskvo, Tverekaja 28

De la sendanto de ĉi tiu karto mi ricevis 1 r. 36 kop. (unu rublo 36 kop.) por transdoni al Vi. Ĉi tiun sumon mi enskribis en Vian krediton. La nunan karton volu tial rigardi kiel signon de pago kaj plenumi la mendon de la sendanto en la valoro de 1 r. 36 kop.

Via L. Zamenhof

На обороте:

г. Харьков

Рождественская I7,

Г-ну К.М. Харланову

I6. H.B. Корзалинскому

24/VI- [19]09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Kolego!

Mi promesis preni sur min la redaktadon de la vortaro, kiun sendos al mi d-ro Kabanov kaj la firmo Posrednik; tial Vi facile komprenos, ke, por ne rompi mian promeson, mi povas partopreni en la laboro de aliaj personoj nur en tia okazo, se Kabanov kaj Posrednik skribos al mi, ke ili tion deziras. - Kiom da tempo okupos la trarigardado - mi ne povas antaŭvidi, ĉar mi estas terure okupita; sed mi penos labori kiel eble plej rapide.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Средняя Кисловка

дом Волкова, кв. 10

Доктору Н.В. Корзалинскому

I7. A.A. Сахарову

27/VII- [19]09

Dro L.L. Zamenhof

Varsovio

etr. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Antaŭ ĉio volu akcepti mian koran kondolencon pri la granda perdo, kiu trafis Vin per la perdo de Via estimata patro. La vundo, kiu neniam povas forgesiĝi, almenaŭ baldaŭ cikatriĝu!

La 100 rublojn mi danke ricevis. Laŭ Via deziro mi sciigas Vin, ke en la nuna momento Via ŝuldo al mi restas

315 rubloj.

La 40 kajerojn de la Adresaro (po 20 ekz. de ambaŭ partoj), kiujn mi sendis al Vi en la pasinta semajno, mi ne enskribis en Vian ŝuldon, ĉar per ili mi kovris la perdon de aliaj Adresaroj, kiuj antaŭ 3-4 monatoj ne venis al Viaj manoj.

Via L. Zamenhof

И. А. А. Сахарову

13/VIII- [19]09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Mi sciigas Vin, ke mi ricevis:

de Vi el Moskvo 55 r.

- " el Ardatovo 160

por Vi de sro Popov 100

kune 315 r.

Akceptu mian koran dankon! Nun Via ŝuldo estas tute kovrita kaj ni estas kvitaj.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Тверская 28

Г-ну А.А. Сахарову

19. H.B. Норалинскому

30/X- [19] 09

Dro L.L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Kolego!

Kune kun tiu ĉi letero mi sendas al Vi la subskribitan leteron - kontrakton. La korektitajn foliojn de la manuskripto mi sendas al Vi post 4-5 tagoj.

Kun kora saluto

Via L. Zamenhof

20. A.A. Сахарову

9/XI- [19] 09

Dro L.L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Laŭ Via deziro mi sendis al Vi:

162 ekz. de N 17 - 162.00

400 N 77 - 100.00

30^{II} N 72 - 9.00

20 N 64 - 8.00

279.00

Rabato 50 % - 139.50

Elspesoj de transsendo 139.50

4.56

144.06

Sekve Vi ŝuldas nun al mi 144 r. 06 kop. - La fervojan kvitancon mi ĉi tie almetas.

Via L. Zamenhof

³ Mi ne povis sendi 100 ekz., ĉar mi nun havas jam tre malmulte; pli grandan nombron de N 72 Vi povas ricevi de la firmo Hachette.

21. H.B. Корзлинскому

15/XI- [19] 09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Kolego!

La trarigarditan manuskripton mi sendis al Vi antaŭ-hieraŭ. Mi sendis sub banderolo, ĉar tio estas pli oportuna kaj pli malkara. Poŝtajn markojn Vi nun plu ne bezonas sendi al mi, ĉar la 1 r. 50 kop., kiujn Vi sendis, sufiĉos por longa tempo.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Ср. Кисловка, дом Волкова
Доктору Н. Корзлинскому

22. H.B. Корзлинскому

26/XI- [19] 09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Kolego!

La 53 paĝon de "Б" kaj "В" mi resendis al Vi hodiaŭ. El la "Proverbaro Esperanta" Vi povas preni por la vortaro kiom Vi volas.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Ср. Кисловка, дом Волкова
Доктору Н. Корзлинскому

23. А.А. Сахарову

[11/XII-09]

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Mi petas Vin, volu sendi je mia kalkulo unu signeton esperantistan (modelo Jasse) al Ф.Е. Оксаковский, г. Владивосток, Пушкинская 51, кв. 1.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Тверская 28

Г-ну А.А. Сахарову

Примечание: Другим почерком вписана дата 18/XII. Дата отправления устанавливается по почтовому штемпелю и содержанию (ср. письмо 24).

24. А.А. Сахарову

11/XII- [19]09

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Volu sendi je mia kalkulo unu ekzempleron de la "Komercal Leteroj" de Berthelot - Lambert al sro Edvard Grjibovskij. Adreso: Ст. Кубанская, Владикавк. ж. дор., имение "Хуторок", Э.И. Гржибовскому - Antaŭ 6 semajnoj mi sendis al Vi diversajn librojn por la sumo de 144 r. 06 kop. Ĉu Vi ilin ricevis?

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Тверская 28

Г-ну А.А. Сахарову

Примечание: Другим почерком вписана дата 18/XII.

25. Н.В. Корзелинскому

6/IV-1910

Dro L.L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Kolego!

Laŭ mia opinio la vorto "duigiteco" por "двойственность"
estas bona.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Ср. Кисловка, дом Волковых

Доктору Н.В. Корзелинскому

26. Книжный магазин "Эсперанто"

[10/II-1912]

Dro L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Karaj Sinjoroj!

La 2 ekz. de la "Ruslanda Adresaro" mi danke ricevis.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Тверская, 26

Книжному магазину "Эсперанто"

Примечание: Другим почерком вписана дата 12/2 1912. Дата
отправления устанавливается по почтовому штемпелю.

27. A.A. Сахарову

9/IX- [19]12

Dro L.L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

La rublojn 130⁷⁸ mi danke ricevis kaj enskribis en Vian krediton.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Тверская 26

Книжному магазину "Эсперанто"

Г-ну А.А. Сахарову

28. A.A. Сахарову

4/III 1914

D-ro L.L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Karaj Sinjoroj!

Post la publikigo de mia letero en la novembra numero de la "Ondo" mi ricevis de sro Couturat koleran kaj malĝentilan leteron (rekomenditan), en kiu li skribis, ke li sendis "respondon" al la redakcio de la "Ondo", sed ĉar li timas, ke la redakcio ne volos publikigi, tial li postulas, ke mi devigu Vin publikigi lian respondon. Post paso de unu monato mi ricevis de li denove rekomenditan leteron, en kiu li (en maniero ankoraŭ pli malĝentila) sciigis min, ke li ricevis de Vi promeson, ke lia Respondo estos presita, sed ĝis nun Vi ĝin tamen ne presis; tial li denove ripetas sian postulon ke mi Vin devigu, kaj li diras: Je vous le répète tres serieusement, et pour la dernière fois; il ne s'agit

plus de la loyauté de ce journal, mais de la vôtre, et je vous rappelle que votre conduite me dictera la mienne. Vous devez savoir par expérience que je fais tout ce que je dis, et que je ne recule jamais devant un devoir à accomplir...".

Kompreneble, ankaŭ ĉi tiun buban leteron mi lasis tu-te sen responde.

Sed nun mi mem iom miras, ke malgraŭ via promeso vi ĝis nun ne publikigis lian respondon. Laŭ mia opinio ekzistas neniam malhelpo por publikigo de lia "reĝustigo", kiu ja absolute nenion reĝustigas. Tamen se vi pro ia kaŭzo decidis ne presi lian "reĝustigon", mi petas vin, ke vi almenaŭ volu sciigi al li la kaŭzon de via decido, por ke li laŭ sia maniero ne pensu, ke mi "malpermeis" al vi publikigi lian artikolon.

Via L. Zamenhof

Примечание: на полях написано А.А. Сахаровым "Отв. al S-ro Couturat 3/III-14".

29. A.A. Сахарову

29/V-1914

Dro L.L. Zamenhof

Varsovio

str. Dzika N 9

Kara Sinjoro!

Laŭ Via deziro mi konsentas, ke Vi pagu al mi la reston de la suldo en Augusto.

Via L. Zamenhof

На обороте: г. Москва

Дубянский Проезд 3

Книжный магазин "Эсперанто"

Г-ну А.А. Сахарову

LETEROJ DE L.L. ZAMENHOF

Prezentado de L.E. Bokareva-Lopatina

Temas pri 29 leteroj, skribitaj de L.L. Zamenhof dum 1906-1914 kaj senditaj al adeptoj de la Lingvo Internacia en Rusio. Inter ili estas redaktoro-eldonisto de la revuo "La Ondo de Esperanto" A.A. Saĥarov, kompilanto de rusa-esperanta vortaro N.V. Korzlinskij, estonta konata soveta scien-cisto pri geologio S.V. Obruĉev kaj K.M. Ĥarlanov. Ĉiuj ori-ginalaĵoj konserviĝas en la arkivo de la soveta lingvisto kaj interlingvisto E.A. Bokarev. Antaŭe ĉiuj leteroj estis publikigitaj en la libro de A. Holzhaus "Zamenhof. Leteroj" (Helsinki: Fondumo Esperanto, 1975), sed kun apartaj teksto-mankoj kaj malĝustaĵoj. Nun ni havas eblecon uzi tiujn do-kumentojn apartenantaj al manuskriptoj de L.L. Zamenhof.

+ + +

Исправление. В четвертом выпуске серии "Вопросы общей и частной интерлингвистики" (1987) в работе Е.А.Бокарева "Проекты международных искусственных языков (1925-1970)" на стр. 159 пропущены два проекта:

1967

Sonata , P.Сыртланов (СССР)

1970

Geo , Г.А. Загорельский, Ленинград

Содержание

Эсперантология

<u>Дуличенко А.Д.</u> Международный искусственный язык в практике: к столетию функционирования эсперанто	3
<u>Кузнецов С.Н.</u> Фонологическая система эсперанто. (Фрагмент теоретической грамматики планового языка). . .	25
<u>Алвре П.</u> Лексические параллели финно-угорских языков и эсперанто	53
<u>Колкер Б.Г.</u> Вклад русского языка в лексику эсперанто . .	74

Общая интерлингвистика

<u>Корнилов Д.В.</u> Интерлингвистическая концепция Отто Есперсена. К 125-летию со дня рождения	92
<u>Мельников А.С.</u> К вопросу о логицизме в лингвопроектировании	107
<u>Дуличенко А.Д.</u> Проекты всеобщих и международных языков. (Хронологический индекс со II по XX вв.)	126

Публикации

Письма Л.Л. Заменгофа	163
---------------------------------	-----

ENHAVO

Esperantologio

<u>Duliĉenko A.D.</u> Internacia konstruita lingvo en praktiko: okaze de la centjara funkciado de Esperanto .	3
<u>Kuznetsov S.N.</u> Fonologia sistemo de Esperanto. (Fragmento de teoria gramatiko de la planlingvo) . . .	25
<u>Alvre P.</u> Einige lexikalische Parallelen der finnisch-ugrischen Sprachen und des Esperanto - Leksikaj paraleloj de finnougraj lingvoj kaj Esperanto . .	53
<u>Kolker B.G.</u> Kontribuo de la rusa lingvo al la leksiko de Esperanto	74

Ĝenerala interlingvistiko

<u>Kornilov D.V.</u> Interlingvistika koncepto de Otto Jespersen. Al 125-a datreveno de la naskiĝtago	92
<u>Melnikov A.S.</u> Pri logikismo en lingvoprojektado	107
<u>Duliĉenko A.D.</u> Projektoj de universalaj kaj internaciaj lingvoj. (Kronologia listo de la II jc. ĝis la XX jc.)	126

Publikakoj

<u>Leteroj de L.L. Zamenhof. Prezento de L.E. Bokareva-Lopatina</u>	163
---	-----

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 191.
ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО
ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА.
Interlinguistica Tartuensis 5.
На русском языке.
Резюме на разных языках.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор А.Д. Дуличенко.
Подписано к печати 25.XI.1987.
МБ 11821.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов II,36. Печатных листов II,5.
Тираж 700.
Заказ № 767.
Цена 2 руб. 30 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.